

ОБЗРЕВАТЕЛЬ OBSEVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Момент истины для России	6
---------------------------------	---

Д.Халидов

Член-корреспондент Академии геополитических проблем считает выступление Президента России В.В.Путина в Мюнхене моментом истины, расставанием с иллюзиями общечеловеческих ценностей и “Большой Европы”. По мнению автора, “холодная война” не прекращалась, о чем свидетельствуют действия НАТО в Центральной и Восточной Европе по размещению систем ПРО, а также документы, разработанные в Пентагоне, в частности “Единая перспектива-2010”.

Факторы вызова и ответа в истории СССР – России	16
--	----

С.Конопатов

В статье с позиций цивилизационного подхода анализируется история СССР – России. Вскрывается несостоительность утверждений о том, что СССР был обречен, а также широко распространенных трактовок причин его разрыва. В новом свете показана роль И.В.Сталина, а также горбачевской “перестройки” и ГКЧП в истории СССР. Выводится сущностная причина его разрыва, а также возможный шанс на сохранение и развитие.

В защиту русского языка	22
--------------------------------	----

Б.Габараев

Отмечая особую роль русского языка как государственного языка страны, автор говорит о недооценке его роли государством, обществом, а особенно политиками и деятелями культуры, о равнодушии и неуважении к нему.

Руководство страны не контролирует развитие общегосударственного языка, не борется с засильем иностранных слов, а самое главное не придает значения необходимости поддержки

русского языка, русской культуры в зарубежье, в частности на постсоветской территории, где значительная часть населения еще владеет русским языком. Именно русский язык и русская культура являются существенными элементами повышения международного имиджа России.

Мигранты в Москве глазами столичных жителей

29

О.Муштук

Статья посвящена анализу результатов социологического исследования общественного мнения москвичей, полученных при опросе на тему: “Жители столицы о мерах, реализуемых городской властью по регулированию миграционных потоков”. Основным является вывод о том, что при всей толерантности москвичей к мигрантам, алгоритм жизнедеятельности приезжих должен строиться на адаптации к той среде, в которую они вливаются, а не наоборот.

Экономическая безопасность России

39

Ю.Бойко

Автором отмечены современные вызовы позиции России на мировом рынке. Исследовано влияние динамики численности трудоспособного населения страны на перспективы ее экономического развития. Проведен анализ особенностей иммиграционного процесса периода реформ и предложены подходы к повышению эффективности включения миграционного фактора в решение проблем экономической безопасности государства.

НАТО: новая структура – новые возможности

47

В.Штоль

В статье анализируются решения, принятые на последнем саммите НАТО, состоявшемся в конце прошлого года в Риге. Особое внимание удалено завершившейся трансформации командных структур Североатлантического альянса, а также созданию Сил реагирования блока в увязке с новыми целями и задачами в деятельности НАТО, прежде всего с учетом ее продолжающегося географического и функционального расширения.

Сотрудничество ЕС – НАТО в сфере безопасности

58

Н.Коварский

Автор рассматривается основные направления сотрудничества Евросоюза и НАТО в области безопасности на современном этапе, возможности кооперации Сил реагирования НАТО и ЕС; взаимодействие организаций в сфере развития военных потенциалов. Анализируется их взаимодействие в ходе операций, проводимых на основе механизма “Берлин-плюс”.

Председательство ФРГ в ЕС

66

А.Никитин

В первом полугодии 2007 г. Федеративная Республика Германия председательствует в Европейском союзе, одновременно возглавляя в текущем году “Большую восьмерку”. Несмотря на определенную преемственность, в повестке дня ЕС каждая страна-председатель стремится расставить собственные акценты, касающиеся перспектив развития Евросоюза. Германское видение дальнейшей судьбы ЕС заслуживает особого внимания из-за значительности вклада этой страны в европейскую интеграцию. Кроме того, председательство ФРГ в ЕС приходится на год переза-

ключения Генерального соглашения России с Европейским союзом. Поэтому от результатов председательства Германии будет во многом зависеть обновленный облик ЕС, в углублении взаимовыгодного партнерства с которым заинтересована наша страна.

Международный терроризм в современном мире

74

С.Бекбосынова

Статья посвящена истории и современному состоянию международного терроризма. Автор рассматривает терроризм как проявление исторической слабости тех сил, которые неспособны достичь целей другими методами. В работе отмечено, что международный терроризм превратился в одну из острейших глобальных проблем современности и для борьбы с ним необходимы коллективные усилия всего мирового сообщества. Все четче видна связь международного терроризма с другими глобальными проблемами.

Перспективы российской инновационной сферы

80

А.Атерекова, А.Журов, П.Селезнев

На основе анализа мер, предпринимаемых государственной властью в сфере науки и инноваций, выявлены причины, препятствующие развитию инновационных процессов.

Авторами сформулированы предложения по созданию инновационной среды в России. Предлагаются меры по повышению эффективности научных организаций и инновационных компаний, в частности за счет создания инновационных сетей, улучшению информационных связей между заинтересованными участниками инновационных процессов, а также представлены предложения по методике оценки эффективности деятельности инновационных сетей.

“Имперская идея” как актуальный концепт политической культуры

92

Л.Панкова, О.Леонова

“Имперская идея” представляет собой специфическую форму общественного сознания, несет привлекательную и мобилизующую массы национальную идеологию, без которой невозможно национальное возрождение.

Имперская идеология является важным инструментом для анализа происходящих в России социально-политических трансформаций и в перспективе может стать концептуальным обоснованием политики и политического поведения. В рамках данной идеи определяется вектор развития политических процессов.

Реанимация “имперской идеи” отражает актуальный тренд национального сознания и общественного бытия, перспективный вектор социально-политического развития страны и возможности её геополитической трансформации.

Первая волна русской иммиграции в США

101

А.Ручкин

Статья посвящена проблемам возникновения и развития русской диаспоры в США в первой половине XX столетия. В работе прослежены основные этапы русской иммиграции с учетом организационного строительства русских общественных организаций до- и постреволюционных волн. Автором рассмотрено отношение диаспоры к ключевым событиям российской истории в отмеченный период, выявлены основные черты Русской Америки, ее отличительные особенности и характеристики.

Ядерное нацеливание: первые 60 лет

108

А.Макхиджани

Директор Вашингтонского института проблем окружающей среды и энергетики пишет об истории Манхэттенского проекта по созданию атомного оружия, о смене его первоначальной антифашистской направленности, о распространенности представления, что атомная бомба решает все проблемы и является реальным средством достижения власти. Автор анализирует широкомасштабную ядерную программу США как часть программы «холодной войны» и считает, что ядерная пропасть «холодной войны» сохраняется.

По его мнению, реализация триумфальных научных открытий без соблюдения моральных норм и политического предвидения может и не привести к решению основных глобальных проблем.

Рецензии

Военная безопасность России в современных условиях

115

Ю.Скуратов

В рецензии на книгу М.Ф.Гацко «Правовое обеспечение военной безопасности России. Теоретико-правовое исследование» отмечается, что автор комплексно исследует вопросы правового обеспечения военной безопасности, являющейся важнейшей составляющей национальной безопасности государства.

Неравнодушные заметки о «перестройке»

119

А.Берков

Автор монографии «Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке» К.Н.Брутенц, специалист по проблемам национальных отношений и внешней политике, 30 лет проработал на Старой площади. Как отмечает рецензент, он был как бы «внутри» той политики Горбачёва, которую называли «перестройкой», близко общался с её «архитекторами», знал о реакции на неё зарубежных лидеров. Автор монографии анализирует причины неудачи политики, проводившейся в 80-е годы в СССР и приведшие к развалу страны.

Литературная страничка

В.Безрук «Грядет зима, докучные заботы» (стихи)

126

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень вводится в действие с 1 января 2007 года.

Момент истины для России

Размышления после мюнхенской речи В.Путина

Деньга Халидов,
руководитель Центра стратегических
и геоэкономических исследований,
член-корреспондент и советник президента
Академии геополитических проблем

Мюнхенская речь Президента России явилась своеобразным моментом истины, символизирующим эмоциональный призыв к расставанию с горбачевско-яковлевскими правлениями иллюзиями 20-летней давности.

Аналитики из патриотического лагеря давно ждали от В.Путина именно такой речи и такого отпора все нарастающему давлению Запада. И рассуждения на тему: “Прав Президент России или не прав?” – исходят исключительно от тех, кто погружен в настоящее вне связи с прошлым и будущим страны или мысленно идентифицирует себя с “цивилизованным миром”, от которого по определению не может исходить угроза. Ну что тут поделаешь!

Память человеческая коротка и вот уже забыты многие “гуманитарные” акции Запада. Забыта и та циничная ложь, которая оправдывала эти акции.

Но это полбеды.

Завеса молчания окружает целый ряд ключевых документов, принятых задолго до 11.09.2001 г. и определяющих геостратегию США на десятилетия вперед.

В связи с массированным “пиарным” шумом на Западе и обвинениями В.Путина в начале нового витка “холодной войны” встает вопрос: “Были ли у Президента РФ какие-либо серьезные основания для столь резкого размежевания с американскими “партнерами”?

Путин безусловно озвучил растущие во всем мире опасения.

Но может быть действительно у Америки одна благородная цель – “продвижение демократии” и нет оснований опасаться агрессивных намерений в отношении России?

Политическое раздвоение

Сначала имеет смысл проанализировать истоки живучести (в среде отечественной элиты) иллюзий, связанных с политикой Запада в отношении России.

До последнего времени за редким исключением отечественные масс-медиа старательно избегали темы опасной концентрации вызовов и угроз различного рода, исходящих от Америки

(НАТО). Допускаю, что не хотели раньше времени дразнить “Немого великана” (как называют “США” американские интеллектуалы из группы Линдона Ларуша). Больше предпочитали педалировать тему “международного терроризма” – типичный продукт совместного “творчества” спецслужб и “пиарной” возгонки, выполняющий роль ложной цели. Кем только не пугали. И Бен Ладеном, и талибами, и исламскими фундаменталистами из Центральной Азии. Обилие подобного рода материалов в истекшее 5–7-летие оставляло странное впечатление о недекватности не столько журналистов, сколько людей серьезных, вроде бы и наделенных властью, которые верят в эту чушь.

А тем временем, пока мы “жевали” ложную цель, США (НАТО) спокойно подбирала под себя “бесхозную” территорию СНГ и вообще успели получить многое в полном соответствии с теми ключевыми стратегическими посылами, которые были взяты на вооружение Вашингтоном еще в 90-е годы. Моменты истины (для Кремля) раз за разом стали наступать начиная с 2002 г., с тех пор, как Вашингтон твердо “намекнул” всем, что “они в Центральной Азии надолго...”.

А риторика же о “партнерстве против терроризма” успешно гасила закрывающиеся было сомнения и вселяла надежду на реализацию идеи о вхождении России в “Большую Европу” (от Парижа и Лондона до Владивостока) в качестве равноправного члена, на инвестиции и трансферты технологий и т.п. В общем, “разводили” Россию по полной, тем более что и “внутренняя эмиграция” (в правительстве и в масс-медиа, в экспертном и политическом сообществе) весьма этому способствовала. Для всей этой публики солнце

давно уже восходит на Западе. Несмотря на свою относительную малочисленность, именно она задавала тон во внешней и оборонной политике, обрекая Россию на роль младшего “партнера” Запада.

Поэтому как-то вяло и не уверенно, с оглядкой, выстраивалась (и до сих пор выстраивается ни шатко, ни валко) что-то похожее на альтернативную (НАТО и ЕС) систему региональных союзов вокруг России.

Как представляется автору, неуверенность такой линии поведения объясняется исключительно двойственностью политической стратегии.

С одной стороны, синдром европоцентрической (или западной) ориентации; уверенность, что Россию примут в недалеком будущем в “Большую Европу”.

Кстати, начало подобной политики было положено во времена Андропова, когда идею “конвергенции” систем (капитализма и социализма) стали наполнять реальным содержанием плотного сотрудничества в рамках “Римского клуба”, других международных структур, ну и, разумеется, соответствующей кадровой политикой.

К этому же относятся и попытки сыграть на некоторых противоречиях США и Евросоюза, США и “Старой Европы” наций-государств, а то и “задобрить” и (или) увлечь выгодными сделками (разумеется, за счет российских ресурсов) немцев, французов и англоамериканские (нефтяные) ТНК.

Здесь, как правило, имеет место ошибка методологического характера, связанная с неадекватной реконструкцией “анатомии” и целей того главного субъекта атлантистской (англосаксонской) политики, который и задает стратегическую “повестку дня” Европе наций. Предполагать суверенность наци-

ональных правительств “Старой Европы” – это иметь смутное представление о логике функционирования и целях глобальной олигархии (главных “лоббистов” свободы без границ и национальных правительств). В рамках такой стратегии часть правящей элиты России пыталась (и еще не потеряла надежду) вписаться в концепцию “Большой Европы”.

Безусловно, управление страной в таком режиме обрекает её на пассивность и принципиальную невозможность выстраивания собственной стратегии. Не ты задаешь “повестку дня” и “правила игры”, а другие, чьей дружбы ты добиваешься безуспешно вот уже какое десятилетие. При этом Москва худо-бедно отбивалась и от назойливых “воспитательных процедур” Европы, и от обвинений в авторитаризме и зажиме “свободы слова”.

У нас предпочитали делать вид, что воинственные речи и дела американцев не имеют к России никакого отношения.

“Холодная война” и не прекращалась

В конце концов, вал косвенных признаков реальных угроз для страны уже не мог быть заглушен “хором” либеральных масс-медиа (включая даже некоторые гос-ТВ), “сладкими” речами советников и функционеров разных мастей. Начиная с 2002–2003 гг. и вплоть до решений о строительстве систем ПРО НАТО в Чехии и Польше (осень 2006 г.), было множество “сигналов” – моментов истины для Кремля.

Полагаю, что имеет смысл перечислить наиболее важные из них, дабы речь Путина не казалась столь неожиданной.

Только на их фоне становится ясным – “холодная война” вовсе и не

С другой стороны, государственники разных мастерий и рангов, в “низах” и на “верху”, все настойчивее актуализировали темы как нарастающих угроз со стороны США (НАТО), так и необходимости выстраивания союзных “конструкций”. Но заказчик подобной линии поведения государства не консолидирован, рассредоточен в разных ведомствах и “партиях”. Да “плюс” еще вечно нуждается в деньгах. Ему трудно достучаться до общественного мнения, и не всегда он имеет “доступ к телу” и принятию решений. Хотя объективно на сознательном и бессознательном уровнях заказчиком подобной линии поведения выступает подавляющее большинство российских граждан.

Как представляется, актуальность тревожных ноток, связанных с неочевидностью консолидированности правящей элиты и возможным расколом из числа высокопоставленных чиновников страны (2005–2006 гг.) не снизилась, а даже повысилась по мере приближения 2008 г.

и не прекращалась

прекращалась (со стороны США–НАТО). Она приобрела лишь несколько иные формы с выдвижением в качестве врага и фактора консолидации западного мира пресловутый “межкультурный (исламский – Авт.) терроризм”, заменивший советскую угрозу. Наступит момент (пожалуй, он уже наступил) и этот раскрученный “жуцел” вновь уступит место привычной для Запада угрозе с Востока на пару с “левым” терроризмом. Западный обыватель не имеет морального права “скучать”.

Начнем с того, что западная пресса вот уже который год пестрит материалами, провоцирующими новый виток россияфобии и путинофобии. Особен-

но злобствует американская. На этом фоне поразительным и алогичным (разоружающим в культурном плане и демобилизующим) выглядит общий посып либеральных масс-медиа и гос-ТВ в родном Отечестве. Неприкрытое американофильство и расчет на мифологичность обыденного мышления, который перегружен уже ложными стереотипами и алогичен – вот что сквозит в их информационной политике.

Далее, вновь, после 15-летнего перерыва, “начальство” разведывательного сообщества США Джон Негропонте и Майкл Мэйплз оценивая угрозы, поставили Россию в один ряд со странами “открыто враждебными интересам” США. В январе в прессе появились ссылки на любопытный доклад экспертов Всемирного давосского форума (ВДФ) на 2007–2008 гг.

В интересующем нас ракурсе, в докладе звучат тревожные нотки относительно судьбы мира в 2008 г. и с высокой вероятностью прогнозируется кризис, связанный с терактом против нефтевоза-танкера в Молуккском проливе, резким скачком цены на нефть (до 150 долл. США за баррель) и инфекцией пострашнее птичьего гриппа в Восточной Азии в начале 2008 г.

“Соответственно, – пишут эксперты во главе с Т.Малере, – единственный путь спасения мира – это объединение усилий и ресурсов...Например, в случае нефтяного шока от поведения России зависело бы развитие событий ... Но, в конечном итоге и при любом сценарии, проиграют все — на то они и глобальные риски, что у них нет границ”¹.

Вся “соль” в этом термине “объединение ресурсов”, ибо подразумеваются ресурсы Россия.

Если же прогнозируется масштабный теракт, так с высокой вероятно-

стью можно сказать: “Так тому и быть, если это необходимо!”. И коль скоро вопрос был вынесен на обсуждение в Давосе то, стало быть, дана отмашка: пора начать обработку мирового общественного мнения. И эта отмашка, по всей вероятности, дана широко известным в узких кругах полузакрытым и очень солидным клубом – Советом по международным отношениям (СМО) – в марте 2006 г.².

Именно СМО распространил доклад, в котором вся вина за “разочаровывающее” состояние американо-российских отношений возлагалась на “неверное направление”, в котором, якобы, движется путинская Россия.

Доклад полон двойных стандартов, а его логика, в скрытой форме, базируется на императиве ускоренной “утилизации” и “объединения ресурсов” России.

В этом же духе не раз и не два проговаривались высокопоставленные западные господа, вроде экс-госсекретаря США М.Олбрайт и пр.

Интересно, что на этих “сборах” глобалистской элиты и организованных ими смотринах, вице-премьер Дм.Медведева удостоился чести быть названным “вторым Горбачевым”(?!).

Однако же тенденция!

Еще весной 2006 г. сенатор Лугар вынес на обсуждение конгресса США предложение о разработке закона проекта, который позволил бы задействовать силы НАТО в случае использования поставок энергоресурсов в политических целях против третьих стран. Разумеется, имелась в виду Россия, прежде всего.

Затем еще один тревожный (для России) “звоночек” прозвучал из уст вице-президента (и по “совместительству” владельца нефтяной компании “Халибертон”, промышляющей нынче в Ираке) Дика Чейни в выступлении в Вильнюсе.

И, наконец, гораздо более весомый “запп”, который в Москве предпочли не заметить, раздался на саммите НАТО в Риге (лето 2006 г.).

Содержание предупреждения сводилось, примерно, к следующему: в случае энергошантажа европейских стран НАТО вправе вмешаться в процесс поставок энергоресурсов и взять под охрану объекты и инфраструктуру обеспечения.

Это было устное предупреждение, не оформленное в официальной документации.

Не случайно ведь России настойчиво пытаются навязать взаимную “дружбу” НАТО и российских военных под предлогом “борьбы с терроризмом” или “нейтрализации угроз для ядерных объектов”. Весьма кстати для “воспитателей” с Запада в Грузии объявился также российский “контрабандист” с сотней граммов урана(?!).

“Совместный” контроль за ядерными объектами России – это вожделенная мечта янки, и мы еще не раз станем свидетелями мощного давления и серии провокаций (а то и предупредительных терактов, что уже очень опасно), дабы заставить Кремль принять неоколониальные “правила игры”. Приближение баз НАТО поближе к границам России и установка средств противоракетной обороны (ПРО) на территории Польши и Чехии – также из той же “оперы”.

Вообще косвенных признаков довольно агрессивных планов по пресловутому “объединению ресурсов” за счет России и на её обломках предостаточно. Уже очевидно, что в США раскручивается новый этап “холодной войны” против России. К примеру, из текста “Стратегии национальной безопасности” США при том обилии глобальных проблем, которые надо решать совместно, вообще исчезли упоминания о партнерстве с Россией. И это тоже тенденция.

Известный американский политолог Стивен Ф. Коэн подвергает резкой и аргументированной критике “триум-

фаторский, почти циничный, подход” Вашингтона в отношении России, когда развал Союза был воспринят исключительно как победа Запада³. Причем такой подход в равной мере был характерен и для республиканцев, и для демократов.

Не случайно Путин довольно врезкой форме напомнил (в Мюнхене) западной элите те многочисленные обещания, данные ими в период 1989–1991 гг., которые они предпочли забыть. Уже никто и не вспоминает клятвенные заверения американцев (в 90-е годы) относительно эксплюзивных прав России как в силу фактора безопасности, так и в силу экономических, исторических и культурных связей в отношении стран СНГ.

Один из последних вариантов политического “лохотрона” связан с неоправдавшимися расчетами Кремля на “понимание” и даже поддержку со стороны США в чеченском (и шире, кавказском) вопросе в ответ на поддержку и помочь в Афганистане осенью 2001 г., в итоге обернувшейся значительными geopolитическими потерями для страны. И, как завершающий аккорд, это старательно выстраиваемый Америкой “санитарный кордон” вокруг России (от Прибалтики и до Центральной Азией), о котором не пишет и не рассуждает только ленивый.

Весь этот перечень фактов “адекватных ответов” заокеанских “друзей” на политический романтизм (или наивность) вкупе, нередко, с предательством элиты в Москве автор привел, чтобы лишний раз напомнить: в политике, как и в бизнесе, действуют те же понятия: обещания мало чего стоит, если не можешь ответить адекватно за нарушение данного слова. На таком фоне нарастающего вала мелких и не совсем уковолов и “наездов” на Россию,

оставляет странное впечатление благостные настроения политиков и околовластных масс-медиа.

Но насколько такое самоуспокоение оправдано? Попробуем разобраться, опираясь на недавнюю историю.

Мечты неоконов и “Библия” Пентагона

Полезный экскурс в недавнюю историю.

Еще в начале 1990 г. министр обороны США Дик Чейни (ныне, вице-президент) поручил двум “командам” стратегов во главе с “реалистом” Коллинном Пауллом (начальник Объединенного комитета начальников штабов) и Пулом Вульфовичем (экс-зам. министра обороны США, ныне президент Всемирного Банка) разработать стратегию Америки в условиях после “холодной войны”⁴. К 21 мая 1990 г. на стол Чейни лег доклад, представленный Вулфовичем, и именно он стал основой новой геостратегии, озвученной Бушем-старшим в день, когда Ирак вторгся в Кувейт (2 августа 1990 г.). Вся эта группа и еще ряд других персон, составляющих ядро неоконсерваторов, получила название “сумасшедшие утописты”, (термин известного американского мыслителя и политика Линдона Ларуша).

Чем же привлек Чейни и президента США Буша-старшего доклад Вульфовича?

Тем, что ключевые стратегические и тактические задачи, сроки и ресурсы, буквально все соответствовало идеалам и чаяниям неоконсерваторов, более жестких и интеллектуально раскованных политиков фундаменталистского толка, грезящих об Америке как “Новой Обетованной Земле”, избранной Богом для спасения. Стратегический “модус” доклада Вульфовича и К° определялся короткой формулой: “Победителю в «холодной» войне должен достаться приз по максимуму. И этот приз не только и не столько от-

дельные «бесхозные» районы мира, а весь мир, разумеется выстроенный по ранжиру, со своей иерархией, определяемой по критерию лояльности к Америке, развитию демократии – как это понимают в Америке и т.д. и т.п.”.

“Пентагон видит будущее таким, – писалось на титульной странице доклада, – в котором США могут и должны предотвратить превращение любой другой страны в великую державу (или альянса), в силу, с которой американцы должны будут считаться”.

Глобализация по американски, таким образом, сводилась к скорейшему установлению контроля за важнейшими коммуникациями и геоэкономическими (богатыми нефтью и газом) районами мира, в конечном счете – к эффективному влиянию на ЕС, Китай и в целом, на весь мир. “Pax-Amerika,” по неоконсервативным рецептам, не должен оставлять шансов на выживание не только так называемым “странам изгоем” или нелояльным государствам и режимам, но в стратегической перспективе даже и “старушке” Европе (что не очевидно для многих), не говоря уж о России или Китае. Затем были подготовлены и целый ряд других документов стратегического характера для Госдепа и Пентагона, развивавших и уточнявших ключевые идеи того первого “исторического” доклада.

“Вершиной” эволюции такого рода творчества в духе “милитари” явился проект “Национальная стратегия обеспечения безопасности США” (17 сентября 2002 г.), известный под названием “Новый американский век” так называемая Доктрина Буша-младшего.

Ключевым моментом этой Доктрины является концепция “презентивной войны”.

При этом нельзя путать превентивность с “презицией” (*pre-emption*), означающей “покупаю или приобретаю (захватываю) наперед, или овладеваю раньше других”⁵⁵, а превентивность (от лат. “прихожу”) означает предотвращение. Столь вольное толкование права было продавлено американцами впервые после Ирака на саммите G-8 (июнь 2003 г. во Франции).

Под действие *концепции “презиции”* вполне попадает и Россия как государство еще не до конца “modernized” и “реконструированная” по западным стандартам, то есть страна, близкая по своим па-

метрам к третьему миру, переформированием которого увлечено занята нынче США. Был бы объект (а Россия действительно по многим своим параметрам – вожделенный объект) – предлог найдется – такова политическая философия США. Кстати, приход демократов к власти в период 1992–2000 гг. мало что изменил во внешнеполитической практике Америки.

Пример, “гуманитарные” бомбардировки Югославии в 1998 г.

Разве, что проявлялось больше заботочности по части легитимности, ну и, соответственно, более изощренный характер приобретала и пиар-кампания.

Проект Пентагона “Единая перспектива-2010”

Последний “гвоздь” в цепи докладов, приближающих человечество к Новому мировому порядку (НМП) по американски, а Россию – к “объединению ресурсов”, или говоря проще – к оккупации – это проект Комитета начальников штабов США “Единая перспектива-2010”⁶.

Пентагоновский документ, широко известный в узких кругах и старательно замалчиваемый околовластным журналистским и “эксперт”-сообществом, утверждает концепцию “глобального воздействия” для ведения бесконтактных неядерных боевых действий на основе аэрокосмических экспедиционных формирований (АЭФ), которые уже использовалась в Югославии и в Ираке. К 2010 г. предполагается создать 10 таких АЭФ.

В рамках проекта предполагается: производство около 100 тыс. крылатых ракет, реализация космического управление операциями, создание многих сотен воздушных средств нападения, вплоть до беспилотных бомбардировщиков-невидимок (!?) и т.д.

Средства и системы связи и нападения, перехвата и обороны, располагаемые во всех сферах: от космоса и до океана, позволят Америке без длительных мобилизационных мероприятий и в кратчайшие сроки (от нескольких часов до нескольких дней) обескровить и парализовать любую страну.

И вся эта армада готовится, разумеется, не против пресловутой “Аль-Каиды” (фантома, рожденного в недрах ЦРУ и Мессада) или Китая, а именно против России – единственной страны, которая обладает стратегической ядерной мощью, сопоставимой (пока еще) с американской. И именно к 2010 г. американцы планируют завершить это революционное перевооружение. Это и есть срок, когда деградация отечественной военной инфраструктуры и ядерных сил достигнет своего минимума. Правда; сначала должна быть репетиция. В Ираке – первый этап прошел почти блестяще. Второй этап репетиции, когда вся эта аэрокосмическая “машина” проверяется в реальных боевых условиях, пройдет, по всей вероят-

ности, в Иране в 2007 г. или 2008 г.⁷. Механизм давление на Вашингтон силами израильских правых уже запущен. Зная колоссальный характер влияния этого специфического лобби на политику США⁸, можно не сомневаться: по персидскому “Карфагену” будет нанесен удар мощный и, возможно даже, ядерный.

И еще одно серьезное обстоятельство, вызывающее тревогу. Чтобы окончательно обезопасить себя, США усиленными темпами строят на Аляске и в Норвегии суперновую систему геофизического оружия, которое за счет мощного сверхвысокого частотного излучения может воздействовать на ионосферу* и, таким образом, полностью нарушить систему связи и управления российскими ракетами стратегического назначения, которые могут быть нацелены на Америку⁹. Ввод в строй и успешные испытания новой системы ПРО позволит США полностью обезопасить себя от МБР, летящих через полярную зону.

На этом старательно замалчивающем фоне темпы перевооружения, принятые Минобороны страны, явно не поспеваю за темпами реализации проекта “Единая перспектива-2010” и “Глобального воздействия” США. Официальный российский пиар, в том числе и в еженедельнике “Военно-промышленный комплекс”, рассчитан исключительно на замороженного борьбой за выживание обывателя.

Потрясающее самоуспокоение власть имущих?!

Понятное только, если принять за основу гипотезу, в которую даже верить не хочется: сговор за спиной на-

рода и за счет народа и достояния будущих поколений россиян в виде обмена активами и ресурсами!?

Другая же гипотеза выглядит совершенно фантастической: Кремль не хочет раньше времени, пока еще не осуществлена в достаточной степени модернизация вооружений, дразнить “Немого великана”. Себе дороже. Наступит момент и президент страны уверенно обратиться к россиянам со словами “Братья и сестры!...”, которые разом аукнутся в сердцах большинства народа и подлинной элиты.

А пока же для не отягощенного особо аналитикой “пипла” предлагается основательно потрепанная “повестка дня”, вроде “угрозы с Юга” и “международного терроризма”. Как правило, увлеченно этим занимаются именно те, кто мысленно уже там, на Западе, а здесь они лишь “передовой отряд” довольно циничных цивилизаторов. И не более.

Но лишь очень узкий круг лиц в обоих лагерях (державников и либералов, посвященных в тайны глобальной политической “кухни”) догадывается, что приближается решающий час испытаний для страны, с одной стороны, и для Глобамерики (сообщества финансового интернационала, транснациональных корпораций и многочисленных структур по информационному и интеллектуальному обслуживанию глобальной экспансии этого “спрута”), с другой. Ибо очевидны все признаки приближающейся катастрофы финансовой “пирамиды”, основанной на долларе, и только “объединение (проще говоря, захват ресурсов, прежде всего, нефти) позволит глобальной олигархии

* Такое воздействие основано на так называемом “эффекте Гетманцева” – официально зарегистрированном и научно подтвержденном открытии, а не фантазиях.

спасти систему, построенную на виртуальных деньгах и на спекулятивно-ростовщических операциях.

Так, неужели война, не просто “холодная”, а даже “горячая”?

Идея “партнерства” с якобы более осторожными демократами, которые скоро вытеснят неоконсерваторов, тоже не выдерживает критики.

Здесь налицо типичная ошибка методологического характера, когда американская политика персонифицируется с тем или иным деятелем или идентифицируется с партийными программами. Америкой (и миром, насколько это позволяют другие “игроки”) давно уже управляет Глобамерика: между демократами и республиканцами нет большой разницы в стратегических целях и ценностях, методах продвижения американских ценностей в глобальном масштабе. Различия только в нюансах “технологии” и методах работы с масками. Псевдорелигиозная одержимость неоконсов диссонирует с терпимостью демократов.

Есть еще другой, очень важный аспект адекватной реконструкции того главного глобального субъекта, который задает стратегическую “повестку дня” и играет по крупному. Как это странно не звучит, но многие американские интеллектуалы и некоторые британские экс-разведчики уверены, что, в конечном счете, в политике США свою весомую роль играет “рука Лондона”. Все те, известные миру властители дум, явные и теневые лоббисты наиболее обсуждаемых проектов и “повесток дня” (Г.Киссинджер, З.Бзежинский, Дж.Шульц и т.д.), согласно их многочисленным свидетельствам, не более чем “агенты влияния” Лондона*.

В итоге получается, что “Немого великаны” ведут более продвинутые англосаксы! И можно только догадываться о расчетах Лондона, когда он поддерживает “крестовый” поход Вашингтона в Ираке, или “водит за нос” Тегеран на переговорах по ядерному проекту.

Вместо заключения

Так выходит дружба с Лондоном (нет, не с Блэром и К°, а более важными фигурами и группами) это и есть выход из тупика “объединения ресурсов”, а то и “мягкой” оккупации НАТО, в который нас медленно и уверенно пытаются загнать Глобамерика?

Но какой ценой?

Путин уже дал понять (Европе мультинациональных корпораций и Лондону, имеющему значительное влияние на неё), что “торг не уместен и условия Россию не устраивают”.

Но, история показывает: эта публика умеет ждать, стратегически дальновидна и будет добиваться России не мытьем, так катаньем.

Остается....остается поскорей расстаться с иллюзиями относительно будущих судеб России как части “Большой Европы”; вытеснить на периферию общественной жизни “внутреннюю эмиграцию” (дабы не “смутили” народ своей ложью);

* В данном случае имеется в виду не правительство Великобритании, а нечто большее: система, построенная по образу и подобию Ост-Индийской компании, включая королевский двор и многочисленную его клиентелу из европейской и азиатской аристократии, а также банки, ТНК, фонды и т.п.

объявить предмобилизационный режим в стране (не пугаться этого слова); и дружить с теми, кто уже давно нам протягивает руку дружбы.

Ну, и, наконец, обеспечить преемственность внешнеполитического курса, главный посыл которого был озвучен В.Путиным в мюнхенской речи.

Примечания

- ¹ 23 кризиса для Давоса. Эксперты обещают эпидемии, наводнения и беспорядки // Ведомости. 2007. 11 января.
- ² Аналитический обзор Центра “Намакон”. М., 2006.Июль.
- ³ Коэн Ст. Америка развязывает “холодную войну” // (The Nation). 2006. 04 июля.//<http://www.inosmi.ru/translation/228558.html>.
- ⁴ Проект “ВАВИЛОНСКИЕ БАШНИ” // Петров В.Л. Геополитика России. Возрождение или гибель? М: Вече, 2003. С.368-370.
- ⁵ Крупнов Ю. Русский путь. Россия между Западом и Востоком. С-Пб.: “Нева”, 2004. С. 171–175.
- ⁶ Калашников М., Крупнов Ю. Гнев Орка. Америка против России. М.: “Изд. АСТ”, 2003. С. 302–328; Петров В.Л. Геополитика России. Возрождение или гибель? М.: “Вече”, 2003. С. 429–450.
- ⁷ Ивашов Л.Г. Ирану надо готовиться // Знание – власть. 2007. № 3.
- ⁸ Халидов Д. Израильское лобби во внешней политике США. Март 2006. http://ansar.ru/archives/arch_2006/06_06.
- ⁹ Кургинян С. PARA BELLUM. О том, насколько реально ядерное нападение на Россию // Завтра. 2007. № 7.

**Подписка на 2007 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 – на 6 месяцев**

Факторы вызова и ответа в истории СССР – России

Политический анализ

Сергей Конопатов,
кандидат военных наук,
капитан 1 ранга

В настоящее время существует ряд весьма противоречивых версий и оценок истории СССР – России, ее ключевых процессов, событий, личностей.

Зачастую эти версии и оценки имеют антироссийскую идеологическую подоплеку, в некоторых случаях недостаточно обоснованы, мифологизированы.

Эти противоречия в прочтении истории размывают и стирают историческую траекторию страны, необходимую для объективной оценки ее настоящего и уверенного планирования будущего.

Таким образом, конкуренция в понимании истории СССР – России есть конкуренция за ее будущее.

Жизненная важность преодоления исторической дезориентации определяет актуальность дальнейших исследований в этом направлении.

СССР с И.В.Сталиным и после

Как известно, СССР* из отсталой аграрной страны в сложнейших условиях внутренней разрухи и острой конкурентной международной обстановки превратился в мощнейшее государство XX в. И это была не случайность, а необходимый, глубоко осознанный политическим руководством и страной в целом, а потому успешный ответ на вызов истории**. Это огром-

ная заслуга И.В.Сталина, чей гений отмечали Черчилль, Рузельт и даже Гитлер. Обладая ясным, диалектичным, уверенным мышлением, он строил практику государственного управления на основе теории, которая опережала практику, обеспечивая стратегическую перспективу и свободу маневра. Соответственно, идеология при нем была “живым, развивающимся учением”.

* СССР – это историческая Россия, как справедливо отметил Зб. Бжезинский.

** Без этого ответа страна не смогла бы обеспечить своей безопасности ни до 1941 г., ни тем более победить в Великой Отечественной войне, то есть ее уже давно бы не существовало.

После И.В.Сталина к власти приходили люди, далеко не соответствовавшие масштабу созданной сверхдержавы. Адекватно оценивать текущую ситуацию, ее истоки, исторические основы, прогнозировать перспективы развития и на этой основе управлять будущим им было далеко не по плечу. Единственное, что они смогли – зафиксировать идеологию (иначе страну, вероятно, развалили бы задолго до 1991 г.), и потому закономерно наступил период идеологического, а потому и экономического догматизма. Однако благодаря:

- мощному потенциалу развития и динамизму, приданым стране при И.В.Сталине;
- на начальном этапе незначительному расхождению теории и практики;
- мощному кадровому заделу – страна по инерции еще значительное время развивалась.

С увеличением разрыва между теорией и практикой, искажением кадровой политики развитие страны все более тормозилось, а государственная пропагандистская машина все более настраивалась на обман. В результате к началу 80-х годов в стране отчетливо просматривалось две реальности – настоящая и виртуальная. Виртуальная – словесные “потемкинские деревни”, которые успешно развивались; а настоящая в это время имела тенденцию к стагнации. Этот обман позволял сохранять в стране *status quo* – состояние отсутствия осмыслиенного стратегического управления и стратегической ответственности при сохранении внутренней легитимности высшего руководства. Апофеоз этого процесса – горбачевщина, когда неадекватность руководства, фарисейство перешли в прямое предательство и подрыв основ государства и общества.

Причины деградации высшей власти в СССР

Возникает вопрос: это случайность, что “наверх” после И.В.Сталина попали и все больше и больше там концентрировались совсем не те люди, которые необходимы для эффективного управления страной?

В какой-то мере случайность то, что попали и концентрировались там конкретные личности. Но не случайно прогрессировавшее ухудшение качества высшего политического руководства в целом. Ибо, как известно из философии, случайность – форма реализации необходимости. Какой необходимости?

Необходимости, обусловленной логикой политической системы. Как отмечал Н.Макиавелли, в стране, где испорчены нравы и нет порядка, а также в иных чрезвычайных ситуациях, необходимы диктатура и диктатор, способные навести порядок*. Ибо в жизни каждой организации возникают этапы когда:

– необходимы существенные позитивные изменения, поскольку в силу тех или иных причин набравшие силу негативные тенденции (отход организации от “основного начала”)** разрушают ее;

* Это не изобретение Н. Макиавелли – он лишь теоретически отразил известную практику государств.

** По терминологии Н. Макиавелли: отход от эффективного выполнения основных функций, для которых она предназначена, вследствие деградации высшего руководства, а затем и подчиненных уровней.

— эти изменения противоречат сложившейся в руководстве системе ценностей, отношений и интересов (корпоративной культуре).

Это этапы стратегической безответственности, когда коллективный разум и коллективная воля руководства направлены против необходимых позитивных изменений, не ощущают их необходимости или неспособны их произвести. Такие судьбоносные этапы в жизни государства, когда решается вопрос “быть или не быть”, квалифицируются как *исторический вызов*. Тогда единственной альтернативой развитию процессов деградации и последующему уничтожению являются насилиственные изменения. Отсюда важная цивилизационная роль диктатуры. Она гораздо эффективнее, чем демократия, мобилизует силы и средства государства на преодоление чрезвычайных ситуаций.

На периоды войн, смут и беспорядков в Древнем Риме законодательно предусматривался механизм демократического перехода от республики к диктатуре на ограниченный срок и обратно к республике.

Эффективность диктатуры (диктатура пролетариата) была продемонстрирована И.В.Сталиным, который принял отсталую аграрную страну “с сохой”, “взбаламученную” гражданской войной, и за неполных два десятилетия с минимальными потерями превратил в передовую индустриальную с мощными наукой, образованием, культурой, промышленностью, с реактивнойaviацией и покоренным атомом. А главное — с мощным потенциалом, стремительной скоростью развития, на уничтожение которых затем потребовалось более 30 лет. В гораздо более простых условиях вывести страну из беспорядков на путь развития удалось и А.Пиночету в Чили (1973–1990 гг.).

Однако, как отмечал Н.Макиавелли, диктатура, наведя порядок (преодолев исторический вызов по А.Тойнби)¹, должна передать власть демократическому руководству еще при жизни первого диктатора. Почему?

Гениальный диктатор — уникум, таких природы редко рождает, а закаляются и возводятся они на вершину власти лишь в переломные моменты истории. После его ухода, когда ситуация нормализована, всё в относительном порядке, остается мощная централизованная государственная система, большая власть с одновременным отсутствием конкуренции во власти, что объективно приводит к её загниванию, а к управлению приходят люди все более посредственные и все менее пассионарные.

Из-за отсутствия конкуренции во власти, и, как следствие, ее безответственности и безальтернативности эти зачастую не способные к эффективному управлению и не склонные особо напрягаться люди устойчиво занимают свои посты. Чтобы не нарушать “тиши да гладь”, а по сути застой наверху, туда рекрутируются соответствующие удобные кадры, и поэтому всякое существенное развитие тормозится.

Таким образом, застой наверху крепчает и спускается вниз, охватывая всю страну.

Поэтому диктатура, как правило, вырождается уже во втором–третьем поколении. Если новому руководству, сменившему гения, хватает ума хотя бы не разрушать основы созданного им порядка, государство может по инерции еще некоторое время развиваться. Тем не менее, это время торможения развития, прогрессирующего застоя. Затем импульс развития государства иссякает, и процесс его деградации становится очевидным.

А.Пиночет успел создать демократическую власть и передать ей бразды правления; И.В.Сталин не успел, воз-

можно, потому, что скоропостижно умер. Поэтому торможение развития началось вскоре после его ухода.

Был ли СССР обречен? Исторические вызовы и ответы в судьбе СССР

Политологи, политический бомонд и СМИ в России и за рубежом частую утверждают, что СССР был обречен.

А был ли? Нет, не был.

СССР был готов к отражению любой вооруженной агрессии. И внутренние причины никак не объясняют его развала. Популярные заявления о том, что сущностные причины развала СССР лежат в экономической, социальной, информационной или иной внутригосударственной сфере, безосновательны.

Как известно, развитие самоорганизующихся систем циклично. Поэтому каждое государство в своей истории, как справедливо отметил А.Тойнби, объективно встречает те или иные судбоносные исторические вызовы.

Вызов Советскому Союзу 80-х годов не был уникальным в мире и даже в стране. Так, исторический вызов 20-х годов, когда И.В.Сталин принял слабую и отсталую страну, был не в пример более сложным и опасным, чем вызов 80-х. Тем не менее, тогда СССР нашел адекватный ответ, выиграл мировую войну и многократно усилился.

В 80-х годах СССР был сильным государством, мировым полюсом с мощным потенциалом развития, способным решать любые проблемы. Поэтому распад страны никак не согласуется с замечанием А.Тойнби о том, что цивилизации: "... надламываются и распадаются, когда встречают вызов, на который им не удается ответить".

Тогда – почему он распался?

Как известно, историческое развитие общественно-исторических формаций идет в направлении развития производительных сил и легитимируется им. И откат назад практически невозможен, ибо связан с огромными экономическими, а следовательно, и другими потерями, так как экономика – основа всех других сфер государства и общества.

Поэтому, как отмечал В.И.Ленин, новый общественный строй окончательно побеждает тогда, когда доказывает свое экономическое превосходство, побеждает экономически.

При И.В.Сталине как в мирное, так и в военное время СССР демонстрировал экономическое превосходство над капитализмом: в СССР не было экономического кризиса 30-х годов, поразившего капиталистический мир; СССР развивался гораздо более быстрыми темпами. Однако к началу 80-х годов ситуация изменилась. Становилось очевидно, что СССР проигрывает в экономике ведущим западным державам (товарный дефицит, отставание в производительности труда, качестве товаров, уровне жизни населения; устаревание технологий и производственных фондов).

В этом проигрыше состоял судбоносный исторический вызов Советскому Союзу.

В чем причины проигрыша?

Если рассматривать проблему в контексте экономики, то причины лежали в том, что производственные отношения в ряде сфер сдерживали развитие производительных сил, а именно:

- слабость экономических стимулов к работе, уравниловка;
- отсутствие экономической конкуренции отрицательно сказывалось на качестве товаров, при этом не работал шумпетерианский “ветер созидательного уничтожения”², то есть неэффективные нерентабельные предприятия не уничтожались;
- отсутствие конкуренции на рынке труда отрицательно сказывалось на профессионализме работников;
- централизованное распределение ресурсов и товаров ограничивало экономическую свободу и развитие;
- запрет на частное владение средствами производства и частный наем работников делали невозможным предпринимательство.

Рассматривая проблему с более общих позиций социальной эволюции, необходимо отметить, что развитие возможно лишь в конкурентной среде. Однако экономика СССР была в значительной мере изолирована от конкуренции с внешним миром, а внутренней экономической конкуренции в условиях централизованной плановой экономики не предполагалось. В начальный период существования СССР заменой экономической конкуренции было социалистическое соревнование. С ослаблением пассионарности, прежде всего руководства, фактор социалистического соревнования утратил силу.

Таким образом, объективные факторы развития ослабли, а отсюда проиг-

рыш соревнования в экономической сфере. В силу закрепощенности идеологией, возможности устранения этих причин были весьма ограничены*.

Однако причина развала СССР совсем не в том, что он не мог или не смог ответить на отмеченный вызов истории (назовем его первым вызовом) – этот ответ был необходим, но время на ответ еще было. Причина в том, что ответ высшим руководством был дан (“новое мышление”, “перестройка”, “реформирования” и пр.), но продиктованный заокеанскими интересами, заведомо фальшивый, переключивший государство под внешнее управление**.

Таким образом, возник новый вызов Советскому Союзу (назовем его вторым), куда более опасный – внешнее управление высшим руководством государства, следовательно, и самим государством.

Это управление интенсивно использовало все рычаги и ресурсы СССР – кадровые, экономические, политические, информационные и пр. – для его развала³. Отсюда множественность проблем СССР с 1985 г. и их стремительное нарастание – расстройство экономики, потребительского рынка, финансовой системы, дискредитация истории страны и политической системы, Чернобыльская катастрофа, взрывы составов с людьми (Горьковская область и Сибирь), рост межнациональной розни, резня в Сумгаите, Баку, Ка-

* Перефразировав выражение М.Тэтчер, можно отметить, что слепо руководствоваться политическими принципами – все равно, что пробираться через джунгли с шестом в зубах.

** Через кого реализовывалось внешнее управление? Через высшее политическое руководство государства – Горбачева, который затем рекрутировал “наверх” Яковлева, Шеварднадзе и пр. Очевидно не сам – команду ему профессионально подбирали, на взгляд автора, совсем не советские кадровые службы. К моменту развала СССР эта команда включала уже широкий круг лиц, получивший сотни миллионов долларов из-за океана, законодательное право ездить за границу и тратить эти доллары, то есть СССР, по сути, был продан. Многие из этих предателей и сейчас, по-видимому, занимают не последние позиции в системе государственного управления и СМИ.

рабахе, Тбилиси и пр.*. Выявлять, какие из этих факторов внесли больший вклад в развал, и квалифицировать их как сущностную причину крушения СССР – поверхностно и абсолютно некорректно. Это были грозные, но лишь явления, обусловленные сущностью – вторым историческим вызовом СССР, состоявшим в фальшивом ответе на первый вызов истории. Всякие шаги в то время, направленные на решение проблем первого вызова (экономики) и вытекающих из них, были бы бесполезны, ибо они были бы нацелены на явления. Сущностью же уже был второй вызов – внешнее управление государством, направленное на его развал.

Поэтому у СССР не было никаких шансов в горбачевской “перестройке”: с 1985 г. он имел лишь один шанс вы-

жить – избавиться от внешнего управления, а значит – и от высшего руководства, через которое оно реализовалось. Однако:

– процесс развивался так стремительно, что второй вызов даже не был осознан страной до самого ее уничтожения**;

– в условиях отсутствия реальной политической конкуренции в стране (наследие диктатуры) сменить высшее руководство затруднительно.

Почему сумели сместить неадекватного должности Хрущева? На взгляд автора, тогда еще сохранились от сталинских времен пассионарность и способность в высших эшелонах власти. К 1985 г. в Политбюро и ЦК КПСС, в силу отмеченных причин, этих качеств уже не было.

Причины развенчания СССР

После развала СССР процесс продолжился в России и усугубился масштабным разворовыванием государства “элитой”. Эта политическая мелюзга, растлевающая воссозданное мощное государство, для оправдания процесса переписывает историю, охаивает и приижает великих – государство, его создателей, народ, историю, уничтожает символы государства, оправдывает свою неспособность к эффективному управлению особенностями создав-

шихся условий и пр. В этом корни попыток вывода из цивилизационного процесса, маргинализации, огульного охаивания СССР и великих государственных деятелей, например, Ф.Э.Дзержинского, “развенчания культа личности” И.В.Сталина и борьба с символами СССР.

Именно они, а совсем не растлители страны – объекты нападок и фальсификаций внешних и внутренних врагов России.

Примечания

¹ Тайнби А.Дж. Постижение истории. Избранное. М.: Айрис-пресс, 2002.

² Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.

³ Конопатов С.Н. Новая война: подход, процесс, объект, предмет, средства // Национальная безопасность и geopolитика России. 2001. № 11–12. С. 56–57, 59.

* “Вторая серия” этого процесса происходила в России в 90-х годах.

** На взгляд автора, очень запоздалым и неадекватно слабым ответом (в силу слабости кадров в высшем эшелоне) на второй вызов был лишь ГКЧП. По сути, это был даже не ответ, а его обозначение.

В защиту русского языка

Борис Габараев

Автор является “лицом кавказской национальности”, если прибегнуть к термину, который стал общеупотребительным с легкой руки журналистов-репортеров, позаимствовавших профессиональный сленг криминальных сводок милиции. В семье он научился говорить на своем родном осетинском языке, а в школе его учили русскому языку. С тех пор свободно владеет обоими языками, никогда не задумываясь, какой из них лучше или хуже. Это было бы также неумно, как спрашивать у малыша, кого он больше любит, маму или папу.

Вместе с тем, автору вполне очевидна, как и любому взрослому гражданину России, особая роль русского языка, как государственного языка страны.

В этом его главное отличие от всех других языков народов и народностей России.

Казалось бы, русский язык должен быть предметом особенного внимания и поддержки со стороны государства, общества и граждан.

Действительность свидетельствует об обратном, а именно о недооценке роли русского языка, проявлениях равнодушия и неуважения к нему. Эта явная несправедливость подтолкнула автора выступить в защиту русского языка, несмотря на свое нерусское происхождение и сугубо техническое образование. Чтобы аргументы в поддержку государственного языка России были более понятны, автор позволил себе вначале по-дилетантски порассуждать о языке человеческом, как таковом вообще. При этом автор не претендует на профессионализм, так как о языке человеческом уже существует множество наук, а он излагает свое чисто житейское толкование.

Язык человеческий как таковой вообще

Первое, что приходит в голову, язык человеческий принципиально отличается от языка других живых существ, если средство общения последних вообще можно считать языком в подразумеваемом понимании.

Люди используют язык для обмена мыслями, а другие живые существа, скорее, обмениваются условными знаками, обозначающими тревогу, обнаружение пищи и т.п. Причем, язык человеческий не единственное средство об-

щения между людьми. Возможно общение взглядом и касаниями, но именно язык является единственным средством осмыслинного общения.

На языке не только говорят, на нем думают, формируют и запоминают мысль, а последнее уже связано с появлением письменности, это как бы отложенное общение. Не хотелось бы нарушать покой незабвенного Чарльза Дарвина, но на вопрос, “труд” или “язык” сделал человека из обезьяны,

автор затрудняется дать однозначный ответ.

Во-вторых, следует отметить, что язык является атрибутом коллектива, то есть если бы человек не был "животным общественным", а являлся сугубо одиночкой, то вряд ли его эволюция привела бы к появлению языка человеческого.

Минимальной ячейкой человеческого общества стала семья, вовсе не обязательно моногамная. Уже в рамках семьи язык стал важнейшим средством общения между членами семьи. Семьи выстраивались в племя, и снова именно язык стал основой общения членов племени. Сближение племен привело со временем к появлению народностей и народов. Их отличительной способностью была не только общность территории, но и общность языка. Более того, кочевые народы регулярно меняли свою территорию, но сохраняли свой язык.

В-третьих, язык постепенно стал инструментом памяти и творчества народов.

Достаточно вспомнить былины, сказки, предания, легенды и эпосы, уже пережившие многие сотни лет. Высшей наградой композиторам и поэтам-песенникам является: "*Слова и музыка народные!*"

С появлением письменности роль языка еще больше возросла, открылись возможности зарождения и развития науки и литературы. Благодаря письменному языку мы имеем возможность ознакомиться с философскими трактатами и поэмами, созданными 15–20 веков назад.

В-четвертых, даже в тех случаях, когда часть народа исповедует одну религию, вторая часть – другую, языковая общность народа сохраняется.

Примером тому мусульмане-аджарцы и христиане-кардлийцы в Грузии.

Это говорит о том, что язык более древняя и устойчивая общность, чем религия.

Со временем народы и народности стали объединяться в устойчивые государственные образования. Естественно, что одной из важнейших задач многоязычного (полиэтнического) государства в отличие от моноязычного государства, типа Армении, является организация общения между составляющими его народами, ибо внутри каждого народа такое общение в виде языка этого народа уже существует испокон веков. Выбранный для этого язык и носит статус государственного языка. На нем издаются все официальные документы, совершается судопроизводство и т.д. Но, самое главное, государственный язык играет роль основного средства общения между населяющими государство народами. Попробуйте с трех раз угадать на каком языке общаются якут и аварец, впервые встретившись на заседании Государственной Думы или конкурсе на звание лучшего учителя России.

В некоторых странах приняты два и более государственных языка. Как правило, это рано или поздно способствует распаду государства, особенно в случае компактного проживания людей, говорящих на одном и том же языке. Даже вполне благополучная Канада ходит под "дамокловым мечом" отделения франкоязычной провинции Квебек с ее столицей в Монреале.

Распад СССР принял зримые очертания с переходом союзных республик на свои государственные языки.

На патентный запрос из Киргизии соответствующее ведомство Грузии "независимо" отвечало на грузинском языке и получало от адресата недоуменное письмо, но уже на киргизском языке.

Об этом рядовом случае конца 80-х годов автору поведал его школьный товарищ.

А теперь представьте, сколько переводчиков потребовалось только данному ведомству, если в СССР было 15 союзных республик.

Недаром нашу общую Родину постигла судьба печально знаменитой вавилонской башни, строителей которых Всемогущий Бог наказал, лишив их

возможности общаться на одном и том же языке.

Россия унаследовала от СССР не только его внешние долги и прочие обязательства перед другими странами. Она унаследовала его государственный язык, предать который еще один раз, значит, обречь на распад и Россию.

Русский язык – великий и могучий, но он же и беззащитный

Государственный язык представляется не менее важным атрибутом государства, чем флаг. Однако трепетное уважение российского государства и граждан к своему флагу, к сожалению, совсем не распространяется на государственный язык. Многие русские в этом отношении исключения, как ни странно, не составляют. Между тем, по утверждению известного политика В.С.Медведева “...язык (русский) – основа Единой Нации”.

Невозможно оправдать неуважение к чужому языку, поскольку это одновременно неуважение к народу, носителю этого языка. Отсюда недалеко и до национализма со всеми его губительными для общественного мира последствиями, особенно в многонациональной стране, каковой является Россия, да еще в условиях экономического и идеологического кризиса.

И совсем уж невозможно не то, что оправдать, но даже понять неуважение к своему родному языку, на котором к тебе обращалась мать с первых дней твоей жизни, когда ты даже толком еще не слышишь и не видишь. Неуважение к языку, на котором ты думаешь и, тем самым, отличаешься от животных. Между тем, сколько русских людей пренебрежительно относится к своему родному языку.

Начинается это еще со школьной парты. Не секрет, что в русских школах

количества двоек по русскому языку редко когда уступает пальму первенства двойкам по математике. Видимо, есть какой-то непроходящий изъян в методике преподавания русского языка. Да еще оказывается отношение взрослых к языку, причем не только в семье, но и на экранах вездесущего телевидения.

Детей, особенно девочек, не оторвешь от телевизора, когда идет “Дом-2” или еще что-нибудь такое же. Вы слышали русский язык, на котором “говорят” герои и ведущие этих дебилизирующих передач.

Даже в более приличных программах телевидения наша так называемая культурная “элита” изъясняется на таком русском языке, что, как говорится, хоть стой, хоть падай. Чего уж ожидать от нашей горе-элиты, если наши политики, говоря о России, нередко употребляют выражение “этот страна”. Интересно, а про родную мать они тоже говорят “этот женщина”.

Тем большее восхищение вызывают русские эмигранты первой волны. Оказавшиеся на чужбине и вынужденные зарабатывать барменами и таксистами, они сохранили родной язык и передали его своим детям и внукам.

В 1990 г. автор во время командировки познакомился в Канаде с семидесятилетним Аркадием Кузнецовым и был потрясен безупречным русским языком этого человека, которого в воз-

расте двух лет родители навсегда увезли из России. Русскоэмигрантская литература первой волны принесла России мировую славу: достаточно назвать И.А.Бунина, В.В.Набокова, Г.Газданова. В отличие от многих русских, проживающих в самой России, эмигрантов первой волны никак не назовешь “иwanami, ne помнящими родства”. Они доказали свою любовь и уважение к родному русскому языку.

Между тем, русский язык заслуживает величайшего уважения со стороны как самих русских, так и других народов. Это же язык А.С.Пушкина и М.Ю.Лермонтова, Ф.М.Достоевского и И.С.Тургенева. Только великие переводчики могут перевести их произведения на другой язык с минимальными потерями для оригинала, а Н.В.Гоголь почти не поддается переводу. К сожалению, великие переводчики рождаются не чаще великих поэтов и писателей. Поэтому только в совершенстве овладев русским языком, человек другой национальности сможет насладиться сокровищницей русской литературы. Знание других языков помимо своего родного языка само по себе обогащает человека и преумножает его возможности.

Дед автора, будучи простым крестьянином, знал устно несколько кавказских языков, отличавшихся друг от друга не меньше, чем русский от английского. Он любил говорить “Сколько знаешь языков, столько раз ты человек!”

Русский язык должны знать, уважать и любить все граждане России, независимо от своей национальности. Это никак не сможет отрицательно сказаться на сыновнем отношении не-русского россиянина к своему родному языку, но зато обеспечивает возможность полноценно общаться и работать в любой точке нашего пока еще самого

большого в мире государства. Как в любом другом многонациональном государстве, роль и значение государственного языка в России переоценить невозможно.

Между тем, государство российское как-то самоустраниется от защиты и поддержки своего официального языка. Оно считает своим долгом охранять государственную границу, выстраивать таможенные барьеры. Разумеется, это совершенно необходимые государственные функции. Государство также приняло на себя охрану и поддержку памятников истории и культуры, что тоже очень важно. Однако эффективных действий государства в защиту русского языка пока не видно. Даже на изучение мертвых языков, пусть простили автора их исследователи, выделяется куда больше средств. Нельзя же заботу о русском языке сводить к борьбе милиции со сквернословием подвыпивших граждан в общественных местах.

Например, государство совершенно не контролирует развитие русского языка, а ведь любой язык живого народа развивается и надо бы ему обеспечить здоровое развитие. Автора могут обвинить во всех смертных грехах за кощунственный призыв к государственному контролю над языком, но как не бороться против засилья иностранных слов, привносимых в русский язык. Да, можно признать, что стремительный технический прогресс и все более интенсивный информационный обмен приводят к необходимости привнесения в русский язык какого-то объема иностранной профессиональной терминологии, хотя и тут незачем забывать о нормальных русских эквивалентах. Однако чем можно оправдать такие перлы, как “колбаситься”, “драйв”, “гламур” и т.п., проникшие в

современный русский язык вследствие нашей небрежности, умственной лени, идеологической и культурной капитуляции перед воинствующей “поп-культурой”.

При должной политике государства русский язык мог бы сторицей отблагодарить государство за средства, по-

траченные на его поддержку и защиту в качестве не только и не столько государственного языка.

Под этой политикой подразумевается умелое использование государством той особой роли, которую история на современном этапе отвела русскому языку.

Особая роль русского языка на постсоветском пространстве и ее польза для России

На постсоветской территории СССР образовалось 15 независимых государств. Помимо “титульных” народов в этих государствах проживают миллионы русских и “русскоязычных” людей. Русский язык был языком общения “титульных” и “нетитульных” народов всех 15 республик Советского Союза. Поскольку со временем распада пока прошло сравнительно немного времени, на всем постсоветском пространстве русским языком владеют, как минимум, почти все взрослые люди и значительная часть подростков. До сих пор в межнациональном общении бывшие советские граждане прибегают к русскому языку.

Известен почти анекдотический случай, связанный с первым саммитом президентов трех прибалтийских республик.

До обеда первого дня каждая сторона говорила на своем языке, прибегая к помощи переводчиков, а во время обеда уважаемые президенты пришли к решению о том, что нечего смешить людей и перешли к работе на понятном всем участникам русском языке.

Согласно статистике, которая иногда все-таки отражает действительность, в России ежегодно умирает на миллион человек больше, чем рождается. Эта убийственная для нашей и без того слабо заселенной страны тенденция лишь слегка смягчается прито-

ком иммигрантов. Последние прибывают, естественно, не из Великобритании и США, а из постсоветских государств. Однако не исключено, что подрастающая молодежь Молдавии, Таджикистана, Узбекистана и т.п. начнет уезжать не в Россию, а предпочтет другие страны, если Россия не будет продвигать и финансировать обучение русскому языку в странах постсоветского пространства. Россия может проиграть борьбу за гастарбайтеров, так как последних она привлекала не столько зарплатой, сколько отсутствием необходимости в изучении непонятного им чужого английского, немецкого или другого языка.

Кроме того, российское государство должно активно поддерживать обучение русскому языку, организовывать и финансировать русские школы и факультеты (причем не только для русских и русскоязычных, но также для “титульного” населения) даже в тех постсоветских республиках, откуда наплыва гастарбайтеров ожидать не приходится. Это не только экспорт русского языка и культуры, это экспорт российского влияния, “вербовка” союзников России.

В нашу страну начнут уже приезжать гастарбайтеры интеллектуального труда, а не только землепокры и политики.

В этом направлении было бы правильно также принимать на учебу в Россию абитуриентов и аспирантов из бывших советских республик, оговаривая взаимоприемлемые условия компенсации расходов на их обучение. Так уже действуют США и ряд других стран, укрепляя свои политические и экономические позиции на постсоветском пространстве.

Особо следует подчеркнуть важность поддержки преподавания русского языка и культуры для русских и русскоязычных жителей бывших советских республик, которых и гражданами не везде признают. Для России они ее

потенциальные союзники, если даже не переедут в Россию. В случае же перееzда они, свободно владея русским языком и будучи близки к российскому менталитету, со временем составят наиболее беспроблемную категорию новых граждан России.

Таким образом, все затраты государства на поддержку и продвижение русского языка обязательно обернутся политической, экономической и демографической выгодой. Это очень прибыльное дело, но он по плечу только государству и, конечно, отличается от бизнеса, связанного с откачкой нефти и газа из России в чужие страны.

Дороже нефти и газа – русский язык для России

Автор приходит к такому выводу, оценивая роль и значение русского языка для России.

Во-первых, для такой огромной и многоязычной страны роль и значение государственного языка трудно переоценить. Он играет цементирующую роль для Единой Российской Нации, является незаменимым средством общения россиян различной национальности.

Во-вторых, перефразируя известное изречение о роли поэта в России можно было бы сказать: “**Русский язык в России больше, чем государственный язык!**”.

Благодаря уникальной постсоветской ситуации Россия окружена странами, основная часть жителей которых владеет русским языком.

Для них Россия пока еще остается притягивающим магнитом.

К тому же, в этих странах проживают миллионы русских и “русскоязычных” людей, а последние, как правило, являются “русско-мыслящими”, то есть русскими по духу.

Благодаря роли русского языка в СССР, в наследство России досталось уникальное преимущество перед США и другими конкурентами на постсоветском пространстве.

Это преимущество российское государство должно использовать в полной мере, предотвратить поворот интереса жителей постсоветских республик в сторону, например, английского, немецкого или другого языка.

В противном случае, мы станем свидетелями нежелательного для России поворота иммиграционных потоков, увеличения числа сторонников США и, наоборот, уменьшения числа пророссийски настроенных граждан в странах ближнего зарубежья.

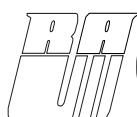
Что же касается нефти и газа, вполне справедливо причисляемых к числу главных богатств России, то их запасы вполне исчерпаемы, причем этот драматический момент уже не за горами, если только не иметь ввиду Уральские горы. Ученые многих стран, включая и российских, ищут (и не совсем безуспешно) замену нефти и газа. Можно не

сомневаться, что рано или поздно такую замену найдут, и Россия лишится своего нефтегазового рычага влияния, которым ей пока удается манипулировать.

А вот русскому языку замены не найти и ему суждена, уверен автор, куда более длительная жизнь, чем запасам нефти и газа.

Пока существует государство российское, будет жить и его государственный русский язык.

Было бы справедливо со стороны государства всячески охранять и поддерживать русский язык как одну из самых важных своих основ.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail:observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель—Observer» (1992–2007 гг.);
- «Современная политическая история России: “Хроника” (1985–2007 гг.)» на CD-диске;
- электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Мигранты глазами жителей Москвы*

Орест Муштук,
профессор

Если бы среди крупнейших столиц мира провести конкурс на звание “Вавилон XXI”, Москва наверняка оказалась бы среди призеров. Наша столица – давно уже не просто город, а крупнейший интернационализированный по составу населения мегаполис, в котором проживают люди более 150 национальностей. В то же время Москва исторически была и остается центром российской государственности, и русские как государство образующий народ составляли и составляют преобладающее большинство ее населения. Но с одной весьма существенной оговоркой – пока составляют. Ибо ведущей тенденцией изменений в национальном составе столичных жителей за последнее пятнадцатилетие выступает опережающий рост числа представителей “нерусских” этносов.

Так, численность корейцев в Москве за это время увеличилась в 2 с лишним раза, армян, грузин и арабов – в 3, азербайджанцев и молдаван – в 5, ингушей – в 6, чеченцев – в 7, таджиков – в 12 раз.

Активнее всего растет в столице численность вьетнамцев и китайцев – соответственно в 14 и 35 раз.

При сохранении этой тенденции в 2050 г. прогнозируемое число русских в Москве сократиться с 84% нынешних до 64%.

Такого рода этническая “дерусификация” столицы связана, с одной стороны, с процессом прогрессирующей естественной убыли и старения коренного населения, начавшимся еще в конце 80-х годов прошлого столетия.

Если в 1990 г. число новорожденных в Москве составило 94,5 тыс., умерших – 115 тыс. то в 2003 г. – соответственно 87,0 тыс. и 136,5 тыс. В первом случае естественная убыль исчисляется 20,5 тыс., во втором почти в два с половиной раза больше – 49,5 тыс.).

При этом происходит заметное сокращение доли русских среди детей, родившихся в Москве (на 15% только за период с 2001–2004 гг.), и сегодня они составляют немногим более 55% их общей численности.

* Статья подготовлена на основе социологического исследования “Жители столицы о мерах, реализуемых городской властью по регулированию миграционных потоков” по заказу Комитета по телекоммуникациям и средствам массовой информации Москвы. Было опрошено 1177 чел., представляющих основные статусно-дифференцированные группы горожан.

С другой стороны, это объясняется массовой полигэтнической миграцией (как легальной, так и разы превосходящей ее нелегальной миграцией) по направлению к Москве граждан из других регионов РФ, а также стран СНГ и дальнего зарубежья.

По данным Федеральной миграционной службы, сейчас в столице насчитывается порядка 250–300 тыс. легальных мигрантов, и более 1 млн. нелегальных.

Однако в реалиях эти цифры, особенно по нелегальным мигрантам, много больше.

Так, по переписи 2002 г. в Москве было зафиксировано 96 тыс. азербайджанцев. А по данным одного из лидеров азербайджанской этнической общины А. Керимова число азербайджанцев, проживающих в Москве и имеющих гражданство РФ, составляет около 400 тыс. Тех, кто не имеет российского гражданства – 600–700 тыс. Итого – свыше 1 млн. чел.¹.

Сомневаться в этой цифре не приходится, так как именно ее озвучил президент России В.Путин, выступая в октябре 2004 г. на съезде Всероссийского азербайджанского конгресса.

Приток в Москву огромных масс этнических мигрантов, трудно поддающихся официальному контролю в условиях мегаполиса, чье население (с учетом мятнико-вой миграции) превышает 13–14 млн. чел., не может не “напрягать” всю инфраструктуру жизнеобеспечения города, которая не рассчитана на такое количество приезжих, не порождать многочисленных проблем как в жизнедеятельности москвичей, так и городских властей. Причем на всех ее срезах.

В экономике речь идет, в первую очередь, о проблемах, связанных с регулированием предпринимательской и коммерческой деятельности, всей системы наемно-трудовых отношений. В социальной сфере – с развитием до- и школьного образования, здравоохранения, решением жилищного вопроса, а также вопросов, связанных с работой городского транспорта. В правоохранительной – с обеспечением законности и порядка, с борьбой с организованной преступностью и другими проявлениями девиантного поведения (наркоманией, проституцией и т.д.). В политической – с поддержанием необходимой гармонии и “мира” во взаимоотношениях русского большинства и постоянно растущего “нерусского” меньшинства. В культурной – с адаптацией мигрантов к той среде, в которую они вписываются, соблюдением ими принятых здесь правил и норм общежития.

И для того, чтобы эффективно решать все эти проблемы, вовремя выявлять “болевые точки” и снимать возникающие напряжения, городские власти должны обладать всесторонней и достоверной информацией о состоянии и основных тенденциях развития миграционной среды, а также о реакции на эту среду со стороны различных слоев и групп населения.

Опрос показал, что отношение столичных жителей к мигрантам далеко не однозначное и находится в прямой зависимости, прежде всего от того, какой статус они занимают: находятся ли в Москве на легальных основаниях или же проживают в столице нелегально (табл.).

Был задан вопрос:
Какие чувства москвичи испытывают к мигрантам?

Ответ разделил респондентов на три примерно равные группы:

Первая самая большая группа в 33,21% указывает на чувства, откашенные в сугубо негативные тона – раздражение

(18,01%), неприязнь (12,57%), меньше всего страх (2,63%).

Вторая, меньшая группа в 32,97% заявляет о себе как эмоционально нейтральная, в том смысле, что вообще не испытывает к мигрантам никаких особых чувств.

Третья, наименьшая группа респондентов (31,09%) свое отношение к мигрантам характеризует такими словами, как уважение (2,80%), симпатия (2,21%) и наибольшая часть в этой группе – сочувствие (26,08%).

Таблица

Характер отношения к мигрантам	% к общему числу респондентов	
	Легальные	Нелегалы
В целом положительное	21,92	2,55
Скорее положительное, чем отрицательное	24,21	7,31
Скорее отрицательное, чем положительное	15,21	23,70
Однозначно отрицательное	10,62	48,60
Нейтральное	26,17	15,72
Другое	1,78	1,95
Не определились	0,08	0,17

Эта последняя цифра сочувствующих мигрантам, а это почти 300 опрошенных москвичей, говорит о том, что, несмотря на интенсивно внедряемую при “рыночном” реформировании России сугубо эгоцентристическую установку на жизнь по принципу: “каждый сам за себя, один Господь Бог за всех”, души россиян не черствуют и не “атомизируются”. В глубинных пластиах отечественной ментальности и психики сохраняются такие искони присущие нашему народу социальные качества, как гуманизм и человеколюбие, добродушие и отзывчивость, сострадание и милосердие, обостренное чувство социальной справедливости и др.

Именно отсюда, из потаенных глубин “загадочной” русской души, идут такие высказанные некоторыми респондентами лаконизмы, как: “не надо делить людей на своих и чужих”, “пусть приезжают”, “места для всех хватит”.

Однако при этом абсолютное большинство респондентов (70,86%) все же или самым непосредственным образом (33,05%), или же лишь отчасти (37,81%),

но обязательно связывает характер своего отношения к мигрантам с тем, откуда они приехали и кем являются по национальности, добавляя при этом такие факторы-дeterminанты, как: чем конкретно занимаются мигранты, как себя ведут, взаимодействуя с москвичами, и пр.

По словам одного из опрошенных, если речь идет о “мигрантах, которые торгуют на рынке, то отношение к ним неприязненное и раздражительное, если же о мигрантах, тщательно убирающих наши грязные дворы, то сочувственное”. Для меньшинства в 27,44% перечисленные выше обстоятельства не имеют значения: “главное, чтобы человек был хороший”. Тем более что “большинство мигрантов приезжает в Москву не от хорошей жизни”.

Явной ностальгией веет от слов респондента-пенсионерки, которая написала на страницах анкеты: “До распада СССР я была почти во всех республиках. Как было здорово. Очень жаль, что это время ушло, и мы разъехались по национальным квартирам, обособляясь, чем дальше, тем больше, друг от друга”.

II

Особый интерес представляют ответы респондентов на вопрос: *Как массовая миграция сказывается на развитии межнациональных отношений в столице?*

Лишь незначительное число из них (18,61%) считает, что, несмотря на "миграционный бум", межнациональные отношения в столице остаются в целом дружественными и доброжелательными (2,04%) или, по меньшей мере, вполне сносными и терпимыми (16,57%).

Большинству же в 44,35% они видятся несколько натянутыми, 19,46% – в значительной степени враждебными. И, наконец, 16,99% – находящимися на грани "фола", то есть чреваты острыми конфликтами и противостояниями на национальной почве.

Таким образом, преобладающее абсолютное большинство опрошенных москвичей (80,80%) оценивают современное состояние сферы межнациональных отношений в столице не в категориях традиционной для Москвы советского периода "нерушимой дружбы между народами", а исключительно в категориях напряженности, вплоть до того, что не отрицают возможности социальных взрывов на национальной почве. При этом многие исходят из "презумпции", что именно "гости провоцируют конфликты" и "чем их больше, тем хуже".

Сравнивая эти результаты с результатами ответов респондентов на аналогичный вопрос проведенного весной 2000 г. под руководством автора исследования "О межнациональных отношениях в столице и путях их гармонизации", нельзя не обратить внимания на отрицательную динамику. Тогда, 6 лет назад, удельный вес москвичей, которые оценивали межнациональные отношения в столице в категориях со-

стояния напряженности, хотя тоже был значительный, но ниже, и составлял 76,14%².

Это состояние напряженности в сфере межнациональных отношений в немалой степени связано с тем, что, как считает абсолютное большинство респондентов (69,76%), мигранты в основной своей массе или не ориентированы вовсе (27,36%), или же ориентированы лишь отчасти (42,40%) на то, чтобы "вписаться" в социокультурную среду Москвы: воспринять присущие этой среде обычай и традиции, писанные и неписанные правила общежития.

При этом одни респонденты считают, что цель мигрантов – "стать жителями Москвы с постоянной пропиской, сохранив при этом привычный уклад жизни" без установки на то, чтобы стать среди москвичей "своими". Другие, напротив, утверждают, что "в основном мигранты ни за что не желают становиться москвичами". И цель их приезда в Москву – "заработать как можно больше денег, а затем вернуться домой, где у них такой возможности нет".

Представляется, что с учетом национальной и ментальной многоликисти мигрантов, обе эти полярности вполне имеют право на жизнь. И целевые установки приезда в Москву у разных категорий мигрантов действительно разные.

Но то, что большинство мигрантов "лезут в чужой монастырь со своим уставом" – такого мнения придерживается подавляющее большинство респондентов (83,77%).

Особенно достается "выходцам с Кавказа", которые "чувствует себя в Москве не гостями, а хозяевами". И только незначительное меньшинство

(13,68%) этот поведенческий алгоритм полностью отрицает.

Данное обстоятельство (неадекватность поведения мигрантов) лежит в основании того, что абсолютное большинство опрошенных москвичей (69,75%) "созрело" для того, чтобы лично информировать правоохранительные органы и участковых обо всех фактах нелегального проживания мигрантов и их противоправных действиях. При этом, правда, в пользу однозначного "да" высказывается только меньшинство (22,09%), тогда как большинство (47,66%) оговаривается – "да", но лишь в исключи-

тельных случаях (когда, по словам одного из респондентов, это "затрагивает лично меня или моих близких").

В то же время более одной четвертой респондентов (27,27%) на этот вопрос ответило категорическим "нет". Мотивируя свой отказ нежеланием быть "стукачом", и оговоркой "этим обязана заниматься власть", а также тем, что "не верят правоохранительным органам и участковым, которые сами все прекрасно знают, и вместе того, чтобы наводить порядок, занимаются "крышеванием" нелегалов и вымогательством денег у них".

III

По вопросу: *Как влияет массовой миграции на занятость москвичей?* Мнения респондентов разделились.

Довольно значительное меньшинство (44,10%) находит это влияние или в целом конструктивным (9,92%), или отрицает вовсе (34,58%), мотивируя это в обоих случаях тем, что "мигранты всего лишь занимают пустующие ниши": "не престижные рабочие места, которые не пользуются у москвичей популярностью", что "москвичи никогда не согласятся на то, чтобы подметать улицы и таскать кирпичи на стройках".

Абсолютное же большинство (53,10%), напротив, находит влияние массовой миграции на занятость москвичей скорее неконструктивным, чем конструктивным (27,78%), или же сугубо негативным (25,32%), аргументируя это тем, что в результате массовой миграции "происходит сокращение рабочих мест для москвичей" и "снижается стоимость рабочей силы"; что "мигранты монополизируют отдельные сегменты городской занятости, и непускают туда коренных жителей"; что они "вытесняют на рынках местную торговлю".

При этом высказывается категорическое несогласие с тем, что москвичи никогда не будут работать "дворниками" и заниматься другими "непрестижными" видами деятельности. Реф-

реном прозвучало: "Нужно платить москвичам достойную заработную плату" и тогда необходимость привлечения труда мигрантов отпадает сама собой".

В этой связи особый интерес представляют ответы респондентов на вопрос: *Кто больше всех в Москве заинтересован в мигрантах?*

Ответы выстроились в виде пирамиды.

На самом верхнем уровне респонденты поставили: бизнес – структуры, получающие не "хилый навар" от эксплуатации наиболее дешевой и бесправной рабочей силы (67,37%), а также городские службы, испытывающие дефицит рабочей силы в не престижных для москвичей сферах деятельности (59,39%).

Срединную нишу занимают: посреднические фирмы, специализирующиеся на легализации мигрантов в обход закона (32,20%); москвичи-дачники и все те из столичных жителей, кто занят переустройством и ремонтом своих квартир (27,61%); организованные криминальные группировки (22,60%).

В основании пирамиды расположились: горожане в роли потребителей товаров и услуг, производимых мигрантами по доступной цене (16,74%); коррупционеры из правоохранительных органов и миграционной службы (15,55%); взяточники из среды

городского окружного и районного чиновничества (11,05%).

К этой иерархии физических и юридических лиц, заинтересованных в дешевом труде мигрантов, некоторые респонденты добавили и такую катего-

рию, как “сами мигранты, уже обосновавшиеся и закрепившиеся в Москве”, которые используют свое привилегированное положение для того, чтобы “делать бизнес на своих обездоленных соплеменниках”.

IV

Следующий вопрос: Чем должны заниматься в Москве разного рода этнокультурные национальные центры и землячества?

Ответы респондентов выстраиваютя в виде иерархической структуры.

На ее верхней ступени находится численно самая большая группа респондентов (37,30%), которые считают, что деятельность в Москве такого рода центров не приносит особой пользы и ничего кроме растущего национального обособления в себе не несет.

На второй ступени – группа респондентов (36,11%), которые усматривают основной смысл существования этих центров в том, чтобы “пропагандировать среди соотечественников русскую культуру и традиции общежития”, помогать членам диаспоры адекватным образом адаптироваться в непривычную для них этнокультурную среду Москвы как большого русского города и центра русской государственности.

На третьей ступени – намного меньшая группа респондентов (16,40%), которые в качестве приоритетной видят задачу организации (в самых различных формах) совместного общения членов диаспоры с тем, чтобы не “терять корней” и сохранять чувство национальной сопричастности.

Наконец, на четвертой низшей ступени – самая малочисленная группа респондентов (7,31%), которые на первое место ставят цель активно развивать межнациональные связи и не навязчиво пропагандировать среди москвичей свою национальную культуру, язык и традиции.

Далеко не с восторгом воспринимается респондентами и создание в Мос-

ке дошкольных учреждений и общеобразовательных школ с этнокультурной компонентой (национальным уклоном).

Лишь незначительное число респондентов (14,53%) в целом одобряет его. 30,33% – не то, чтобы одобряет, но осо-бо и не возражает. Больше всего – 36,91% или противится в значительной мере (17,25%) или же категорически требует запрета (19,46%). Наконец, 16,40% занимает в этом вопросе сугубо нейтральную позицию.

При этом наряду с мнением, что такого рода дошкольные учреждения и общеобразовательные школы “нежелательны” и “лучше, если бы их вообще не было”, целый ряд респондентов ставит право на существование этих школ в прямую зависимость от того, “чему там учат?”, “не вступает ли это обучение в конфликт с русскими традициями?” и “вписывается ли в необходимость адаптации детей мигрантов к ним?”.

В любом случае, считают респонденты, все образовательные структуры с национальным уклоном “не должны финансироваться из средств городского бюджета”, “должны работать факультативно, во внешкольное время”, а “дети мигрантов обучаться в обычных московских школах” с тем, чтобы “лучше привыкать к русским” и адекватно “усваивать русскую национальную культуру”.

Как бы там ни было, но следует признать, что эта “детская” проблема

(причем довольно острая) в Москве действительно существует, если учесть, что, по неофициальным данным, в столичных школах сегодня учится порядка 100 тыс. детей мигрантов.

Причем "если в начале 90-х годов их родители, по словам учительницы начальной школы Л.Дмитриевой, были представителями интеллигенции, приехавшими в наш

город по работе или вынужденно поменявших место жительства, то среди пап и мам нынешних первоклассников все больше продавцов с рынков. Уровень образования родителей не может не сказываться на поведении детей – они растут неуправляемыми и "дикими", огрызаются в ответ на замечания и не желают менять свою точку зрения. Многие из них даже пожилых учителей называют на "ты"³.

V

Aбсолютное большинство опрошенных москвичей (96,18%) однозначно одобряет меры столичных властей по регулированию процессов въезда и проживания в городе мигрантов (обязательная регистрация, выдача миграционных карт, квотирование найма, проверка паспортного режима и др.).

При этом одна часть этого большинства в 37,98% считает, что такого рода меры учета и контроля мигрантов необходимо ужесточать.

Вторая большая часть (50,04%) высказывает не столько за ужесточение, сколько за то, чтобы довиваться неукоснительного исполнения уже принятых регламентаций.

Третья наименьшая часть (8,16%) исходит из необходимости эти регламентации смягчить и упростить. И только менее 2% респондентов заявили о своей приверженности тому, чтобы все "пустить на самотек".

При этом абсолютное большинство респондентов (66,95%) в принципе не возражает против того, чтобы всем тем мигрантам, которые хотят жить и работать в нашем городе в ладах с законом, такую возможность предоставить, и провести в максимально сжатые сроки упрощенную процедуру их легализации. В то же время некоторые респонденты оговариваются, что легализовать "следует не всех, а только тех, у кого не было проблем с законом", отдавая предпочтения в первую очередь "мигрантам – русским по национальности".

Что касается тех из респондентов, которые однозначно высказываются против

такой меры, то они составляют меньшинство в 27,61%.

Еще один вопрос: Следует ли ужесточить административную и уголовную ответственность к тем предпринимателям, которые в широких масштабах прибегают к найму нелегальных мигрантов?

Ответы респондентов составляют две примерно равные по численности группы.

Абсолютное большинство (51,06%) высказалось в пользу этого ужесточения. Близкое к абсолютному большинству меньшинство (46,13%) исходит не из необходимости ужесточать ответственность, а из необходимости сделать все для того, чтобы работали уже принятые законы, и у предпринимателей не было возможности "откупиться".

Такой же полярностью характеризуется отношение респондентов к проблеме въезда мигрантов из стран ближнего зарубежья.

Абсолютное большинство (58,20%) считает, что для более эффективной борьбы с нелегальной миграцией следует установить жесткий визовый режим со всеми странами СНГ.

Меньшинство же (36,53%) выступает против такого нововведения, считая, что визовый режим, учитывая "нашу коррумпированность", не даст положительных результатов. Он только создаст дополнительные возможности для коррупционеров всей мастей и рангов бесконтрольно "набивать свой карман".

При этом целый ряд респондентов выступает не за огульное, а за выборочное введение визового режима со странами СНГ. И, прежде всего, в отношении Таджикистана. Что касается таких стран, как Белоруссия и Казахстан, то с ними должен сохраняться безвизовый режим.

Если исключить всякого рода радикальные и экстремистские, по своей сути, высказывания о необходимости принудительной депортации всех мигрантов и сделать Москву закрытым для них городом, то все то, что респонденты предложили городским властям в качестве мер по повышению эффективности регулирования и контроля миграционных потоков, можно свести к следующему:

Первое – касается требований неукоснительно исполнять миграционное законодательство и предусмотренные им регламентации и процедуры с тем, чтобы исключить возможность нелегитимной легализации и трудоустройства мигрантов, ущемления интересов коренных москвичей в вопросах найма и оплаты труда.

При этом должна быть основательно разрушена процветающая повсеместно демпинговая система цен на рабочую силу, при которой работодатели создают рабочие места с заведомо заниженной оплатой в расчете на дешевую иностранную рабочую силу, чье предложение на рынке труда избыточно.

Председатель Комитета межрегиональных связей и национальной политики Москвы А.Александров, назвав "чистой воды лукавством" ссылки на то, что "москвичи на непрестижную, тяжелую и грязную работу не идут", приводит в качестве примера столичное авиапредприятие, которое набирает конструкторов не из числа москвичей, а из жителей "солнечных республик", но не потому, что для москвичей это работа непрестижна: при официальном прожиточном минимуме в Москве для семьи из трех человек порядка 15 тыс., месячная зарплата на этом предприятии не превышает 10 тыс.

А вот Московский метрополитен принимает на работы по прокладке туннелей, ремонту подвижного состава и коммуникаций, строительству новых и ремонту действующих станций только москвичей и жителей Подмосковья. И это несмотря на то, что назвать эти виды работ "чистыми" и "легкими" нельзя. Но ведь идут и при этом хорошо работают, в том числе и потому, что получают зарплату, если и не полностью соответствующую, то близкую реальной стоимости рабочей силы, то есть той, которая необходима для ее полноценного и расширенного воспроизводства⁴.

Второе – Особое место в решении миграционных проблем должна занять борьба с коррупцией. Респонденты настаивают, что "пока власти не наведут у себя порядок и не искоренят взяточничество в своей среде советовать что-либо бесполезно". Что с "нынешним коэффициентом коррумпированности в нашей стране НИЧЕГО из предложенного все равно работать не будет". И с этим трудно не согласиться, как бы это банально не звучало.

Юлия Калинина – обозреватель "МК", говоря о бытовом национализме, который в иные времена проявлялся мягко (шутками и анекдотами), а сегодня доведен до точки кипения и все чаще выливается в акты насилия, подчеркивает, что "развал советской экономики привел к тому, что в 90-ые годы в Центральную Россию хлынули предпри-

Примечательно, что в число "безвизовых" стран ни один из респондентов не включил Украины.

Это, как представляется, является проявлением негативной реакции на "русофобию" и "проатлантический" курс нынешнего руководства этой страны.

ниматели с Кавказа. Они занимали рынки, покупали чиновников, изменяли облик городов и не стеснялись демонстрировать русским свое пренебрежение. Уже тогда начались первые погромы на рынках и стало ясно, что доброму это не кончиться. Тем не менее, власти отказывались регулировать вторжение и затыкали рот тем, кто указывал на его опасности⁵.

Причины этого непротивления “кавказскому вторжению” как раз и кроются в широкомасштабной коррумпированности как правоохранительных органов, так и местных властей. Проявляя по отношению к приезжим “чудеса гостеприимства и радушия”, они позволили им в итоге фактически монополизировать всю рыночную торговлю и вытеснить из этого сектора местное население в обмен на “участие в доле”, взимая с приезжих “статусную ренту” – коррупционный налог-взятка в качестве цены за “крышу”.

Именно по этой причине большинство экспертов весьма скептически относится к перспективам этнической демонополизации рынков, не без основания считая, что без решительной борьбы с коррупцией и максимально возможного уровня ее снижения сделать это практически невозможно.

Третье – может быть сведено к формуле: “они (мигранты) должны приспособливаться к нам, а не мы к ним”. И в этой формуле, несомненно, содержится большая доля истины.

Нельзя не согласиться с членом экспертного совета при Комиссии Московской городской думы по межнациональным и межконфессиональным отношениям Г.Энгельгардтом, который говорит: “До сих пор основной упор в нашей миграционной политике делался на повышение толерантности к приезжим – а фактически адаптации общества к тем, кто в него вливается. Но такая политика в значительной степени сама генерирует конфликты. И значительная часть населения воспринимает это с раздражением. Все-таки логичнее было бы, чтобы приезжие адаптировались к той среде, в которую они приходят”⁶.

И, тем более, не претендовали на национально-культурное и территориальное обособление, на так называемый “мультикультурализм”, что с неизбежностью привело бы (а по существу уже приводит) к столкновению двух культур – московской (единой русской) и немосковской (многоликой нерусской).

Следует помнить, что Москва, хотя и является столицей всех россиян (вне зависимости от их национальной принадлежности), но она всегда была и остается исконно русским городом. При этом городом не закрытым, а открытым. Но эта открытость не является (и не может быть) абсолютной. Она должна регулироваться властями в тех объемах и пределах, при которых не возникает угрозы деструкции (дестабилизации) привычного уклада жизни москвичей и превращения Москвы в некое подобие “проходного двора”.

Четвертое – большинство респондентов высказывает убеждение в том, что в борьбе с нелегальной миграцией одних, даже титанических усилий городских властей недостаточно и по большому счету, их вины как первопричины огромного притока нелегалов в столицу нет.

Все начинается с границы, через которую просачиваются все кому не лень. И именно ее нужно “закрыть на замок”: перекрыть все каналы нелегального проникновения в страну граждан сопредельных с ней государств. И не только входящих в СНГ.

Учитывая интересы страны и Москвы, в частности, необходимо создать условия для разрешительного и квотированного въезда иностранной рабочей силы и организовать функционирование рационально-правовым образом регулируемый и контролируемый трудовой рынок: не столько “черновой” рабочей силы, сколько квалифицированной.

Сегодня в составе мигрантов преобладает именно первая категория. Согласно данным Института социологии РАН, 15% их общей численности вообще не имеют даже законченного среднего образования.

Что касается мигрантов из других регионов России, то главное, что требуется, так это ускоренное развитие этих регионов с тем, чтобы люди не выталкивались безысходностью с родных мест и имели возможность достойно жить и трудиться там, где родились и где находятся могилы их предков.

Примечания

¹ Независимая газета. 2005. 11 мая.

² Муштук О.З. О межнациональных отношениях в столице и путях их гармонизации // ПУЛЬС. 2000. № 6 (266). С. 9–10.

³ Аргументы и факты. 2006. № 41.

⁴ Независимая газета. 2007. 20 января.

⁵ Московский комсомолец. 2006. 07 апреля.

⁶ Московские новости. 2006. 15–21 декабря.

Экономическая безопасность России

Возможные ответы на вызовы

Юрий Бойко,
доктор медицинских наук,
кандидат юридических наук, профессор

На Всемирном экономическом форуме 2007 г. в Давосе отмечалось, что победивший в мировом масштабе капитализм несет в себе семя противоречия.

Клаус Шваб, основатель форума, отметил: "...нам противостоит мир, который становится все сложнее, его все труднее понять, нет политики, которая не сталкивается с противодействием, нет роста, который не имеет обратного хода!".

Главная тема дебатов на форуме определялась "изменением равновесия сил". Связанные с этим "вызовы" К.Шваб разделяет на четыре группы: появление новых экономических сил (Китай, Индия, Бразилия, Россия, на чью долю приходится 40% мирового экономического роста), опасная geopolитика (Ближний Восток, ядерное оружие, нефть), технологии (разрушающие традиционные социальные связи), неустойчивость деловой сферы (экологический императив, рост потребления).

Страны, о которых говорится как о "вызовах", должны также сформировать свой подход к этой проблеме – построить соответствующим образом свою внешнюю и как опору для нее, внутреннюю политику.

Россия не может не быть в авангарде этого процесса, если хочет сохранить свое место среди участников мировой политики.

Отечественные экономисты много пишут об опасности сырьевого характера сегодняшнего экономического роста и предлагают в качестве альтернативы развитие производства инновационных продуктов с высокой долей добавленной стоимости, что могло бы защитить российскую экономику от колебания мировых цен на ресурсы, прежде всего, энергетические. Эта задача является весьма сложной.

По данным Всемирного Банка², доля высоких технологий в экспорте обрабатывающего сектора России за 2005 г. составила всего 13%, тогда как для Финляндии этот показатель равен 24%, для США – 32%.

Чтобы преуспеть в экономическом соревновании, Россия должна развиваться динамичнее других стран СНГ и Восточной Европы.

В современном мире экономика базируется на инновациях. Ключевое

значение для возрождения России, обеспечения устойчивого экономического роста и решения назревших социальных проблем имеет повышение конкурентоспособности отечественной продукции на основе научно-технологического обновления производства. Поэтому выработка и активная реализация перспективной научно-технической и инновационной политики становится центральной задачей законодательной и исполнительной ветвей власти.

Постиндустриальная эпоха внесла принципиальные изменения в экономический подход к оценке факторов производства. Если индустриальную эпоху можно было охарактеризовать насыщением производства оборудованием, то на постиндустриальном этапе более высокое место в иерархии общественных ценностей занимает интеллектуальный продукт. На первое место в таком случае выходят высокие технологии и высокие темпы технологического обновления в производстве и в сфере услуг.

“Основные направления политики РФ в области развития инновационной системы на период до 2010 года”³ ставят целью деятельности государства в этой области перевод научно-промышленного потенциала России на инновационный путь развития и построение экономики, основанной на научных знаниях, которая освободит экономическое развитие страны от экспортно-сырьевой зависимости и обеспечит высокую динамику экономического роста в перерабатывающих отраслях.

Следовательно, стратегическая цель государства заключается в уменьшении относительной доли продукции сырьевых отраслей в ВВП, среди прочего – за счет диверсификации производства и обеспечения технологической, а зна-

чит, и экономической безопасности России.

В экономической науке и практике в последнее время понятие “конкурентоспособности” иногда подменялось понятием “приоритетности” тех или иных отраслей и видов деятельности. В итоге, отдельные отрасли добивались для себя разного рода преференций, хотя приоритетными они становились не по объективным критериям, а в результате лоббистской деятельности советских или постсоветских традиций промышленного развития. Ориентация преимущественно на промышленную политику, нацеленную на поддержку конкурентоспособных отраслей, уже не в состоянии дать тот эффект, на который можно было рассчитывать несколько лет назад. Предприятия, формально относясь к определенным отраслям промышленности, диверсифицируют свою экономическую деятельность и мало соответствуют формальным наименованиям отраслей.

Определение отраслей российской экономики, которые конкурентоспособны на сегодняшний день, не снимает с повестки дня задачу выбора тех направлений, которые будут повышать успешность страны в будущем. На данный момент, конкурентоспособными принято считать нефтедобывающую, газовую, алюминиевую, никелекобальтовую, лесозаготовительную, атомную, оборонную, авиакосмическую отрасли и подотрасли промышленности.

Отметим, что указанные отрасли в советское время относились к наиболее развитым, они и сейчас продолжают создавать продукт, востребованный мировым рынком, пользуются вниманием со стороны государства и обладают определенным престижем в глазах своих работников. Это помогло им в период экономических реформ обеспечить своим сотрудникам приемлемые материальные, а также социальные условия и предотвратить отток персона-

ла, следовательно, сохранить его знания, навыки и опыт работы.

В условиях рыночной экономики, успех, иными словами, эффективность работы отдельного предприятия или целой отрасли принято, в частности, оценивать с помощью такого показателя, как “отдача на вложенный капитал”, составной частью которого являются работники.

Человеческие ресурсы, как известно, входят в активы предприятия, имея одну существенную особенность – человеческий капитал, как никакие иные вложения, способствует созданию добавочной стоимости, в том числе, за счет разработки и внедрения инноваций в технологии и организацию производства. В отличие от доминировавших ранее представлений, согласно которым расходы на поддержание интеллектуального и физического состояния трудовых ресурсов являются издержками, в условиях научно-технической революции и требований современного производства, эти затраты рассматриваются как ключевые инвестиции в экономический рост.

Успешные западные и российские компании, уделяют особое внимание обучению и мотивации персонала, понимая, что приращение человеческого капитала и экономический рост неразрывно связаны.

Исследования показывают, что все более явно обнаруживается зависимость экономического развития стран от качества и количества человеческих ресурсов, которыми они располагают. Характеристики человеческих ресурсов оказывают возрастающее влияние на основные параметры социально-экономического развития развивающихся и развитых стран. Не минует эта проблема и Россию, тем более

что неудовлетворительное состояние здоровья ее населения в немалой степени определяет негативные демографические тенденции, такие, как снижение общей численности и старение населения.

Так, согласно прогнозам ПРООН, в 2015 г. в России будет проживать 133,4 млн. чел.⁴. Из года в год в общей численности населения России снижается доля детей до 15 лет. Если в 1990 г. она составляла 24%, то в 2000 г. – 19%, а в 2002 г. лишь 16,5%.

По прогнозам Н.М.Римашевской⁵, в 2015 г. доля детей в России составит 15%, прогноз ПРООН еще более пессимистичен – 13,4%.

Послевоенные поколения стремительно приближаются к пенсионному возрасту – его увеличение ничего не даст отечественной экономике, учитывая уровень здоровья населения. Соответственно, усиливается и будет продолжать расти дефицит трудовых ресурсов от квалифицированных рабочих до креативных специалистов и образованных управленцев.

По данным социологических исследований “Союза развития наукоградов России” и “Лиги содействия оборонным предприятиям”, если 7–8 лет назад 70% руководителей говорили о нехватке экономистов, финансистов и бухгалтеров, то в последние 2–3 года 80–85% из них отвечают, что нужны научно-инженерные кадры высокой квалификации и высококвалифицированные рабочие.

При этом не стоит забывать, что, порой, достаточно прихода одного или нескольких людей на предприятие или в учреждение для того, чтобы изменить организационную культуру, преобразовать деятельность, “встряхнуть” и заставить работать уже имеющийся коллектив. Для этого не нужно много людей, нужны только умелые и желающие работать, но таких в России, в

силу ряда причин, становится все меньше и меньше.

Здесь и упомянутое выше старение населения, и увеличение доли “новых бедных”, которые не желают решать задачи, требующие умственного напряжения, и массовое снижение интеллектуального уровня населения, в особенности, молодой его части.

Это, в частности, демонстрирует обеднение повседневной речи молодежи, состоящей преимущественно из штампованных выражений (например, заимствованных из рекламы).

Все эти процессы снижения человеческого потенциала противоречат принятому курсу на формирование национальной идеи России, какой бы она не была, поскольку в экономически слабом государстве, как видно из текущих внешнеполитических реалий, маловероятно появление самостоятельной национальной идеи.

Отсутствие экономического базиса для формирования национальной идеи является оборотной стороной важной проблемы, имя которой – экономическая безопасность России.

На это и направлены Приоритетные национальные проекты, о которых Д.Медведев сообщил⁷, что “они составляют основы приращения национальной безопасности”, а “их параллельная реализация может и должна сопровождаться как системным, так и кумулятивным эффектом, умножающим экономические и гуманитарные возможности России”.

Для прогресса в данной области требуется, прежде всего, оздоровление нравственного климата, выдвижение масштабных задач для общества, способных сплотить население страны. Необходима социально-психологическая адаптация к новым условиям инновационной экономики, нравственная и ценностная консолидация общества,

что существенно улучшит условия инновационной деятельности.

Основу такого развития может составить неоднократно озвучиваемая руководителями страны “экономика знаний”.

В самом деле, ресурсы, в том числе, и энергетические, исчерпываются, требуя все новых и новых инвестиций в их добычу; инфраструктура, прежде всего, производственная, устаревает, ветшает и архаизируется. Выросшие при советском строем специалисты постепенно деквалифицируются и деклассируются, или просто уходят из сферы общественного производства, а значительная часть новых – является обладателями неавторитетных дипломов недавно образованных, зачастую не имеющих государственной аккредитации, учебных заведений. Так что, по сути, пока эту новую экономику делать некому.

Перевод экономики страны на инновационный путь развития возможен только на основе комплексного подхода, предполагающего разработку и реализацию системы взаимосвязанных мер, направленных на поддержку и координацию деятельности всех участников инновационного процесса, государственных и муниципальных чиновников, менеджеров, предпринимателей, ученых, представителей финансовых и промышленных кругов. Россия может обеспечить себе достойное место в мире, суверенитет и национальную, в частности, экономическую безопасность, лишь будучи высокотехнологичной державой.

Однако одним из нерешенных вопросов остается обеспечение научекомических областей деятельности квалифицированным персоналом.

Общий алгоритм осуществления инновационной деятельности включает в себя: социальный запрос на инновации → концептуальный поиск объекта инноваций → поиск субъекта иннова-

ционной деятельности → осуществление инновационной деятельности → обратную связь, регулирующую величину запроса на инновации.

Из представленной последовательности видно, что разрыв в человеческих ресурсах приводит к нарушению общего процесса инновационной деятельности.

Начало абсолютного сокращения численности трудоспособного населения приходится в России на 2006 г.⁸.

В настоящее время 61% всего населения страны считается трудоспособным. При этом 50% трудоспособного населения – это лица старше 35 лет. Так как восприимчивость к инновациям этой категории падает в силу естественных причин, прежде всего, с возрастными изменениями, то вскоре они, вероятно, будут неспособны успевать за развитием высоких технологий.

Кроме того, развитие экономики в России в ближайшие десятилетия будет проходить на фоне очень неблагоприятной возрастной структуры трудоспособного населения.

По оценке экспертов, большая доля умерших в трудоспособном возрасте является одной из наиболее серьезных демографических проблем в современной России. За последнее десятилетие показатель смертности в возрастной группе от 20 до 29 лет увеличился более чем на 60%⁸.

Пересчет этих данных с использованием сложных процентов показывает, что к 2020 г. доля трудоспособного населения может составить около 17% от величины этого показателя в 2003 г.

При расчете не учитывалось возможное изменение общей численности населения России. Первая причина связана с тем, что учет этого фактора не приведет к существенным изменениям общей картины, так как речь идет о единицах процентов. Второй аспект этой проблемы заключается в том, что предпринимаемые сегодня Правительством РФ меры могут снизить темпы падения численности населения, но это только усугубит проблему, поскольку

ожидаемое поколение еще долго не будет соответствовать трудоспособному возрасту.

Челесообразно рассмотреть еще один аспект влияния возрастной структуры населения России на экономическое развитие. Сравнительно низкая рождаемость, и, соответственно, относительно небольшая доля молодого населения приводят к снижению общего спроса на продукцию предприятий.

Это связано с тем, что у старшего по возрасту поколения определенное количество товаров за жизнь уже приобретено. С ростом населения образуются новые семьи – приобретается жилье, мебель, машины, одежда и т.д. При этом молодежь пополняет казну за счет налогов.

Если население стареет, а в развитых странах средний возраст приблизился к 40 годам против, примерно, 24,1 лет в Индии и около 18,8 – в Африке, то резко увеличиваются расходы на социальные нужды, пенсии, здравоохранение, социальные службы и т.д. Параллельно происходит сокращение количества работающих, то есть снижаются отчисления в бюджет.

Реализуемая сейчас в России модель “экономического роста за счет увеличения потребления” не учитывает указанные факторы, поэтому не стоит удивляться, что темпы экономического роста, основанного на применении этой модели, постепенно замедляются.

Распределение населения России по возрастам показывает, что в настоящее время наибольшую долю в населении составляют молодые люди в возрасте от 16 до 19 лет, вторую многочисленную возрастную группу характеризует возраст 45–49 лет. Вероятно, их можно соотнести друг с другом как родителей и их детей, в соответствии с правилами определения социологических поколений. Однако стоит обратить внимание на то, что родители родителей, то есть деды, отстоящие от родителей на такое же расстояние, и находящиеся на уровне выше пенсионного воз-

растя, значительно малочисленнее, также, как и население младше 14 лет.

Сохранение тенденции может привести к тому, что по прошествии 50-60 лет работников просто некем будет заменить, и экономическая жизнь в России стагнирует.

С другой стороны, можно предположить, что оживление экономической деятельности в России приведет к росту рождаемости, а также вовлечению в экономическую жизнь не задействованных до настоящего времени людей.

На данном этапе развития России, скорее всего, не удастся избежать пути по которому уже идет большинство развитых стран Европы, – привлечения квалифицированных мигрантов, которое может послужить своеобразным “спусковым крючком” для старта инновационных преобразований и ускорения темпов экономического роста России, что улучшит условия обеспечения ее экономической безопасности.

По данным Института экономики переходного периода (ИЭПП), для того чтобы обеспечить долгосрочный экономический рост, необходимо в ближайшие 20 лет восполнить дефицит трудовых ресурсов мигрантами в размере около 25 млн. чел. В связи с этим, принятая программа привлечения соотечественников должна быть расширена на различные категории иммигрантов, в том числе, из дальнего зарубежья, и дополнена квалификационными критериями, соответствующими им льготами и преференциями со стороны государства и работодателей.

Однако здесь прослеживаются определенные закономерности, которые лучше всего видны на примере исследования миграционных процессов в рамках СНГ.

В современную эпоху, по мнению исследователей, уже не подвергается сомнению важность роли государства в обеспечении социально-экономических гарантий населению. Осуществление эффективного регулирования отношений, связанных

Анализ зависимости показателей миграционной вероятности, по данным Института народнохозяйственного прогнозирования РАН⁹, от доли ВНП на душу населения и темпов роста экономики для стран СНГ, показывает, что потенциальных мигрантов привлекают не перспективы, связанные с высокими темпами развития, а сиюминутные преимущества в виде более высокого ВНП на душу населения, а значит, при прочих равных условиях, и более высокого уровня жизни.

Немаловажную роль в этом играет разочарованность потенциальных иммигрантов реализацией обещанных перспектив в рамках развития общества на стадии предыдущей социальной формации, поэтому они хотели бы получить не “виртуальные”, а реальные выгоды от своей деятельности.

Таким образом, видно, что достижение долгосрочной социально-экономической стабильности и устойчивого роста, которые в свою очередь служат базовыми факторами для обеспечения национальной безопасности российского государства, не может быть достигнуто только миграцией населения, в частности, приезжающего в Россию “заработать” и увезти заработанное за ее пределы. Напротив, перспективным представляется только тот разряд иммигрантов, которые приедут в Россию, чтобы жить на ее территории, рожать и воспитывать детей – новое поколение граждан страны. Однако серьезно говорить о развитии подобного сценария станет возможным только в случае, если власть страны сумеет в свою очередь продемонстрировать заботу об экономической безопасности населения, что привлечет иммигрантов.

ных с решением проблем экономической безопасности граждан возможно в двух направлениях:

первое – прямые государственные расходы на социальные программы;

второе – создание экономико-правовой среды, стимулирующей многостороннюю ответственность за экономическую и социальную безопасность населения. Под многосторонней ответственностью в данном случае понимается ответственность государственных институтов, частного бизнеса (работодателей) и личная ответственность гражданина за добросовестную включенность в процесс общественного производства.

Для потенциальных иммигрантов, как и для граждан России, очень важно, чтобы обеспечение экономических гарантий являлось не только условием стабильности, но и способствовало повышению конкурентоспособности трудоспособных, но уязвимых на рынке труда категорий граждан, и реинтегрировало их в общественное производство. В частности, это может реализоваться через определение приоритетов социальной политики и основных социальных нормативов, механизмов их реализации – формирование правового базиса и общих методологических принципов – государственных гарантий в сфере труда и социального обеспечения.

Необходимо отметить, что опыт развитых стран, в частности США, по ограничению распространения бедности свидетельствует, что многочисленные программы всестороннего сопровождения, специально ориентированные на помочь тем, кто находится за чертой бедности, оказались менее эффективными с точки зрения снижения уровня бедности, в сравнении с программами социального страхования, разрабатываемыми для поддержки занятости, материального благосостояния, здоровья всех членов общества.

Поэтому представляется уместным введение налоговых льгот предпринимателям, не просто создающим рабочие места, но и внедряющим социальные программы на своих предприятиях, что может выражаться, например, в расширении доступа к непрерывному обучению и переквалификации на рабочих местах, в том числе и для реципиентов пособий, желающих вернуться к работе после перерыва.

Отношение российской власти к вопросам реинтеграции в общественное производство весьма небезразлично как трудоспособным гражданам России, так и потенциальным иммигрантам.

В этом смысле Россия имеет некоторое преимущество перед другими странами СНГ в привлекательности ее рабочих мест для потенциальных мигрантов. Заинтересованные более высокими реальными возможностями, доходами и продвижением Российской Федерации в экономико-социальном развитии по сравнению со странами-донорами иммигранты смогут усилить экономический потенциал и технологическое развитие России.

При условии выработки властью адекватной политики обеспечения экономической безопасности населения и создания соответствующего правового поля для ее реализации может быть введен механизм “трудового мультиплексора”, в соответствии с которым “новые россияне” своим трудом будут создавать экономические, нравственные и социальные ценности, привлекающие все новых и новых мигрантов.

Примечания

- ¹ *Le Boucher E. Mondialisation schizophrénique, par Eric Le Boucher.* LE MONDE. Mis a jour le 24.01.07.
- ² Доклад Всемирного Банка об экономике России (апрель 2006 г.). <http://www.opec.ru/images/RER12-russian.doc>
- ³ Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года. <http://www.innobusiness.ru>.
- ⁴ Сайт Программы развития ООН в России. <http://www.undp.ru/index.phtml?iso=RU&lid=2&cmd=publications1&id=49>
- ⁵ Римашевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74. № 3. С. 209–218.
- ⁶ Кузнецов М.И. Наукограды: интеллектуальный потенциал и инновационный ресурс России // Устойчивое развитие. Наука и практика. 2004. № 2. С. 35–38.
- ⁷ Медведев Д. Национальные проекты: от стабилизации – к развитию // Коммерсантъ. № 9 (3585). 25.01.07. С. 2.
- ⁸ Збарская И. Москва: РФ теряет трудоспособных граждан / Портал KNM, коммерческая недвижимость Москвы. <http://www.knm.ru/?a=news&b=64525>.
- ⁹ Коровкин А.Г., Долгова И.Н., Королев И.Б., Подорванова Ю.А., Полежаев А.В. Миграционные взаимодействия стран СНГ. ДемоскопWeekly. Электронная версия бюллетеня Население и общество. Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. № 184–184. 20 декабря 2004 – 9 января 2005.

НАТО: новая структура – новые возможности

Владимир Штоль,
доктор политических наук, профессор

На рижском саммите НАТО (Рига, ноябрь 2006 г.) был проведен анализ трансформационных процессов НАТО (военных и политических), дана оценка возможностей альянса по пресечению расширения региональных конфликтов, рассмотрены вопросы обеспечения так называемой устойчивой стабильности за пределами евроатлантического пространства.

Как подчеркнул руководитель отдела политического планирования и спичрайтинга штаб-квартиры НАТО Михаэль Рюле, основная задача саммита в латвийской столице заключалась в том, чтобы обеспечить страны НАТО военными и политическими средствами достижения своих целей.

Рижская встреча дала ряд важных результатов в области постоянно идущих военных преобразований организации.

Рассмотрен и подведен итог реформирования военной структуры блока, старт которому был дан на саммите НАТО в Праге (ноябрь 2002 г.), когда были приняты решения по дальнейшей реорганизации ОВС НАТО, в том числе:

– совершенствование командной структуры блока.

На переход к новой военной организации было отведено 3 года, то есть его завершение приходилось как раз на конец 2006 г. При этом было подчеркнуто, что новая структура должна быть построена не по географическому, а по функциональному признаку; в ее основу должна быть положена “Концепция МООТГ”, разработанная в 1994 г. и прошедшая проверку в войсках.

– создание Сил реагирования НАТО (СР НАТО) к концу 2006 г.

Концепция МООТГ (Многонациональные объединенные оперативно-тактические группы) предусматривает создание в войсках многонациональных (объединенных), межвидовых (общевойсковых) временных формирований для выполнения определенной задачи из всего комплекса военных задач Североатлантического союза и предполагает при этом наличие многонациональных и межвидовых органов управления войсками (силами) в виде штабов МООТГ.

Необходимость разработки Концепции была вызвана изменением условий безопасности и возникновением меньших по масштабу, но более разнообразных и непредсказуемых угроз миру и стабильности. Она также была обусловлена внутренней реорганизацией

Североатлантического союза, сокращением его вооруженных сил, а также тем, что в соответствии с адаптированным Договором о вооруженных силах в Европе большая часть сил НАТО в мирное время была передана в полное подчинение национального командования своих стран.

В настоящее время НАТО не имеет своих собственных независимых вооруженных сил, а большинство так называемых “сил (войск) НАТО” составляют национальные формирования, которые могут передаваться в подчинение военного командования НАТО в специфических обстоятельствах в соответствии с процедурами, согласованными странами-членами альянса заранее.

Сейчас НАТО обладает лишь штабной и командной структурами, штабами различного уровня, роль которых заключается в обеспечении перспективного планирования и разработке стандартов обучения, необходимых для того, чтобы дать возможность национальным ВС участвовать в выполнении новых задач: от коллективной обороны до поддержания и сохранения мира; помочь им в проведении организационных мероприятий (преобразований), необходимых для их совместного обучения и тренировок, командования и управления.

Таким образом, эта Концепция направлена на создание в НАТО гибких средств реагирования на новые вызовы в области безопасности, в том числе при проведении операций с участием стран, не входящих в Североатлантический союз. Она нацелена на повышение способности НАТО развертывать в короткие сроки необходимые многонациональные межвидовые формирования, создаваемые в соответствии с особыми требованиями конкретной воен-

ной операции, а также облегчает включение в операции под руководством НАТО воинских контингентов стран, не входящих в Североатлантический союз. Многие аспекты Концепции МООТГ были проверены на практике при проведении операций под руководством НАТО на Балканах.

Новая военная структура НАТО, по функциональному принципу, как и прежде подразделяется на 3 уровня:

– **На первом (стратегическом) уровне** существует единственное командование, выполняющее оперативную функцию – Главное (союзное) командование операций (*Allied Command for Operations*), на которое возложены оперативные задачи, прежде выполнявшиеся ГК ОВС НАТО в Европе и ГК ОВС НАТО на Атлантике, то есть теперь оно отвечает за все операции Североатлантического альянса от Гибралтарского пролива до Афганистана.

Вместо стратегического командования в зоне Атлантики создано новое Главное (союзное) командование по трансформации (*Allied Command for Transformation*) со штабом в Норфолке (штат Виргиния).

– **Второй (оперативный) уровень** представлен постоянными Объединенными межвидовыми командованиями ОВС НАТО в Брюсселе (Нидерланды) и Неаполе (Италия) и постоянным Объединенным штабом ОВС НАТО в Лиссабоне (Португалия).

Оба командования – в Брюсселе и Неаполе – могут руководить операциями из мест постоянной дислокации или формировать для этого штаб Многонациональной объединенной оперативно-тактической группы (МООТГ) наземного базирования.

Штаб в Лиссабоне имеет несколько ограниченные возможности. На его ос-

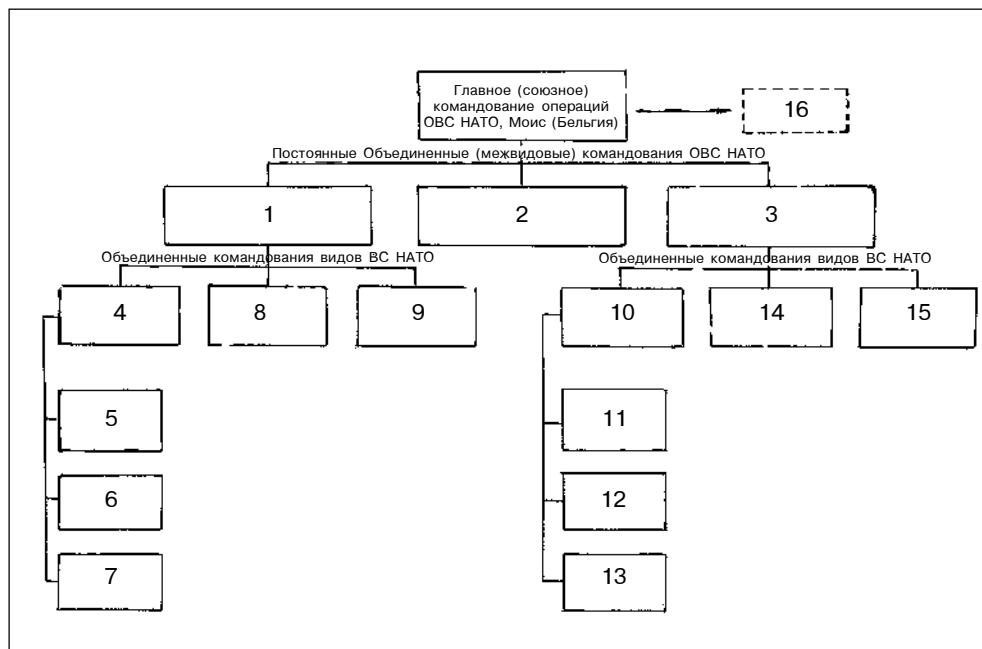

Рис. 1. Структура главного (союзного) командования операций

1. Штаб Объединенного командования ОВС НАТО, Брюнссум (Нидерланды)
2. Объединенный штаб ОВС НАТО, Лиссабон (Португалия)
3. Штаб Объединенного командования ОВС НАТО, Неаполь (Италия)
4. Штаб Объединенного командования ВВС, Рамштайн (Германия)
5. Стационарный многонациональный центр управления боевыми действиями авиации (МЦУБДА)
N 1, Уэдем (Германия)
6. Мобильный многонациональный центр управления боевыми действиями авиации (МЦУБДА),
Уэдем (Германия)
7. Стационарный многонациональны центр управления боевыми действиями авиации (МЦУБДА)
N 2, Финдеруп (Дания)
8. Штаб Объединенного командования ВМС, Нортвуд (Великобритания)
9. Штаб Объединенного командования СВ, Гейдельберг (Германия)
10. Штаб Объединенного командования ВВС, Измир (Турция)
11. Стационарный многонациональный центр управления боевыми действиями авиации (МЦУБДА)
N 3, Поджио Ренатико (Италия)
12. Мобильный многонациональный центр управления боевыми действиями авиации (МЦУБДА),
Паджио Ренатико (Италия)
13. Стационарный многонациональный центр управления боевыми действиями авиации (МЦУБДА)
N 4, Ларисса (Греция)
14. Штаб Объединенного командования ВМС, Неаполь (Италия)
15. Штаб Объединенного командования СВ, Мадрид (Испания)
16. Командующий Европейским командованием ВС США в Европе

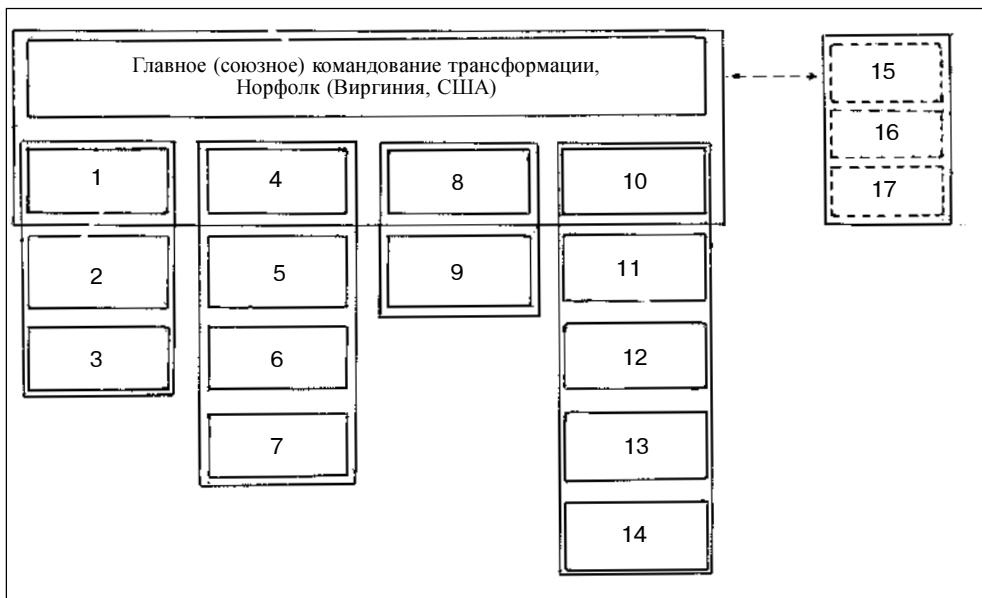

Рис. 2. Структура Главного (союзного) командования трансформации

1. Управление по разработке политики, стратегических концепций и определения потребностей (ресурсов)
2. Штабная группа ГКТ при ВГК ОВС НАТО в Европе
3. Группа планирования ресурсов и их использования
4. Управление разработки и развития концепций межвидового взаимодействия
5. Центр межвидовых боевых действий (ЦМБД), Ставангер (Норвегия)
6. Учебный центр объединенных сил (УЦОС), Быдгощ (Польша)
7. Объединенный центр анализа и накопленного опыта. Монсанту (Португалия)
8. Управление технологии исследований будущих возможностей
9. Центр подводных исследований, Ла Специя (Италия)
10. Управление учебно-боевой подготовки
11. Военный колледж НАТО, Рим (Италия)
12. Школа НАТО (при штабе ВГК ОВС НАТО в Европе), Обераммергау (Германия)
13. Школа НАТО по системам информации в связи, Латина (Италия)
14. Оперативно-учебный центр НАТО по предотвращению боевых действий на море, Суда-Бей (Греция)
15. Объединенное командование ВС США
16. Многонациональные и национальные центры передового опыта
17. Учреждения и организации НАТО

нове может быть сформирован лишь штаб развертываемой МООТГ морского базирования.

В настоящее время командование в Брюнссуме обеспечивает штаб (без военно-морского компонента) для Международных сил содействия безопасности (ИСАФ) в Афганистане, а командование в Неаполе – штаб для операций НАТО на Балканах.

– **Третий (тактический или компонентный) уровень** представлен шестью Объединенными Командованиями видов ВС НАТО, которые обеспечивают командование и управление отдельными видами вооруженных сил – сухопутных войск, военно-морских и военно-воздушных сил для штабов оперативного уровня.

В подчинении Объединенного командования в Брюссуме находятся Объединенное командование ВВС в Рамштайне (Германия), Объединенное командование ВМС – в Нортвуде (Великобритания) и Объединенное командование сухопутных войск – в Гейдельберге (Германия).

Объединенному командованию в Неаполе подчиняются Объединенное командование ВВС в Измире (Турция), Объединенное командование ВМС в Неаполе и Объединенное командование сухопутных войск в Мадриде (Испания).

При руководстве действиями авиации Объединенные командования ВВС опираются на четыре стационарных Многонациональных центра управления боевыми действиями авиации (МЦУБДА) в Уэдеме (Германия), Финдерупе (Дания), Поджио Ренатико (Италия) и Лариссе (Греция), а также два дополнительных мобильных МЦУБДА в Уэдеме и Поджио Ренатико.

Стационарные МЦУБДА могут оказывать поддержку из мест постоянной дислокации, а мобильные центры могут перебрасываться в районы боевых действий.

Новая структура командований упрощает механизмы руководства операциями НАТО.

При прежней структуре руководство, например, Силами по выполнению соглашений в Боснии и Герцеговине обеспечивали напрямую ВГК ОВС НАТО в Европе из Монса, а по новой схеме операциями управляют штабы оперативного уровня под стратегическим руководством ВГК ОВС НАТО в Европе.

В результате Силы по стабилизации, пришедшие на смену ИФОР в декабре 1996 г. (и на смену которым в декабре 2004 г., в свою очередь, пришли Силы Евросоюза), поступили в оперативное подчинение Объединенного командования в Неаполе, а Международные силы содействия безопасности в Афганистане – Объединенного командования в Брюнссуме.

Главное (союзное) командование трансформации (ГКТ) ОВС НАТО совершило новая организационная структура со штаб-квартирой в Норфолке (штат Виргиния) осуществляет руководство на стратегическом командном уровне всем процессом преобразования военной структуры, сил, средств и доктрины НАТО. ГКТ занимается также совершенствованием подготовки, в особенности командного и личного составов штабов, проводит исследования по оценке новых концепций и содействует укреплению оперативной совместимости во всем Североатлантическом союзе.

Главное (союзное) командование состоит из четырех основных компонентов (управлений).

Первый компонент – Управление по разработке политики, стратегических концепций и определения потребностей (ресурсов) включает штабную группу при ВГК ОВС НАТО в Европе, отвечающую за вопросы военного планирования, а также Отдел планирования ресурсов и их использования.

Вторым компонентом является Управление разработки и развития концепции

объединенности (межвидового взаимодействия), к которому относятся Центр межвидовых боевых действий (ЦМБД) в Ставангере (Норвегия), Учебный центр объединенных межвидовых сил (УЦОС) в Быдгоще (Польша) и Объединенный центр анализа и накопленного опыта в Монсанту (Португалия).

Третим компонентом является Управление технологии исследований будущих возможностей в Ла Специи (Италия).

Четвертый компонент – Управление учебно-боевой подготовки – включает военный колледж НАТО в Риме (Италия), школу НАТО в Обераммергау (Германия), школу НАТО по системам информации и связи в Латина (Италия) и Оперативно-учебный центр НАТО по предотвращению боевых действий на море в Суда-Бей (Греция).

Кроме того, ГКТ будет взаимодействовать с различными национальными и многонациональными центрами передового опыта, каждый из которых занимается определенной областью, в числе которых: анализ и моделирование действий авиации, командование и управление, военно-гражданское сотрудничество, боевые действия в условиях холодного климата, ведение многонациональных операций с платформы морского базирования, киберзащита, защита от терроризма, утилизация взрывоопасных предметов, гуманитарное разминирование, боевые действия в городах, минная война на море, защита от ядерного, биологического и химического оружия, подготовка в рамках программы “Партнерство ради мира” и др.

Необходимо также рассмотреть задачи и функции трех новых структур, созданных в 2003–2004 гг. в составе ГКТ, но расположенных на территории европейских стран НАТО Норвегии, Польши и Португалии.

Центр межвидовых боевых действий (ЦМБД) в Ставангере создан для

боевой подготовки личного состава штабов многонациональных объединенных оперативно-тактических групп (МООТГ), Сил реагирования НАТО, командований видов ВС и других штабов НАТО. В нем проходит подготовку, например, личный состав штабов Сил повышенной готовности перед принятием командования Многонациональными силами обеспечения безопасности (ИСАФ) в Афганистане. В ЦМБД также личный состав штабов новых членов НАТО и государств-участников программы “Партнерство ради мира”.

Центр участвует в реализации Программы НАТО по подготовке кадров иракских силовых структур.

Учебный центр объединенных (межвидовых) сил (УЦОС) в Быдгоще – первое учреждение НАТО в Польше – обеспечивает подготовку личного состава многонациональных объединенных сил государств-членов НАТО и стран-партнеров на тактическом уровне для достижения оперативной совместности различных видов ВС.

Одним из приоритетов УЦОС является помочь командирам объединенных и видовых компонентов Сил реагирования НАТО в подготовке личного состава ему и привитии определенных навыков.

Учитывая, что состав Сил реагирования меняется один раз в полгода, Центр помогает обеспечивать высокий уровень оперативной совместности и подготовки каждой очередной смене, чтобы входящие в нее подразделения могли действовать как многонациональное, объединенное полностью боеготовое формирование.

Центр призван создать из каждой смены СР НАТО полностью интегрированное межвидовое формирование, хорошо подготовленное к развертыванию и действиям по первому требова-

нию. Подготовка строится так, чтобы в учебный процесс постоянно включались новые концепции и накопленный опыт, поэтому уровень требований, установленный ВГК ОВС НАТО в Европе для каждой последующей смены СР НАТО, имеет тенденцию к повышению. Таким образом, Силы реагирования НАТО выполняют роль катализатора преобразования всех вооруженных сил НАТО.

Объединенный центр анализа и накопленного опыта (ОЦАНО) в Монсанту (Португалия) занимается анализом результатов проведенных объединенных военных операций и учений НАТО, а также программы “Партнерство ради мира” (ПРМ), составляет и распространяет на основе опыта этих операций и учений базу данных.

Центр анализирует 10–12 учений в год, проходящих, большей частью, на оперативном или тактическом, а иногда и на стратегическом уровнях.

ОЦАНО издает в основном аналитические отчеты, базы данных накопленного опыта НАТО и ПРМ, а также документы аналитического характера и распространяет их в форме печатных изданий, компакт-дисков и через сеть Интернет.

В результате предпринятых мер руководство НАТО существенно (почти в два раза) уменьшает количество штабов и других органов управления и одновременно создает более гибкие и эффективные оперативные формирования на многонациональной основе, что ведет к повышению готовности альянса к боевому применению и повышает способность Североатлантического союза выполнять весь комплекс задач: от миротворческих до крупномасштабных высокой интенсивности.

Как заявил специальный помощник начальника штаба ВГК ОВС НАТО вице-мар-

шал авиации Эндрю Вэманс: “Новая команданая структура НАТО является самым важным развитием военной организации НАТО с момента ее создания более 50 лет тому назад”.

На саммите в Риге были также объявлены полностью готовыми к применению Силы реагирования НАТО (СР НАТО), а это значит, что в распоряжении альянса теперь имеются силы, готовые к выполнению задач в любой точке мира.

Поводом могут быть вспышки военных конфликтов, стихийные бедствия, другие неожиданные ситуации, требующие помочь извне для урегулирования и преодоления последствий.

Силы реагирования НАТО – это многонациональное формирование быстрого развертывания, состоящее из компонентов сухопутных войск, воздушных, морских сил и сил специального назначения.

Их численность составляет приблизительно 25 тыс. военнослужащих.

Эти силы могут проводить развертывание через 5 дней после получения приказа и автономно выполнять свои задачи в операциях в течении 30 дней или дольше при восполнении запасов материальных средств.

СР НАТО состоят из компонента сухопутных войск численностью до бригады для выполнения задач силового вторжения, военно-морской тактической группы в составе боевой авианосной группы, амфибийной тактической группы, боевой группы надводных кораблей, компонента военно-воздушных сил, способного выполнять 200 боевых вылетов в сутки, и компонента сил специального назначения.

Перед СР НАТО возможна постановка различных боевых задач для применения в качестве:

– автономных сил по ст. 5 Вашингтонского договора о коллективной обороне или операциях реагирования

на кризис вне ст. 5, таких как операция по эвакуации; управление последствиями бедствий (включая химические, биологические, радиологические), гуманитарной кризисной ситуации и контртеррористических операций;

– сил начального силового вторжения, облегчающих прибытие крупных сменяющих сил;

– сил для демонстрации решимости и солидарности НАТО при сдерживании кризисов (при необходимости участие в операциях быстрого реагирования для поддержки дипломатических усилий).

По решению Североатлантического совета СР НАТО могут осуществлять развертывание в любой точке мира.

Подразделения СР НАТО формируются с учетом задач конкретной операции с тем, чтобы обеспечить достаточное проецирование силы НАТО в ситуациях, когда это необходимо, и там, где это необходимо. Государства-члены НАТО будут выделять воинские контингенты в состав этих сил из боеготовых частей, обладающих оперативной совместимостью с силами других стран.

Это не исключает оказание поддержки силам со стороны государств-партнеров. Вопрос о такой поддержке будет решаться Североатлантическим советом на индивидуальной основе по конкретным операциям, что характерно для большинства операций под руководством НАТО.

При комплектовании СР НАТО используется принцип ротации. Выведение государствами своих воинских контингентов после передачи их в состав СР НАТО возможно только в исключительных обстоятельствах.

После шестимесячной программы обучения подразделения этих сил будут проходить сертификацию по са-

мым высоким стандартам, особенно в части оснащенности определенными боевыми средствами и оперативной совместимости с другими силами и средствами. Затем они будут в течение шести месяцев находиться в готовности к боевым действиям “по вызову”. Подразделения, входящие в эти объединенные силы, принадлежат к сухопутным войскам, военно-воздушным или морским силам, или имеют особое предназначение, как, например, многонациональный батальон защиты от химического, биологического, радиологического и ядерного оружия.

Эти компоненты будут каждые шесть месяцев сменяться свежими подразделениями, прошедшими шестимесячный цикл боевой подготовки.

Все страны-члены НАТО полностью поддерживают такую систему очередности, которая приносит пользу участвующим войскам, например, в плане опыта в специальной подготовке и включения в состав сил, имеющих самые высокие стандарты готовности. Большее значение для Сил реагирования НАТО имеет качество, а не количество.

Важную роль в обеспечении боеготовности Сил реагирования НАТО играет новая командная структура НАТО.

ВГК ОВС НАТО в Европе занимается выработкой требований, аттестацией сил и учениями Сил реагирования на стратегическом уровне, тогда как Главное командование трансформации отвечает за внедрение перспективных средств, включая новейшие технологии, разработку доктрины для сил, а также подготовку личного состава СР в своих учебных центрах в Норвегии и Польше. Для равномерного распределения нагрузки и поддержа-

ния всех штабов на одинаковом уровне подготовки и боеготовности оперативное и видовое командование СР НАТО меняется каждые полгода.

Оперативное командование СР обеспечивают поочередно три штаба второго уровня.

Так, практически в период создания СР НАТО (с октября 2003 г. по июнь 2004 г.) командование ими было возложено на Объединенное командование ОВС НАТО в Брюнссене, а командование СР НАТО в период с июня 2004 г. по июль 2005 г. – на Объединенное командование ОВС НАТО в Неаполе. С июля 2005 г. по июль 2006 г. СРН состояли в подчинении у Объединенного штаба ОВС НАТО в Лиссабоне. Начиная с июля 2006 г., эти штабы принимают оперативное командование Силами реагирования поочередно каждые полгода.

Авиационный компонент СР НАТО находится попеременно в подчинении у командований ВВС третьего уровня – штабов в Рамштайне (Германия) и Измире (Турция). Командование компонентом сухопутных войск СР НАТО обеспечивают поочередно шесть штабов Сил повышенной готовности (СВ) НАТО, а компонентом ВМС – три штаба Сил повышенной готовности (ВМС) альянса.

Все шесть штабов Сил повышенной готовности были сформированы еще до появления новой командной структуры НАТО. Эти мобильные штабы могут управлять формированием от бригады численностью несколько тысяч военнослужащих до корпуса, насчитывающего десятки тысяч человек.

Итак, ВГК ОВС НАТО в Европе утвердило шесть штабов Сил повышенной готовности сухопутных войск (СВ):

– штаб корпуса быстрого реагирования ОВС НАТО в Европе в Рейндалене (Германия). Основное государство – Великобритания.

Она предоставляет 60% личного состава штаба и выделяет для корпуса свои две дивизии, а также подразделения боевого и тылового обеспечения;

– быстро развертываемый штаб Голландско-Германского корпуса в Мюнстере (Германия);

– быстро развертываемый штаб Итальянского корпуса на базе штаба Итальянского корпуса быстрого реагирования в Сольбьяте Олона (вблизи Милана, Италия);

– быстро развертываемый штаб Испанского корпуса на базе штаба Испанского корпуса в Валенсии (Испания);

– быстро развертываемый штаб Турецкого корпуса на базе штаба 3 Турецкого корпуса вблизи Стамбула (Турция);

– Еврокорпус в Страсбурге (Франция), в который входят силы из Бельгии, Германии, Испании, Люксембурга и Франции. Международный военный статус Еврокорпуса отличается от статуса других пяти штабов, однако, в соответствии с соглашением между ним и Главным командованием операций, Еврокорпус также может быть предоставлен для операций НАТО.

Указанные штабы, сменяя друг друга, обеспечивают командование Международными силами содействия безопасности в Афганистане на сроки от 6 до 9 месяцев. Все штабы, кроме Еврокорпуса, поочередно в течение шестимесячного периода берут на себя командование сухопутными войсками Сил реагирования НАТО. Франция готовится создать в Лилле седьмой штаб Сил повышенной готовности СВ.

Мобильный штаб Сил повышенной готовности военно-морских сил (ВМС) предназначен для обеспечения управления выделенными контингентами силой до оперативного соединения ВМС НАТО в составе нескольких десятков военных кораблей.

ВГК ОВС НАТО в Европе утвердило три таких штаба:

- штаб командующего ВМС Италии на борту авианосца ВМС Италии “Гарибальди”;
- штаб командующего ВМС Испании на борту десантного корабля-дока ВМС Испании “Кастилия”;
- штаб командующего ВМС Великобритании на борту авианосца ВМС Великобритании “Арк Ройял”.

Идет формирование двух дополнительных штабов Сил повышенной готовности ВМС. Один из них формирует Франция: вначале на борту авианосца “Шарль де Голль”, а в будущем – на борту десантного корабля-дока “Мистраль”, а второй – ударный флот НАТО на Атлантике, командующий которым одновременно занимает должность командующего Вторым флотом ВМС США на борту корабля управления ВМС США “Маунт Уитни”.

О значении СР НАТО генсек НАТО Яап де Хооп Схеффер заявил: “Силы реагирования НАТО не только обеспечивают нам потенциал сил быстрого развертывания, обладающих высокой боеготовностью, в которых совместно участвуют все союзники по НАТО, но и служат в качестве творческой лаборатории, в которой успешно отрабатываются передовые технологии и доктрины. И поскольку у всех союзников по НАТО имеются возможности выделять свои воинские контингенты в СР НАТО, выгоды будут ощущаться в масштабах всего Североатлантического союза”.

По оценке наблюдателей, со стороны руководства НАТО сделан важный коллективный шаг для повышения мобильности и боеготовности сил блока. Прежде всего потому, что СР НАТО находятся в постоянной боевой готовности под постоянным командованием Объединенного штаба ОВС НАТО. Следовательно, отпадает необходимость принимать в каждом от-

дельном случае решение об их использовании – процедура всегда очень трудная.

Все это можно считать фрагментом союзной стратегии, ключевым элементом трансформации структур сил НАТО на пути глобализации. Другим элементом может стать новая **программа “Глобальное партнерство”**.

С инициативой оформления глобальной ответственности НАТО выступил ее генеральный секретарь Яап де Хооп Схеффер, ярый сторонник приятия альянсу новой роли, которая позволила бы ему “заниматься проблемами безопасности на Среднем Востоке, в Иране, Северной Корее, Китае, Иране”.

В обоснование такого подхода генсек НАТО заявил, что это вызывается “необходимостью совместной борьбы с глобальными вызовами, такими как международный терроризм и опасность распространения оружия массового уничтожения”.

НАТО должна быть готова, по заявлению натовских лидеров, на глобальном уровне противостоять глобальным угрозам. Причем приоритетной задачей будет объявлено закрепление альянса в зонах перспективных месторождений энергоресурсов и путей их транспортирования, а также приобретение выгодных стратегических позиций в отношении держав, способных, хотя бы потенциально, помешать реализации этих целей, – Китая и России, в первую очередь.

Решаться она будет, как предполагается, по нескольким направлениям.

С одной стороны, это повышение военных возможностей блока по ведению боевых действий на стратегическом удалении, что предполагает создание высокоманевренных и мобильных воинских контингентов, а также

сети военных баз на территориях новых стран-участниц альянса, *а с другой* – углубление отношений с государствами, не входящими в трансатлантическое сообщество и находящимися далеко за пределами зоны ответственности НАТО.

По словам заместителя госсекретаря США по политическим вопросам Р.Николае Бернса, сказанным на политическом форуме в Германии (октябрь 2006 г.): “НАТО переросла свои корни, пущенные в годы “холодной войны”, и сегодня “входит в более широкую и растущую сеть многонациональных

институтов, стремящихся решать глобальные проблемы”.

По замыслам руководства НАТО в этой программе официально будет закреплено расширение географии Североатлантического альянса в направлении таких стран, как Австралия, Республика Корея, Япония, Финляндия, Швеция и других, как известно, пока не имеющих с НАТО ничего общего и находящихся далеко за пределами зоны действия Вашингтонского договора, сначала на основе глобального партнерства, а затем и открытие им доступа в альянс.

Таким образом, с Риги начался новый этап в развитии НАТО – превращение гиональной организации в глобальную, обладающую соответствующими потенциалами и считающую своей “зоной ответственности” (а точнее зоной произвольного применения силы) уже не отдельные регионы, а весь мир.

Поэтому России никогда не стоит забывать, что НАТО – это не благотворительный фонд, а военно-политическая организация со всеми вытекающими из этого последствиями и относится к ней надо подобающим образом.

<http://www.rau.su>
E-mail: observer@nasled.ru

Сотрудничество ЕС – НАТО в сфере безопасности

Николай Коварский

Сегодня в условиях новой обстановки безопасности, когда на смену угрозе ядерного столкновения пришли вызовы, носящие более диверсифицированный, менее явный и менее предсказуемый характер, а также изменения баланса в трансатлантических отношениях, связанного с усилением самостоятельного направления европейского военного строительства, вопрос о перспективах развития взаимодействия между Евросоюзом и НАТО приобретает особую актуальность. Сотрудничество между этими организациями во многом является неизбежным – их объединяет общее стратегическое видение, ответственность за безопасность в Европе и мире, фактически совпадающее членство стран в них и, наконец, общие вызовы безопасности.

Несмотря на все стимулы для укрепления партнерства, уровень взаимодействия между Евросоюзом и НАТО на сегодняшний день оценивается большинством экспертов как “неудовлетворительный”.

О сновой для развития взаимодействия между НАТО и ЕС стали принятые 17 марта 2003 г. механизмы, получившие название “Берлин-плюс”. Они включают в себя четыре элемента:

- гарантированный доступ ЕС к оперативным планам НАТО;
- доступ к коллективным силам и средствам НАТО;
- варианты участия Европейского командования НАТО в возглавляемых ЕС операциях, включая заместителя Верховного главнокомандующего Объединенными вооруженными силами в Европе (ВГК ОВС);
- адаптация системы оборонного планирования НАТО с учетом возможности выделения сил для операций ЕС¹.

Кроме того, “Берлин-плюс” включило в себя соглашение об обмене ин-

формацией, в том числе и конфиденциальной, между НАТО, Советом ЕС, Высоким представителем по ОВПБ/ЕПБО и Еврокомиссией, подписанное еще 14 марта 2002 г. в Афинах.

На практике механизмы “Берлин-плюс” были опробованы уже через несколько дней после подписания соглашения. В марте 2003 г. Совет НАТО объявил о том, что операцию альянса “Союзническая гармония” в Македонии планируется завершить и на смену ему в этой стране придет Евросоюз.

31 марта 2003 г. ЕС начал свою первую военную миссию “Конкордия”, в которой было задействовано 400 солдат из 26 стран-членов ЕС и союзных государств. Командование было поручено, как это и предусматривает “Берлин-плюс”, заместителю ВГК ОВС НАТО адмиралу Р.Фейсту. Во время операции ЕС осуществлял тесное

взаимодействие с НАТО. Офицеры по связи ЕС проводили совместную работу с коллегами из альянса в структуре командования НАТО как на стратегическом уровне в оперативном штабе ЕС при штабе ВГК ОВС НАТО в Европе (г. Монс, Бельгия), так и на региональном уровне в Командовании ОВС НАТО в Южной Европе (КОВС НАТО "ЮГ") в Неаполе (Италия).

В самом районе операции в Скопье командующий силами, генерал сухопутных войск Франции и его штаб тесно сотрудничали с главными военными и гражданскими представителями Североатлантического альянса.

Цели "Конкордии" были объявлены успешно выполненными 15 декабря 2003 г.

Второй операцией, проводимой на основе "Берлин-плюс", стала операция Евросоюза в Боснии и Герцеговине "Алтея".

Она началась 2 декабря 2004 г. и на данный момент является наиболее масштабной акцией, предпринятой ЕС в рамках ЕПБО. Сотрудничество между организациями на этот раз, в отличие от взаимодействия в ходе операции в Македонии, проходило менее гладко.

Новая операция ЕС пришла на смену Силам по стабилизации НАТО (СФОР), при этом альянс после передачи полномочий Евросоюзу хотел сохранить в Боснии определенные штабные структуры, потенциалы и персонал для разработки военной реформы. Однако руководство Евросоюза сочло это "чрезмерным" и выступило против "присутствия НАТО, которое будет дублировать военные усилия Евросоюза".

После нескольких раундов переговоров сторонам удалось прийти к соглашению, которое окончательно закрепляло основную военную роль за вооруженными силами ЕС, сокращало структуры НАТО в Боснии и четко ограничивало их роль разработкой военной реформы в стране⁵.

На данный момент в "Алтеи" задействовано порядка 6500 солдат из 33 стран. Основной вклад в операцию внесли Германия, Италия и Великобритания. Согласно официальным документам ЕС, операцию планируется завершить в начале 2007 г.

Использование механизмов "Берлин-плюс" серьезно облегчает деятельность организаций на Балканах, позволяя избегать ненужного дублирования потенциалов и способствуя взаимодополняемости усилий.

Например, недавно, тактические резервы, задействованные в "Алтеи", были сделаны доступными для Косово (КФОР). В то же время некоторые потенциалы КФОР были предоставлены для миссий Евросоюза в Боснии и Герцеговине.

Несмотря на положительный опыт применения на практике "Берлин-плюс", было бы ошибочным рассматривать эти успехи как показатели развитого взаимодействия между НАТО и ЕС. Эти договоренности действительно эффективны в некоторых обстоятельствах, однако, в то же время содержат ряд ограничений, блокирующих дальнейшее развитие сотрудничества. Соглашения используют только для очень ограниченного спектра операций – тех, в которых основную роль играет ЕС и ему необходим доступ к определенным средствам НАТО. Они не содержат механизма, позволяющего НАТО и ЕС проводить совместные операции особенно те, которые выходят за рамки военных и включают элементы стабилизации и реконструкции. Не позволяют договоренности решить и сохраняющиеся политические проблемы, усложняющие взаимодействие двух организаций. "Берлин плюс" не облегчает процесс принятия решения о том, могут и будут ли ЕС и НАТО вырабатывать совместный ответ на кризис или нет; не способствуют они и разрешению спора о праве НАТО на первый отказ, их задействуют только после того, как решение уже принято.

Оперативное взаимодействие ЕС и НАТО осуществляется и вне рамок "Берлин-плюс".

Наиболее показательным примером такого сотрудничества стала совместная работа во время кризиса в Дарфуре (Судан).

В мае 2005 г. Африканский союз (АС) обратился к Евросоюзу и НАТО с просьбой обеспечить поддержку его миссии в западном Судане. В частности, президент АС Альфа Умар Коноре попросил оказать содействие в переброске войск из различных стран Африки, участвующих в проведение операции в Дарфуре, на театр военных действий. Обе организации согласились.

Для организации стратегических перевозок НАТО и ЕС решили создать единый командный центр. При этом представители Евросоюза предлагали задействовать Европейский центр воздушных перевозок в Эйндховене (Нидерланды), в то время как руководство альянса настаивало на использовании Штаба ВГК ОВС НАТО в Европе. После нескольких раундов переговоров сторонам так и не удалось прийти к соглашению. Между тем, ситуация осложнялась и требовала решительных действий. В конце концов, НАТО и ЕС решили создать два независимых центра, координация работы которых была поручена Африканскому союзу.

В дополнение к помощи по переброске войск организации обеспечили дополнительную поддержку АС. НАТО провела учения персонала Африканского союза. ЕС со своей стороны предоставил техническую и материальную поддержку военным подразделениям Союза.

Совместные действия НАТО и ЕС в Судане, несомненно, внесли серьезный вклад в стабилизацию ситуации, однако не стали примером слаженного взаимодействия двух организаций.

Как отмечают европейские эксперты, “выполнение задач НАТО и ЕС усложнялось неспособностью политического руководства обеспечить взаимодополняемость их усилий”²². Сложности в Судане, а также проблемы, связанные с принятием решений в ходе “Алтеи”, говорят о том, что на данном этапе механизм оперативного взаимо-

действия НАТО – ЕС пока развит недостаточно, и, несмотря на некоторые успехи сотрудничества, организации пока не способны наладить полноценный стратегический диалог.

Острым вопросом во взаимоотношениях ЕС и НАТО является также проблема взаимодействия и сопоставимости сил быстрого реагирования этих организаций. Из двух проектов создания сил способных к быстрому и эффективному ответу на современные вызовы безопасности проект ЕС появился раньше. О его создании было объявлено еще в 1999 г. на саммите в Хельсинки.

Тогда страны Евросоюза планировали сформировать к 2003 г. силы корпусного уровня в составе 60 тыс. чел., которые будут способны к проведению операций различного уровня интенсивности во всех регионах мира. Войска планировалось обеспечить всеми необходимыми силами и средствами в сфере управления, разведки, транспорта и связи. Эта цель оказалась слишком масштабной и, несмотря на ряд многосторонних усилий, страны так и не смогли её реализовать в полном объеме к установленному сроку.

Поэтому в 2004 г., не отказываясь от изначальной цели по созданию 60 тыс. ЕСБР, странами ЕС было принято решение о формировании подразделений быстрого реагирования, состоящих из объединенных боевых групп численностью в 1500 чел. каждая (всего 15), которые должны быть способны к выполнению всего комплекса так называемых “петерсбергских задач”, а также задач, предусмотренных в европейской стратегии безопасности в радиусе 6 тыс. км от Брюсселя.

Группы должны быть готовы к развертыванию через 10 дней после принятия ре-

шения о проведении операции и способны действовать в течение 120 дней без дополнительной поддержки².

По мнению экспертов, еще до обретения полной боевой готовности в 2007 г. боевые группы смогут значительно повысить эффективность операций ЕС, а также внести вклад в усиление оперативного взаимодействия Евросоюза с ООН.

Решение о формировании сил реагирования НАТО (СР НАТО) было принято через три года после европейских инициатив в Хельсинки на пражском саммите НАТО (ноябрь 2002 г.).

Инициатором их создания выступил Вашингтон, который, по словам Д.Рамсфелда, надеялся сделать СР НАТО “основой приспособления военной составляющей альянса к борьбе с новыми вызовами безопасности”³. Кроме того, новые силы реагирования должны были стать катализатором процесса усиления европейских военных потенциалов, а так же свидетельством того, что страны ЕС, несмотря на эффективное развитие ЕПБО, продолжают поддерживать НАТО.

Силы реагирования альянса, согласно документам саммита, должны были представлять собой многонациональные соединения быстрого развертывания, включающие компоненты сухопутных войск, военно-воздушных сил, военно-морских сил и сил специальных операций, численностью приблизительно 24 тыс. чел. Они должны быть способны проводить развертывание через 5 дней после получения приказа и автономно вести действия в течение 30 дней или дольше при восполнении запасов материальных средств.

Хотя о полной боевой готовности СР НАТО было объявлено в ноябре 2006 г., но уже в сентябре 2005 г. подразделения новых сил альянса были задействованы в миссии по преодолению последствий урагана “Катрина” в США, а также оказывали гуманитарную помощь населению Пакистана, пострадавшему от землетрясения (октябрь 2005 г.).

Силы реагирования обеих организаций являются постоянными образованиями. Они состоят из национальных подразделений, выделяемых государствами в порядке ротации. На данный момент СР НАТО, также как и силы ЕС, полностью комплектуются европейскими солдатами; США со своей стороны предоставляют только отдельные виды средств боевого обеспечения, необходимые для сил альянса.

При этом важно учитывать, что страны Европы обладают достаточно ограниченным количеством солдат, подготовленных для участия в экспедиционных войсках, поэтому большинство воинских подразделений приписаны сразу и к силам ЕС, и к СР НАТО. Это положение, учитывая схожие задачи сил обеих организаций, изначально вызвало озабоченность среди стран Евросоюза, поскольку была возможна ситуация, когда одно и то же подразделение окажется необходимо как альянсу для восполнения недостатка сил при ротации в СР НАТО, так и ЕС в соответствии с обязательством о включении его в боевую группу или для участия в одной из его многочисленных операций.

Для координации и организации взаимодействия в случаях таких пересекающихся потребностей в НАТО была проведена конференция по формированию сил, на которой обязательства государств-членов НАТО всесторонне рассматривались на перспективу 5–6 лет⁴. К середине 2006 г. ЕС и НАТО выработали окончательные правила, регулирующие национальные вклады в силы реагирования.

На сегодняшний день, как подчеркивают эксперты *International security information service (Europe)*, соперничество между боевыми группами ЕС и СР НАТО, о котором в свое время

было немало разговоров, полностью преодолено. Боевые группы Евросоюза и Силы реагирования НАТО дополняют друг друга. Силы Евросоюза как подразделения меньшего масштаба являются важным инструментом ЕС, который придерживается многостороннего подхода к разрешению проблем безопасности, в то время как СР НАТО являются более подходящим инструментом, когда необходимо развернуть крупные воинские формирования для реагирования на крупномасштабные конфликты.

В то же время обязательства стран по предоставлению воинских контингентов для сил реагирования ЕС и НАТО в соответствии с утвержденными расписаниями не стоит переоценивать. На практике зачастую оказывается, что, несмотря на обязательства, не все страны готовы предоставить свои подразделения для тех или иных операций альянса или Евросоюза. Очень многое зависит от внешнеполитических приоритетов страны и ее заинтересованности в реагировании на тот или иной конфликт.

Достаточно вспомнить о проблемах, связанных с предоставлением Германией своих подразделений для операции ЕС в Демократической Республике Конго и о сложностях с предоставлением Нидерландами своих войск для ИСАФ в Афганистане.

Кроме того, одного преодоления “конфликта” между силами реагирования ЕС и НАТО еще недостаточно.

Сегодня, когда границы между военными действиями и стабилизацией очень размыты и зачастую заставляют войска быть готовыми к задачам по восстановлению буквально на следующий день после военных действий, для эффективной реакции на кризисы организациям необходимо будет наладить механизм взаимодействия между СР

НАТО и боевыми группами ЕС в ходе миссий.

Ещё одной важной составляющей сотрудничества ЕС и НАТО является их взаимодействие в сфере военных потенциалов.

Основными документами согласования мер по планированию военных потенциалов являются – Пражское обязательство о потенциале НАТО (ПРОП) и Европейский план действий в области европейского потенциала ЕС (ПДЕП), разработкой и реализацией которого сейчас занимается недавно созданное Европейское оборонное агентство (EOA).

ПРОП было принято на саммите НАТО в Праге (ноябрь 2002 г.). Основной целью было обновить и “вдохнуть жизнь” в стартовавшую несколькими годами ранее, но так и не приведшую к удовлетворительным результатам. Инициативу об оборонном потенциале (ИОП), которая была провозглашена в 1999 г. и через 3 г. работы не была выполнена и на половину.

Новый проект существенно сокращал количество целей и оставлял только те, которые имеют стратегическое значение для выполнения всего круга задач Североатлантического союза.

ПРОП опирается на обязательства государств по повышению своих военных возможностей, которые в сумме составляют более 400 национальных программ в 8 главных разделах общей программы совершенствования военного потенциала блока с указанием четких сроков выполнения, но не позднее 2008 г., и контроль за их реализацией на высоком уровне⁵.

На сегодняшний день степень реализации ПРОП оценить сложно, поскольку основные данные засекречены. Однако, как отмечают европейские ис-

следователи, “хотя общая картина реализации ПРОП не ясна, ряд сложностей, связанных в частности с трансфертом технологий, явно замедляют реализацию проекта в частности по достижению целей развития высокоточного оружия, а также усиления потенциалов дозаправки в воздухе”⁶.

Евросоюз на данный момент решает проблему недостатка в потенциалах в рамках двух взаимосвязанных проектов – Европейского плана действий в области европейского потенциала ЕС и Европейского оборонного агентства.

Европейский план был принят на саммите в Лакене (2001 г.) и представлял собой программу преодоления узких мест в сфере потенциала за счет организации многонациональных проектов их развития.

При реализации плана страны ЕС обязались приложить усилия для улучшения координации с НАТО, чтобы “не допустить ненужного дублирования и обеспечить открытость и взаимодополняемость собственных усилий (по развитию потенциалов) с усилиями Североатлантического союза”.

При выполнении первой фазы плана было создано 19 групп национальных экспертов, которым поручалось изучение недостатков в потенциалах и выработка основных направлений их преодоления. Контроль за этим осуществляла “Группа специалистов по исполнению Основной цели”.

В марте 2003 г., когда 19 групп национальных экспертов завершили свою работу, стартовала вторая фаза реализации плана – группы экспертов были трансформированы в 15 проектных групп. Им поручалась уже непосредственное решение 15 важнейших проблем, в том числе недостатка в средствах за счет закупок, лизинга, а также координации деятельности фирм и организаций, которые участвуют в военном производстве.

Для того чтобы “поддержать страны-члены в их стремлении улучшить военные потенциалы ЕС, а также поддержать ЕПБО в ее нынешнем состоянии и обеспечить ее развитие в будущем”⁷ решением Совета ЕС (12 июля 2004 г.) было создано Европейское оборонное агентство. ЕОА брало на себя руководство проектными группами, которые, по мере выполнения своих обязанностей, интегрируются в структуру ЕОА.

Оценивая текущее состояние Европейского плана действий в области европейского потенциала, эксперты не без сожаления отмечают, что “не смотря на существенную рационализацию процесса и на огромную энергию, с которой ЕС пытается реализовать эти инициативы, результаты на сегодняшний день оставляют желать лучшего”.

Выпущенная в мае 2006 г. Схема развития потенциалов – документ, отражающий прогресс реализации плана, свидетельствует о существенном замедлении процесса. С ноября 2005 г. из 64, было преодолено только 7 недостатков, еще в 5 случаях отмечен определенный прогресс.

Таким образом, ни ПРОП, ни Европейский план пока не смогли привести к удовлетворительным результатам. Это говорит о том, что взаимодействие между двумя организациями может быть более плодотворным.

Диалог между Евросоюзом и Североатлантическим альянсом, направленный на обеспечение взаимодополняемости усилий по укреплению потенциалов, начал развиваться практически сразу после подписания первого варианта соглашения ЕС – НАТО о ЕПБО (декабрь 2002 г.), позднее включенного в рамочное соглашение между организациями. С 2002 г. рабочие группы НАТО и Евросоюза, занимающиеся реализацией ПРОП и Европейского пла-

на, начали проводить регулярные двусторонние встречи, на которых обсуждались различные проблемы взаимодействия, процесс исполнения инициатив и перспективы развития военных возможностей европейских стран. Кроме того, с 2003 г. в дополнение к сотрудничеству в рамках двусторонних встреч была создана Группа по потенциальному ЕС – НАТО, которая позволила “вывести НАТО и ЕС на беспрецедентный уровень диалога и взаимодействия, одновременно продемонстрировав, на сколько сложной была задача сделать два механизма развития потенциалов совместимыми и взаимодополняющими”⁶.

После создания Европейского оборонного агентства основная роль в сотрудничестве с Североатлантическим альянсом в сфере потенциалов перешла к нему. Постановление Совета ЕС о формировании ЕОА сразу предусматривало установление официальных отношений Агентства с соответствующими органами НАТО, а также включало необходимые положения, допускающие участие Генерального секретаря НАТО в заседаниях руководящего комитета ЕОА.

Сегодня эти положения о развитии сотрудничества уже активно реализуются на практике.

В частности, ЕОА и Военный штаб ЕС проводили тесные консультации с Агентством по консультациям, управлению и контролю альянса при работе над проектом по решению проблем совместности средств связи для сил ЕС. Кроме того, при

подготовке Каталога военных требований Европы на перспективу ЕОА, стремясь сделать его совместимым с аналогичным документом НАТО, проводило консультации с Международным штабом и Международным военным штабом Североатлантического союза.

На сегодняшний день, несмотря на ряд новых инициатив, взаимодействие между НАТО и ЕС в сфере развития потенциалов в основном носит информационный характер и пока не принесло значимых практических результатов.

В то же время руководство организаций понимает, что поскольку цели ПРОП и Европейского плана во многом совпадают, дальнейшее развитие кооперации в этой области абсолютно необходимо, если они хотят добиться прогресса в сокращении потерь и дублирования усилий. Реализация целей, устанавливаемых ПРОП и Европейским планом, во многом будет зависеть от их способности обеспечить взаимодополняемость этих проектов и согласованность работы органов, занимающихся их реализацией.

Сегодня эксперты США и стран Европы предлагают различные варианты решения этой проблемы. Среди наиболее амбициозных можно отметить предложение европейских исследователей о постановке процесса реализации ПРОП, по аналогии с Европейским планом, под контроль ЕОА. Это предложение, хотя и имеет мало шансов на реализацию в ближайшем будущем, уже принято на рассмотрение Подкомитетом безопасности и обороны Европарламента.

Подводя итог, можно отметить, что хотя сегодня НАТО и ЕС развивают взаимодействие по ряду направлений, на практическом уровне результаты пока остаются не достаточными.

Развитие партнерства осложняется неразрешенными политическими спорами и различиями во внешнеполитических приоритетах отдельных стран. Несмотря на

некоторые практические достижения, до зрелого и эффективного партнерства двум организациям еще достаточно далеко. Сегодня оно во многом заменяется политическими декларациями.

Примечания

- ¹ Сотрудничество НАТО и ЕС выходит на новый уровень // Новости НАТО. 2003. 17–23 марта. <http://www.nato.int/docu/other/ru/upd2003/r030317a.htm>
- ² Burwell F., Gompert D. Transatlantic transformation building NATO – EU security architecture. Washington, D.C.: The Atlantic Council of the U.S., 2006. P. 14.
- ³ Независимая газета. 2006. 3 октября.
- ⁴ Белл Р. Сизиф и СР НАТО // Вестник НАТО. 2006. Осень.
- ⁵ Штоль В. Роль и место НАТО в системе европейской и международной безопасности в условиях глобализации. М.: Научная книга, 2006. С. 157.
- ⁶ Flournoy M., Smith J. European defense integration: bridging the gap between strategy and capabilities. Washington, D.C.: CSIS, 2005. P. 44, 65.
- ⁷ Council Joint Action 2004/551/CFSP of 12th July 2004 on the Establishment of the European Defence Agency. http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/site/en/oj/2004/l_245/l_24520040717en00170028.pdf

Подписка на 2007 г.

**на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 – на 6 месяцев**

Председательство ФРГ в Европейском союзе

Андрей Никитин,
кандидат исторических наук

В первом полугодии 2007 г. Федеративная Республика Германия председательствует в Европейском союзе, одновременно возглавляя в текущем году “Большую восьмерку”.

Несмотря на определенную преемственность в повестке дня ЕС каждая страна-председатель стремится расставить собственные акценты, касающиеся перспектив развития Евросоюза.

Германское видение дальнейшей судьбы ЕС заслуживает особого внимания в силу значительности вклада этой страны в систему европейской интеграции. Кроме того, председательство ФРГ в ЕС приходится на год перезаключения Генерального соглашения России с Европейским союзом. Поэтому от результатов председательства Германии будет во многом зависеть обновленный облик ЕС, в углублении взаимовыгодного партнерства с которым заинтересована наша страна.

Центральной для заявленной ФРГ программы председательства в Евросоюзе является *тема дальнейшей интеграции, унификации и консолидации ЕС¹*.

Данная постановка вопроса не в последнюю очередь обусловлена тем, что за последние несколько лет число стран-членов Евросоюза выросло с 15 до 27. В нынешнем году кандидатами на вступление в ЕС являются Турция и Хорватия.

Таким образом, можно говорить практически об удвоении числа членов европейского интеграционного объединения в исторически сжатые сроки.

Подобное **ускорение интеграции**, прежде всего, за счет стран Восточной и Юго-Восточной Европы – государств

с достаточно слабой, переходной экономикой – безусловно, связано с определенными издержками, даже если кандидаты на момент вступления в ЕС отвечали основным рамочным критериям. В отношении этих стран необходима большая дополнительная работа по выравниванию их социально-экономических, правовых и гуманитарных условий с уровнем наиболее развитых государств ЕС.

Однако существует и другая причина, которая заставляет руководство Германии именно так подходить к дальнейшему реформированию ЕС.

Отклонение общей конституции Евросоюза на референдумах во Франции и Нидерландах в 2005 г. фактически завело процесс трансформации ЕС из

интеграционного объединения государств в конфедерацию в тупик.

Тем более что референдум, как известно, является высшей формой волеизъявления граждан в условиях демократии, высшим проявлением народного суверенитета.

Для ФРГ, которая исторически была сторонницей последовательного наднационального оформления европейского единства не только в экономическом, но и в политико-административном отношении, это явилось определенным поражением немецкой политики на европейском направлении².

Современный план председательства Германии в ЕС не предусматривает какого-либо конкретного способа или механизма выхода из сложившейся ситуации. Суть германской позиции заключается в том, чтобы за счет:

- интенсификации интеграции по всем направлениям, повышения эффективности общеевропейских институтов;
- совершенствования единой социально-экономической политики;
- проведения согласованной внешней политики;
- реализации внешнеэкономической стратегии ЕС;
- общей политики в сфере обороны и безопасности;
- изменить сознание европейцев, сделать для них естественным принятие новой формы политического устройства Европы.

Как известно, одним из сценариев разрешения возникшего кризиса, является идея о повторном вынесении проекта конституции на голосование европейцев, совмещенное с выборами в Европарламент в 2009 г. Поэтому в программе председательства ФРГ в ЕС уделяется такое внимание межправительственным консультациям и мони-

торингу влияния реализации предложенных мер на общественное мнение европейцев.

Kонцепция *консолидации и совершенствования ЕС*, предложенная Германией, носит комплексный характер и охватывает практически все аспекты социально-экономической жизни:

- завершение строительства общеевропейского внутреннего рынка и укрепление конкурентоспособности европейского бизнеса;
- совершенствование общей финансовой политики, способной обеспечить экономический рост при сохранении финансовой стабильности;
- дальнейшее развитие европейской социальной модели и выравнивание жизненных шансов для всех граждан ЕС;
- формирование общего рынка труда,
- борьба с безработицей, в том числе среди молодежи;
- укрепление равенства мужчин и женщин во всех сферах деятельности;
- борьба с причинами и социальными последствиями демографического спада;
- развитие городской и сельской инфраструктуры;
- дальнейшая унификация национального законодательства в общеевропейском ключе применительно ко всем областям права, усиление правовой защиты граждан ЕС;
- обеспечение устойчивого, экологичного, конкурентного и доступного для граждан энергоснабжения;
- сбалансированная согласованная политика в области аграрного сектора и рыбного хозяйства;
- развитие транспортной инфраструктуры и европейского транзита;
- поддержка здравоохранения, в том числе борьбы с наиболее опасными болезнями;

– развитие общеевропейского образовательного, культурного и информационного пространства, в том числе меры, направленные на стимулирование конкуренции в области связи и коммуникации и повышение доступности для населения телекоммуникационных и информационно-технологических услуг.

Особое внимание уделяется формированию европейской идентичности, противодействию проявлениям расизма, антисемитизма и ксенофобии, развитию диалога христианских и мусульманских общин Европы.

По каждому из обозначенных направлений предусматривается принятие плана действий или рабочего плана. В целом обращает на себя внимание стремление сделать товары и услуги на территории ЕС более доступными для населения за счет развития конкурентной среды, дальнейшего выравнивания законодательства и снятия национальных ограничений. Это является, безусловно, апелляцией к большинству европейцев, массовому демократическому сознанию в противовес различным более узким корпоративным интересам.

Успех подобной стратегии будет зависеть от того, насколько в сознании граждан стран-членов ЕС общеевропейская идентичность возобладает над национальной и узко корпоративной. В конечном счете, определяющим должно стать осознание того, что европейцем быть выгодно как с точки зрения качества жизни, так и жизненных шансов.

Однако подобный подход германских политиков может столкнуться с серьезным сопротивлением на национальном уровне как в странах старой Европы, лидирующих в мировых рейтингах качества жизни, так и в госу-

дарствах, недавно принятых в ЕС. Население “старых” государств ЕС опасается утраты своих социальных позиций в результате притока мигрантов из новых стран-членов Евросоюза, общего бремени материальных расходов и отмены национальных протекционистских ограничений. Население новых стран Евросоюза несет на себе основные трудности переходного периода, интеграции в ЕС, а элита опасается утраты собственных экономических и, как следствие, политических позиций в результате перехода контроля над национальной экономикой к крупнейшим европейским корпорациям и наднациональным структурам.

Не секрет, что за призывом к либерализации внутреннего рынка и развитию конкуренции в рамках ЕС в интересах населения, многие в Европе видят амбиции всемирно **известных немецких концернов по установлению контроля над ключевыми отраслями европейской экономики**.

Кроме того, анализ предложений ФРГ по реформе ЕС свидетельствует о том, что здание Евросоюза остается в значительной мере недостроенным не только в политическом, но и в социально-экономическом и институциональном отношении. В этом в немалой степени ключ к пониманию трудностей в политической интеграции ЕС.

Особое внимание ФРГ планирует уделять вопросам *повышения эффективности наднациональных органов Евросоюза, оптимизации управлеченческих структур и кадрового обеспечения, дебюрократизации их деятельности, вызывающей нарекания в странах-членах ЕС*.

Граждане государств Евросоюза зачастую воспринимают новую наднациональную бюрократию как лишний

уровень управления, слишком далекий от их реальных нужд, но в то же время достаточно влиятельный, чтобы нанести ущерб их конкретным интересам³. Ликвидацию почвы для подобных настроений руководство ФРГ обоснованно считает одной из важнейших предпосылок для изменения настроений граждан в пользу более тесной не только социально-экономической, но и политической интеграции ЕС.

Отдельным важным аспектом в предложениях ФРГ по реформированию ЕС является тема *укрепления безопасности граждан стран Евросоюза, противодействия трансграничной организованной преступности, наркоторговле и наркотрафику, торговле людьми*.

На это нацелена дальнейшая унификация общегражданского и уголовного, в том числе процессуального, законодательства и судопроизводства, чтобы лишить преступников возможности ухода от ответственности за счет использования сохраняющихся различий в законодательстве и правоприменительной практике в странах ЕС. Кроме того, предлагается создание единого электронного банка данных по криминальной проблематике, в том числе с учетом персональной информации по судебным приговорам вне зависимости от конкретной страны ЕС, на территории которой состоялся суд. В то же время подчеркивается необходимость усиления правовой защиты личности.

Тема укрепления безопасности граждан ЕС тесно увязана с проблемой противодействия незаконной иммиграции на территорию Евросоюза. Продусматривается дальнейшее усиление единого пограничного и визового контроля с применением самых передовых высокотехнологичных средств, в том

числе с использованием биометрических данных.

В условиях динамичного расширения ЕС за счет стран с более сложной криминогенной обстановкой, чем в государствах старой Европы, подобная постановка проблемы выглядит особенно актуальной. Вместе с тем, германские власти декларируют необходимость существенной финансовой и гуманитарной помощи странам, которые являются источником незаконной миграции на территорию ЕС, “европейского острова благополучия”. Подчеркивается заинтересованность в привлечении в экономику ЕС высококвалифицированных мигрантов, работающих в наиболее передовых отраслях современной науки и технологий.

Представляется, что германские власти, традиционно придерживающиеся принципа максимального ограничения притока иммигрантов в свою страну, видят решение проблемы дефицита трудовых ресурсов в ЕС для наименее квалифицированных и трудоемких профессий, прежде всего, за счет внутренней миграции из новых небогатых стран ЕС в страны старой Европы. Подобный подход может устроить далеко не все страны ядра ЕС, особенно Францию и Великобританию, традиционно привлекавших трудовых мигрантов из стран своей бывшей колониальной периферии.

Большое вниманиеделено в программе германского председательства вопросам *увеличения высокотехнологичной составляющей экономики ЕС*.

Эта тема тесно увязана с проблемами энергосбережения, перехода на альтернативные источники энергии, переработки промышленных и бытовых отходов, охраны окружающей среды и

стабилизации климата, модернизации экономической и социальной инфраструктуры, укрепления безопасности граждан, освоения и использования космического пространства.

Таким образом, отчетливо провозглашено, что высокие технологии являются локомотивом экономики будущего и залогом успеха ЕС в усиливающейся глобальной конкуренции.

Руководство ФРГ предлагает реализовать комплекс бюджетно-финансовых, налоговых и институциональных мер, которые позволят вывести инвестиции на НИОКР и инновационную деятельность на уровень 3% ВВП ЕС к 2010 г. в соответствии с принятыми ранее решениями Евросоюза.

Особое внимание предлагается уделить вопросам защиты интеллектуальной собственности, в том числе во взаимоотношениях научно-университетского сообщества и бизнес-корпораций.

Следует отметить своеобразие подхода Германии к проблеме источников энергии, альтернативных невозобновляемым ресурсам, выделяющим к тому же при сгорании углекислый газ.

Как известно, ФРГ планирует к 2021 г. отказаться от использования мирного атома в интересах экологической безопасности.

Подобная радикальная позиция не встретила поддержки ни в ЕС, ни в странах "Большой восьмерки", где наоборот размышляют о развитии атомной электроэнергетики.

Таким образом, этот важнейший резерв высокотехнологичной возобновляемой энергетики оказывается парадоксальным образом в принципе чуждым идеологии энергетической безопасности ФРГ, активно ратующей в то же время за создание альтернативной энергетики будущего.

Отдельной темой в программе является разработка и реализация мероприятий, направленных на сокращение вредных выбросов в атмосферу, борьбу с парниковым эффектом и глобальным потеплением.

Правительство ФРГ подчеркивает свою приверженность принципам Киотского протокола и в качестве конкретной меры предлагает в течение ближайшего полугода завершить согласование перехода стран ЕС к экологическому стандарту "ЕВРО 5" и "ЕВРО 6" для легковых автомобилей и "ЕВРО VI" для грузовых автомобилей. В этом смысле Германия, в которой традиционно сильны политические позиции "зеленых" и более широкого экологического движения, продолжает оставаться последовательным оппонентом США, до сих пор не ратифицировавших Киотский протокол. Позиция ФРГ, безусловно, способствует укреплению влияния экологических движений в ЕС в целом.

Особое внимание уделено проблеме энергетической безопасности ЕС.

Основной акцент делается на необходимости развития энергосберегающих технологий и перехода к альтернативным источникам энергии и видам топлива. Однако очевидно, что вопрос массового отказа от традиционных энергоносителей не является делом ближайшего будущего. В связи с этим ФРГ подчеркивает свою приверженность линии на диверсификацию энергоснабжения ЕС. Но в реальности руководство страны признает, что мировой рынок наиболее востребованных невозобновляемых видов топлива, прежде всего нефти и газа, имеет достаточно жесткую конфигурацию, а сами ресурсы дорожают в силу ограниченности мировых запасов. Поэтому в

период своего председательства в ЕС Германия намерена уделить особое внимание развитию энергетического партнерства с Россией. Тема взаимовыгодного сотрудничества в нефтегазовой сфере является, безусловно, одним из ключевых вопросов в контексте подготовки нового генерального соглашения России и ЕС, которое должно быть заключено в этом году.

Как известно, наша страна не ратифицировала Европейскую энергетическую хартию (ЕЭХ), поскольку этот документ в большей степени отвечает интересам европейцев, стремящихся получить широкий доступ к разведке и разработке российских нефтяных и газовых запасов.

Единственная нефтегазодобывающая страна в Европе – Норвегия также не ратифицировала ЕЭХ. Следует отметить, что Норвегия, страна “старой” Европы, член НАТО, в том числе военной организации НАТО, не является членом ЕС. В этой стране, уверенно лидирующей в рейтинге качества жизни ООН на протяжении целого ряда лет, ясно осознают особенность своей социально-экономической системы, в которой газо- и нефтедобыча находится в руках государства и используется в интересах развития всего общества.

Таким образом, ФРГ будет добиваться от России полного признания ЕЭХ и использовать для этого как двусторонний формат и переговоры по линии Россия – ЕС, так и тему глобальной энергетической безопасности в рамках “Большой восьмерки”, которую Германия возглавляет в этом году.

При этом более важным для весьма прагматичного германского руководства является конкретное сотрудничество с нашей страной в энергетической сфере и, прежде всего, совместное строительство и эксплуатация Северо-

Европейского газопровода, в котором Россия и ФРГ играют ведущую роль. Германские власти будут вынуждены и далее в связи с этим проектом отвечать на упреки в укреплении энергетической зависимости ЕС от России, стремлении ФРГ к монополизации газоснабжения Европы, игнорировании интересов транзитных стран как внутри Евросоюза, прежде всего Польши, так и за его пределами.

В этом контексте особый интерес представляет германское видение *общей внешней политики и общей политики в области обороны и безопасности ЕС*.

В программе председательства ФРГ декларировано статусное равенство ЕС и НАТО в военно-политических вопросах. Речь идет о том, что “наконец должно быть выстроено стратегическое партнерство между ЕС и НАТО путем интенсификации политического диалога и сотрудничества в проведении операций и вопросах развития”¹.

Подобный подход выглядит особенно знаменательно перед лицом того факта, что состав стран, входящих в ЕС и НАТО во многом совпадает.

Таким образом, ФРГ настойчиво проводит линию на высвобождение Европы из-под влияния США в глобальных военно-стратегических вопросах.

Кризис американской политики в Ираке, неспособность США в одиночку разрешить сложнейшие вопросы ближневосточного урегулирования и ядерного нераспространения создают для этого благоприятный фон. Однако укрепление военной самостоятельности ЕС с опорой на военный потенциал таких мощных в экономическом отношении стран ядра Евросоюза, как Германия и Франция, не устраивает ряд

новых членов. Подобные противоречия проявились в частности в том, что ряд новых членов ЕС и одновременно – НАТО дали согласие на участие в реализации национальной системы противоракетной обороны США (НПРО), которая грозит подорвать основы стратегической стабильности в современном мире.

В частности, руководство Чехии готово пойти на размещение на своей территории американской РЛС, а Польша – даже на размещение противоракет.

Кстати, власти Польши, по которой идет прокачка российских нефтегазовых ресурсов, проявляют особую обеспокоенность, связанную с усилением Германии в Европе и российско-германским проектом по строительству газопровода по дну Балтики.

Как известно, польская сторона тормозит процесс подготовки нового соглашения Россия – ЕС.

Поэтому ФРГ фактически уже столкнулась с серьезными проблемами при формировании новой военно-политической идентичности ЕС. Тем не менее, в программе германского председательства четко обозначены меры, направленные на развитие этого процесса. В частности, особая роль отводится европейским силам быстрого реагирования, которые сформированы к январю 2007 г., планируется начало деятельности самостоятельного военного командования ЕС, меры по усилению взаимодействия между военными и гражданскими ведомствами, информационно-пропагандистского и гуманитарного обеспечения возможных военных операций ЕС.

В программе председательства нашла отражение традиционная линия ФРГ, не обладающей собственными силами и средствами ядерного сдерживания, не только на укрепление контроля над ядерными вооружениями и

режима нераспространения, но и на разоружение в ядерной сфере. Подобный подход также диссонирует с планами США по развертыванию НПРО, которые, по сути, означают новый виток гонки вооружений и угрозу милитаризации космоса.

В целом в определении вектора общеевропейской внешней политики выражен мультилатералистский подход, характерный для внешней политики ФРГ, которая стремится к укреплению многополярности в мире, чтоозвучено философией российской внешней политики.

В качестве приоритетных направлений внешней политики ЕС названы отношения с США, Россией, Японией, Индией, Китаем, странами Латинской Америки. Подчеркивается необходимость активного участия ЕС в ближневосточном урегулировании в рамках квартета посредников (Россия, США, ООН и ЕС), решении иранской ядерной проблемы в лице “евротройки” – Германии, Франции и Великобритании, а также в составе шестерки из пяти членов Совета Безопасности ООН и ФРГ.

Германия берет на себя обязательство всемерно содействовать укреплению авторитета и эффективности миротворчества ООН.

Особо отмечена тема стабилизации “Западных Балкан”, то есть дальнейшей постепенной интеграции республик бывшей Югославии (СФРЮ) в ЕС.

Подобная перспектива специально обозначена и для Сербии. Причем недвусмысленно дается понять, что это компенсация за последствия военной операции НАТО против Югославии и распад страны, в том числе за отделение от Сербии Черногории и утрату

контроля над Косово. О дальнейшей судьбе Косова практически ничего не сказано, несмотря на то, что Германия поддерживает стремление косовских албанцев к независимости.

В программе германского председательства сказано лишь, что ФРГ окажет всяческое содействие процессу урегулирования косовской проблемы. Налицо нежелание руководства ФРГ играть заглавную роль в финальном акте югославской драмы и создании нового опасного прецедента в международно-правовой практике, основанного на игнорировании резолюции № 1244 Совета Безопасности ООН (1999 г.), которая предусматривает для Косова не независимость, а существенную автономию в рамках Союзной Республики Югославии.

Как известно, на сегодняшний день позиция ЕС в отношении Косова определяет-

ся планом Марти Ахтисаари, бывшего президента Финляндии, который предусматривает создание на базе Косова протектората ЕС с последующей интеграцией всех оставшихся частей бывшей СФРЮ в Евросоюз и снятия проблемы как таковой.

Существенный акцент делается на необходимости активного содействия всеми руководящими органами и структурами ЕС развитию внешнеэкономической деятельности европейского, среднего и малого бизнеса в качестве важнейшей предпосылки обеспечения ведущих позиций Евросоюза в усиливающейся глобальной конкуренции.

Подобный подход является экстраполяцией модели взаимодействия государства и бизнеса в обеспечении конкурентоспособности национальной экономики, давно и основательно реализуемой в ФРГ.

Таким образом, несмотря на выраженную преемственность в вопросах европейской интеграции, ФРГ в период своего председательства в ЕС способна придать развитию интеграционных процессов, европейской идентичности, в том числе в области внешней политики, вопросах обороны и безопасности новые черты, которые являются отражением взглядов немецкой политической и бизнес-элиты на основные тенденции современной мировой экономики и политики.

Примечания

¹ Europa gelingt gemeinsam. Praesidentschaftsprogramm 1. Januar – 30. Juni 2007 // Die Bundesregierung. S. 23.

² Давлетшина Д.К. Политика ФРГ в Европейском союзе. Автореферат диссертации канд. ист. наук. М.: МГИМО, 2001.

³ Панкратов С. Бюрократический централизм // Итоги. 2007. 22 января. № 4 (554). С. 26–29.

Международный терроризм в современном мире

Сандугаш Бекбосынова

Ближний Восток стал если не колыбелью террора, то, во всяком случае, благодатной почвой его проявления почти на всех этапах истории, так как этот регион был и остается перекрестком цивилизационных потоков с меняющимися государственными границами и зонами распространения религий. Каждый раз при очередном крахе империй и государств создавались материально-религиозные предпосылки для новых бесконечных столкновений.

Считается, что “одну из самых ранних в истории террористических группировок составляли сикарии, прекрасно организованная секта, действовавшая в Палестине в 66–73 годах н.э.”¹.

Сикарии проповедовали “четвертую философию”, не признавая никаких посредников между Богом и верующими – своеобразный “иудейский протестантизм”. Сикарии были мастерами кинжала в условиях толпы в Иерусалиме и палестинских городах.

Именно сикарии разрушили дом первого священника Анании, дворец династии Иродов, сожгли публичный архив. Они также жгли зернохранилища и разрушали системы водоснабжения в Иерусалиме. Сикарии выступали против палестинской и египетской diáspor, а также евреев, сотрудничавших с Римом¹.

Позднее, в период образования и деления основных направлений в исламе после смерти халифа Ал-Мустансира (1094 г.) из исмаилитов выделяются восточные исмаилиты (низариты, сторонники Низара, старшего сына умершего халифа)³.

В конце XI в. низариты создали независимое государство со столицей в крепости Алаум (Иран). Основателем государства

был автор “ад-Дава ал-джадида” исмаилитский дай (призывающий, проповедник) Ал-Хасан бен ас-Саббах. Именно низариты в своей борьбе против другого государства (государства сельджукских султанов) прибегали к актам террора, в определенном смысле к актам международного терроризма.

По преданию, террористов набирали из молодых юношей, которые проходили очень жесткую подготовку на выживание. Главным навыком вооруженной борьбы считалось владение холодным оружием, особенно кинжалом, причем сразу нескользкими.

Перед заданием бойцы получали в течение нескольких дней наркотики (“хашиш”), а в заключение их ждало общение с молодыми девушками. Отправлявшийся на задание мечтал вернуться в “рай”, в котором он побывал накануне.

С территории Ирана низариты совершали рейды в Сирию, убивая должностных лиц. Низариты убили Конрада Монферратского правителя Иерусалима. Низариты дважды готовили покушение на Галах ад-Дина, но безуспешно.

Специалисты по истории террора считают, что “их первый вожак Хасан Саббах

быстро понял, что у него слишком мало людей, чтобы успешно сражаться в открытую, и что длительная, умело продуманная кампания террора, осуществляемая хорошо обученными и дисциплинированными воинами, может возыметь серьезный политический эффект¹¹.

В данном случае террор был методом борьбы религиозного меньшинства за свое видение мира против сельджуков.

После разгрома государства низаритов монгольским Хулагу Ханом в середине XIII в. восточные исмаилиты двинулись в Индию.

Террор как форма насилия при разрешении разногласий между различными направлениями в исламе, и в особенности в борьбе с неисламским миром, являлся и является широко распространенной практикой в рамках “шахада” – мученической смерти за веру в борьбе против неверных.

Шахиду (лицу, отдавшему свою жизнь в борьбе за веру) гарантирован рай без испытаний в могиле и в мусульманском чистилище, ему прощаются все грехи. Шахид свободен от земных привязанностей, “джихад” является его профессией. Шахиды составляют своеобразные батальоны религиозных смертников. Не случайны названия современных террористических организаций, использующих исламскую терминологию (например, “Катибат шухада Аль-Акса – батальон мучеников мечети Аль-Акса или “Исламский Джихад” Палестины” и т.д.).

Хотя к слову “джихад” нет необходимости добавлять слово “исламский”, поскольку “джихад” – это форма борьбы, характерная не только для ислама. Наверное, создателям таких организаций очень хотелось, чтобы террор этих организаций был исламским.

А были ли организаторы этих групп мусульманами?

Шахада особенно близка идеологии и практике шиитского направления в исламе из-за исторических особенно-

стей его происхождения, основных идейных положений и особой склонности его последователей к жертвенности. Сейчас большинство террористических организаций действующих на Ближнем Востоке, имеют шиитскую идеологическую мотивацию или поддержку Ирана.

В шариате элементы террора используются в институте публичной казни с отрезанием частей тела или повешением и расстрелами перед скоплением народа или телекамер.

Экстремистские организации не являются самостоятельно действующими группировками в отрыве от “базовых”, теоретических фундаменталистских организаций, а являются их “боевыми крыльями”.

Именно исламские организации создали свою альтернативу светскому гражданскому обществу в виде таких институтов, как “частные мечети, профессиональные объединения, профсоюзы, больницы, кассы взаимопомощи, исламские банки и школы, предоставляющие исламскому фундаментализму неистощимый источник новобранцев и позволяющие ему распространять свое влияние практически повсюду”¹².

Центральная формула фундаментализма: причина всех зол заключается в несовершенстве и испорченности всех светских модернистов, а единственный выход – в исламской модели общества на основе шариата.

В современной истории зона распространения ислама – не самая активная с точки зрения статистики террористических актов.

Из общего числа террористических актов, совершенных в 70-х годах, на долю Европы приходится 50%, Латинской Америки – 21, Северной Америки – 14, Среднего Востока и Северной Африки – 11%.

В 1970 г. в Латинской Америке было совершено террористических актов вдвое больше, чем в Европе.

В 1978 г. это соотношение стало обратным.

За 1970–1978 гг. прямые убытки от терроризма и связанные с ним дополнительные расходы на безопасность, страхование и т.п. составили миллиарды долларов. Прямые убытки от терроризма за этот период достигли 1 млрд. долл.

В работе "Международный терроризм и международная безопасность" говорится: "Терроризм возник и заметно усилился в последние несколько лет. Политические экстремисты и уголовные элементы в различных частях света совершают нападения в аэропортах, на железнодорожных станциях, бросают бомбы в правительственные здания, конторы многонациональных корпораций, рестораны и театры; совершают захват самолетов, кораблей и даже паромов в Сингапуре; держат сотни пассажиров заложниками; захватывают посольства, похищают правительственные служащих, дипломатов. Мы читаем почти ежедневно о все новых и новых инцидентах... Терроризм стал новым элементом в международных отношениях"³.

Это приводит в ряде случаев к смешиванию тех или иных противоправных явлений международной жизни с терроризмом, что объективно затрудняет концентрацию усилий на борьбе с этим видом международных преступлений.

После трагических событий на Олимпиаде в Мюнхене (сентябрь 1972 г.) на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН обсуждался вопрос о международном терроризме, который был включен в повестку дня Генеральной Ассамблеи п. 92, озаглавленный "Меры по предотвращению международного терроризма который угрожает жизни невинных людей или приводит к их гибели, или ставит под угрозу основные свободы, и изучение коренных причин этих форм терроризма и актов насилия, проистекающих из нищеты, безысходности, бед и отчаяния и побуждающих некоторых людей жертвовать человечески-

ми жизнями, включая и свои собственные, в стремлении добиться радикальных перемен".

Различия в позициях государств в отношении террора, широта формулировки п. 92 повестки дня привели к тому, что ни XXVII сессия, ни последующая XXVIII сессия не смогли выработать конкретных мер, направленных на борьбу с террористическими актами и непосредственно влияющих на международные отношения.

Специальный комитет, созданный на основании резолюции Генеральной Ассамблеи ООН N 3034 (XXVII) от 18 декабря 1972 г., также не смог представить XXVIII сессии ни одного рабочего документа по тем же самым причинам.

Обсуждение международного терроризма в органах ООН выявило, что отсутствует единое понятие этого явления как в отношении объекта, так и в отношении субъекта террористического акта, подпадающего под действие международного права. Есть значительное различие в определении состава террористического акта, не обозначен круг лиц, которым по международному праву следует предоставить защиту от террористического акта, не указаны основания, в силу которых предоставляется такая защита, не определено содержание этой защиты.

В отношении разработки новых норм, касающихся борьбы с террористическими актами, в международном праве имеются различные точки зрения. Многие считают наивным, что какая-либо международная конвенция или резолюция эффективно скажется на интенсивности или частоте совершения актов терроризма.

Международный терроризм – одно из самых тяжких международных уголовных преступлений.

Он используется как оружие политической борьбы наиболее реакционных кругов, партий, религиозных организаций. Следует различать такие виды терроризма как международный терроризм, национальный, и государственный. Последний нередко квалифицируется как акт агрессии и относится скорее к межгосударственным отношениям.

Тerrorизм в истории политической борьбы и противостояния религий – явление далеко не новое. Трудности анализа этого явления всегда были связаны с нехваткой или условной достоверностью источников, дошедших до нашего времени или имеющихся у нас в распоряжении.

Терминологически "терроризм" связывается с историей Великой Французской революции, определяется как "*systems regime de la terreur*" (система, режим устрашения) и относится к периоду между марта 1793 г. и июлем 1794 г. – периоду "правления ужаса"!

Тerrorизм как метод устрашения характерен для многих буржуазных и социалистических революций и их производных форм, а поставленные цели могут быть результатом целого ряда причин и/или их комбинаций. В том числе, но не исключительно, заявленные концепции и цели не могут реализоваться из-за утопичности самих идей или недемократично-политической системы общества и невозможности получить власть или доступ к власти в рамках этой системы. Когда нет военно-технической силы, необходимой для победы, тогда государства, прибегающие к террору, предпочитают действовать через формально дистанцированные от них террористические организации. Причем уровень социально-экономического развития общества не находится в прямой связи с

уровнем террористических настроений у различных религиозно-политических сил.

Тerrorизм – это удел профессионально подготовленных людей, результат деятельности спецслужб различных государств в противоборстве друг с другом, использующих ту или иную экстремистскую философию, придающую ощущение неизбежности явления терроризма в конкретной политической ситуации.

Жонглирование цифрами жертв терроризма в любых исторических периодах различных стран характеризует лишь эффективность машины устрашения. Но вывод может быть следующим: терроризм – это неспособность достичь целей другими методами.

В последнее время проблема международного терроризма превратилась в одну из острых глобальных проблем современности, что обусловлено следующим:

– международный терроризм получает все более широкое распространение в планетарном масштабе и проявляется как в регионах традиционных международных конфликтов (Ближний Восток, Южная Азия), так и в развитых государствах (США и странах Западной Европы);

– международный терроризм представляет собой серьезную угрозу как для безопасности отдельных государств, так и всего мирового сообщества.

Ежегодно в мире совершаются сотни актов международного терроризма, а счет их жертв составляет тысячи убитых и искалеченных людей.

– для борьбы с международным терроризмом не достаточно усилий одной державы или даже группы высокоразвитых государств, а требуются коллективные усилия всего мирового сообщества.

— все более явной становится связь современного международного терроризма с другими актуальными глобальными проблемами. В настоящее время эта проблема должна рассматриваться как важный элемент всего комплекса глобальных проблем.

Международному терроризму присущи многие черты, характерные для других общечеловеческих проблем, таких как планетарные масштабы проявления; большая острота; негативный динамизм; потребность неотложного решения и т.д.

В то же время эта проблема имеет и специфические, характерные только для нее черты.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что проблема международного терроризма связана с основными сферами жизнедеятельности мирового сообщества и социумов отдельных стран и нашла отражение в различных видах терроризма, а именно: политическом, националистическом, религиозном, криминальном, экологическом и т.д.

При этом каждый тип терроризма имеет свою специфику:

1. Члены групп, осуществляющих *политический терроризм*, ставят своей задачей достижение политических, социальных или экономических изменений внутри того или иного государства, а также подрыв межгосударственных отношений, международного правопорядка.

2. *Националистический* (национальный, этнический) терроризм преследует цели решения национального вопроса, который в последнее время приобретает все больше характер сепа-

ратистских устремлений в различных полиглоссических государствах.

3. *Религиозный терроризм* обусловлен попытками вооруженных группировок, исповедующих ту или иную религию, вести борьбу против государства, где преобладает иная религия.

4. *Криминальный терроризм* формируется на основе какого-либо преступного бизнеса (наркобизнес, незаконный оборот оружия, контрабанда и т.п.) для получения сверхприбылей.

5. *Экологический терроризм* реализуют группировки, выступающие против научно-технического прогресса, загрязнения окружающей среды, убийства животных и строительства ядерных объектов.

Отличительной чертой *глобального международного терроризма* является также значительное влияние на нее международных криминальных сообществ, определенных политических сил и даже отдельных государств. Это влияние, несомненно, ведет к обострению рассматриваемой проблемы.

В современном мире существуют и проявления *государственного терроризма*, связанные с попытками устранения глав иностранных государств и других политических деятелей; с акциями, направленными на свержение правительств зарубежных стран; создания паники среди населения иностранных государств и т.д.*.

Международный терроризм является неотъемлемой частью распространения транснациональных преступных организаций, поддерживаемых коррумпированными государственными чиновниками и политиками.

* Общая характеристика этого явления дана в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. “О недопустимости политики государственного терроризма”, принятой в декабре 1984 г.

Еще одной специфической чертой глобальной проблемы международного терроризма является то, что её трудно прогнозировать.

Во многих случаях субъектами терроризма становятся психически неравновешенные люди и чрезмерно амбициозные политики. Терроризм ча-

сто рассматривают как способ достижения целей на мировой арене и в международных отношениях. В современных условиях формы террористической деятельности становятся все более сложными и входят во все большее противоречие с логикой мирового развития⁴.

Таким образом, проблема терроризма тесно взаимосвязана с большинством глобальных проблем современных международных отношений и может быть рассмотрена как одна из наиболее актуальных мировых проблем современности.

Однако последние террористические акты, в том числе трагические события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, по своим масштабам и влиянию на дальнейший ход мировой политики стали беспрецедентными в истории человечества. Число жертв, размеры и характер разрушений, вызванные терактами начала XXI в., оказались сопоставимы с последствиями вооруженных конфликтов и локальных войн.

Ответные меры привели к созданию международной антитеррористической коалиции, включившей в свой состав десятки государств, что раньше имело место только в случае крупных вооруженных конфликтов и войн. Ответные антитеррористические военные действия также приобрели планетарный масштаб.

В этих условиях проблема международного терроризма не может рассматриваться только как самостоятельное явление. Она стала превращаться в важную составную часть более общей военно-политической глобальной проблемы, связанной с фундаментальными вопросами войны и мира, от решения которой зависит дальнейшее существование человеческой цивилизации.

Участие в международном сотрудничестве по решению глобальных проблем следует рассматривать как специфическую форму продолжения внутренней политики государства в мировое геополитическое пространство. В наше время речь идет не только о способности отдельных государств, но и всего мирового сообщества найти адекватные ответы на глобальные вызовы его будущему.

Примечания

¹ Цит.по: Кожушко Е. Современный терроризм. Анализ основных направлений. Минск: Харвест, 2000. С. 47–59, 77, 67, 97.

² Сиван Э. “Радикальный ислам”: причины и последствия террористического насилия // Internationale Politik. 1997. № 8. С. 39–56.

³ Цит.по: Schmidt A.P. Political Terrorism: A Research Guide to Concepts. Theories, Data Bases and Literature. New Bronswik, 1983. P. 75.

⁴ Жданов Н.В. Правовые аспекты борьбы с террористическими актами международного характера. М., 1990. С. 186.

Перспективы российской инновационной сферы

Анна Атерекова

(Финансовая академия при Правительстве РФ)

Алексей Журов

(Финансовая академия при Правительстве РФ)

Павел Селезнев

(Инвестиционно-консалтинговая компания «Тонап»)

В последние 2 года государством было осуществлено немало мероприятий, направленных на создание в экономике России инновационной среды. Анализ показывает, что основной акцент делается на стимулирование развития малого и среднего инновационного бизнеса.

В 2005 г. были образованы **технико-внедренческие особые экономические зоны (ОЭЗ)** (Дубна, Томск, Зеленоград, Санкт-Петербург)¹.

Весной 2006 г. созданы региональные **венчурные фонды**, которые на 50% профинансираны за счет средств федерального и регионального бюджетов. Продлением этого стало формирование ОАО “Российская венчурная компания”² (ОАО “РВК”), которая полностью принадлежит государству. В уставный капитал компании будет вложено в 2006–2007 гг. 15 млрд. руб. Через ОАО “РВК” планируется создать 10–12 региональных венчурных фондов в форме закрытых паевых инвестиционных фондов (ЗПИФ), 49% паев которых будет принадлежать государству.

Целый комплекс государственных мероприятий направлен на развитие в России сферы высоких технологий: 9 августа 2006 г. появилось ОАО “Российский инвестиционный фонд информационно-коммуникационных технологий”³.

Правительством одобрена государственная программа “Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий”⁴. Планируется также завершить создание **Федерального агентства по развитию экспорта в сфере информационных технологий**.

Данные мероприятия направлены на скорейший переход от экономики, где преобладают добывающие отрасли и отрасли первичной переработки сырья, к так называемой “новой” экономике, основу которой составляют знания и новые технологии. Безусловно, эти шаги необходимы, более того, во многом даже являются единственным приемлемым вариантом дальнейшего развития, благодаря имеющемуся научному и технологическому потенциалу страны.

Однако для получения желаемых результатов важно, чтобы проводимые меры были глубоко продуманы, сбалансираны и реализованы до конца.

Состояние инновационной среды

Сегодня рано говорить о такой сбалансированности. Можно выделить 2–3 региона, инновационному развитию которых государство оказывает особую поддержку.

В Европейской части России – это Москва и Московская область, в Сибири (Новосибирская и Томская области) и на Дальнем Востоке, что представляет собой 2/3 территории России.

При этом в России имеется достаточно территорий, потенциально способных стать ведущими научными центрами благодаря сохранившемуся в них со времен СССР научному потенциалу (г. Саров Нижегородской области, г. Железногорск Красноярского края, г. Екатеринбург, г. Озерск Челябинской области).

Для достижения успеха в сфере науки и инноваций недостаточно просто определить цели государственной политики, а необходим механизм для ее эффективной реализации на всех уровнях и по всем направлениям.

Пока же политическая составляющая кампаний опережает экономическую. Несмотря на все вниманиеластных структур к научно-технической и инновационной сфере, очевидно, что невозможно создать в России инновационную среду, используя лишь административно-политические методы. Задача государства – своей политикой создать форму инновационной среды, содержанием которой должна быть возможность для всех заинтересованных структур участвовать в достижении общей цели.

Существуют ли такие заинтересованные структуры в России? Есть ли возможность для их работы уже сегодня? Такие структуры есть.

Благодаря инициативе ГМК "Норильский Никель" в 2005 г. в России создана Нацио-

нальная инвестиционная компания "Новые энергетические проекты", активно сотрудничающая с Российской академией наук по вопросам развития водородной энергетики.

Однако есть другой пример. В созданных технико-внедренческих ОЭЗ, которые должны способствовать развитию высокотехнологичных отраслей экономики⁵, спустя почти год зарегистрировано только 7 резидентов. Например, в Томске единственным резидентом является ООО "Научно-исследовательская организация «СИБУР-Томскнефтехим»".

При такой активности коммерческих структур возникает сомнение в успешности развития высокотехнологичных отраслей на этих территориях.

Эти примеры свидетельствуют о незначительном числе компаний, желающих участвовать в подобных проектах, и о существовании определенных препятствий для появления такой заинтересованности.

Что же мешает полноценному развитию инновационной среды в России сегодня?

В целом, это непоследовательность действий государства как при переходе к рыночной экономике в начале 90-х годов, так и при проведении современной политики в сфере науки и инноваций. Однако невозможно построить "новую" экономику, если практически отсутствуют организации, ведущие научно-исследовательскую и инновационную деятельность.

Возникает вопрос: почему их нет?

Проводимая сегодня политика государства в сфере науки и инноваций – это комплекс мер, стимулирующих в основном внедрение разработок, дающих быстрый эффект. Однако научно-исследовательские организации, продуктом которых являются эти разработки, как правило, мало заинтересованы в их внедрении.

Кроме того, для научных организаций характерно:

– недостаточность бюджетного финансирования значительного числа государственных научных центров. (В 2005 г. финансирование из федерального бюджета отдельного наукограда РФ составило в среднем 100 млн. руб.⁶), что приводит к низкой результативности деятельности НИИ и отсутствию стимулов для ее повышения;

– длительность оформления прав на разработки ведет к потере их новизны.

Данные факторы привели в итоге к отсутствию в России современной технической базы (табл. 1), оттоку из страны значительного числа высококвалифицированных научных специалистов, потере преемственности поколений.

Конечный итог – недостаточно эффективная деятельность российских научных центров.

Эти факторы не способствуют развитию и следующего этапа – внедрения научных разработок.

Таблица 1

Степень износа и коэффициент обновления основных фондов (ОФ)⁷

Год	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Степень износа ОФ организаций на начало года, %	40,6	42,2	41,9	42,4	45,8	47,9	49,5	43,7
Коэффициент обновления ОФ в науке и научном обслуживании (в сопоставимых ценах)	0,5	0,4	0,4	0,4	0,6	0,9	1,1	1,3

Для внедрения разработки необходимо наличие спроса на нее у заинтересованных структур. Однако отсутствие **единой национальной информационной базы** научных разработок, слабые информационные связи между научными организациями и организациями, потенциально заинтересованными в их реализации, не ведут к появлению такого спроса.

Еще одна серьезная проблема – недостаточное количество квалифицированных специалистов в области инновационного менеджмента.

Сегодня практически ни один ведущий ВУЗ России (кроме РЭА им. Плеханова) не ведет подготовку по специальности "Инновационный менеджмент".

Нельзя оставить без внимания и вопросы, связанные с правами на интеллектуальную собственность: отсут-

ствие рынка инструментов, дающих права на использование результатов научно-исследовательской деятельности; слабая защита прав на интеллектуальную собственность.

Таким образом, при всей масштабности государственных мероприятий в области науки и технологий, сохраняются проблемы как в научной, так и в инновационной сфере. Их нерешенность вряд ли будет способствовать полноценной реализации инновационных проектов.

На сегодняшний день государственные мероприятия направлены в основном на развитие инновационных процессов в экономике. Однако, чтобы эти мероприятия были эффективны, прежде всего, необходима последовательность в проводимой государством политике.

Так как исследовательская деятельность предшествует этапу внедрения разработок, внимание государства должно

быть сконцентрировано, в первую очередь, на устранении существующих проблем в научной сфере.

Предложения по повышению эффективности инновационной деятельности

В настоящее время научная и инновационная деятельность зачастую существуют в отрыве друг от друга. Причина этого заключается в том, что принципы организации научной деятельности не соответствуют современным условиям. Для их изменения необходимо решить две важнейшие проблемы, которые уже были упомянуты выше:

- проблему неэффективной структуры собственности большинства научных организаций;
- проблему неэффективной системы информационных связей между участниками научно-исследовательских и инновационных процессов.

Для решения первой проблемы необходимо снизить долю участия государства в науке, сохранив за ним лишь основополагающие направления, а именно:

- практически все фундаментальные исследования в области естественных, точных, гуманитарных и других наук (в частности, способные формировать мировоззрение общества: литературоведение, история, философия);
- прикладные исследования, которые обеспечивают защиту национальной безопасности России (например, ВПК, фармацевтика, генная инженерия);
- прикладные исследования, требующие значительных капитальных вложений (например, авиакосмическая отрасль).

Однако сегодня государству приходится поддерживать, кроме указанных научных направлений, и те, которые

потенциально могли бы быть интересны бизнесу и функционировать на основе частной или смешанной форм собственности. Это, главным образом, *прикладные исследования*, позволяющие получить прибыль в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Именно за счет преобразования структуры собственности научных организаций, занимающихся такими исследованиями, может быть повышена общая эффективность российской науки, так как это даст возможность государству увеличить объем инвестиций в приоритетные для него научные направления. При этом участие частных инвесторов в научных организациях будет способствовать формированию эффективных принципов управления ими и переходу к условиям деятельности, отвечающим современным требованиям.

Можно использовать следующую схему такого преобразования:

Первоначально необходимо изменить организационно-правовую форму научных организаций (сейчас НИИ находятся в государственной собственности), предусмотрев возможность продажи доли в них заинтересованным структурам. На данном этапе организации будут полностью принадлежать государству, что даст ему время определить перспективы своего участия, а также отследить цели приобретения и возможности потенциальных покупателей.

На следующем этапе постепенно снижается бюджетное финансирование тех научных организаций, которые го-

тovятся к продаже, и одновременно растет приток в них альтернативных финансовых источников.

Пример ГМК "Норильский никель" свидетельствует о наличии интереса крупных бизнес-структур России к развитию науки. Данная компания для проведения исследований в области водородной энергетики выделило РАН 30 млн. долл. США⁸.

При целенаправленной государственной политике имеются все основания полагать, что интерес бизнеса к науке будет расширяться не только со стороны крупного, но и со стороны среднего бизнеса.

На заключительном этапе непосредственно будет изменена структура собственности в соответствии с характером деятельности научной организации.

Возможны следующие варианты:

– часть научных организаций будут иметь смешанную структуру собственности (это организации, которые способны принести высокую долю прибыли в будущем, а также те, которые являются сопутствующими для стратегических и перспективных направлений науки);

– часть научных организаций будет приобретена заинтересованными коммерческими структурами с обязательным условием сохранения научной направленности их деятельности. Данное условие может быть достигнуто за счет использования различных экономических рычагов (например, налоговых льгот для предприятий, применяющих новые технологии).

В настоящее время существуют различные варианты поправок в Налоговый кодекс РФ, предусматривающие использование таких механизмов для стимулирования развития инновационных компаний, как освобождение от налога на добавленную стоимость любых научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, опе-

рации по реализации патентов и лицензий, использование ускоренной амортизации основных средств при исчислении налога на прибыль и другие меры.

– оставшаяся часть научных организаций вследствие невостребованности будет ликвидирована в соответствии с порядком банкротства предприятий и организаций, установленным законодательством РФ.

Здесь важно отметить недопустимость приобретения научных организаций нерезидентами РФ для защиты ее национальных интересов.

Взаимодействие науки и бизнеса должно быть направлено на изменение принципов организации научной деятельности в стране. Чтобы получить положительный экономический эффект в "новой" экономике, важнейшим из принципов организации научной деятельности должен стать **принцип возможности использования научного результата любым заинтересованным лицом**.

Для этого необходимо иметь доступ к информации о разработках. Лучше всего, если такая информация будет представлена единой базой, которая будет сформирована в рамках общероссийского **Информационного центра**, созданного для этих целей.

Информационный центр (ИЦ) находится в государственной собственности и представляет собой организацию, которая занимается сбором, обработкой, хранением и предоставлением информации о прикладных научных разработках заинтересованным структурам различных форм собственности (рис. 1).

ИЦ позволит обеспечить государство полной информацией о всех существующих разработках и даст возможность контролировать распространение стратегически важных сведений, исхо-

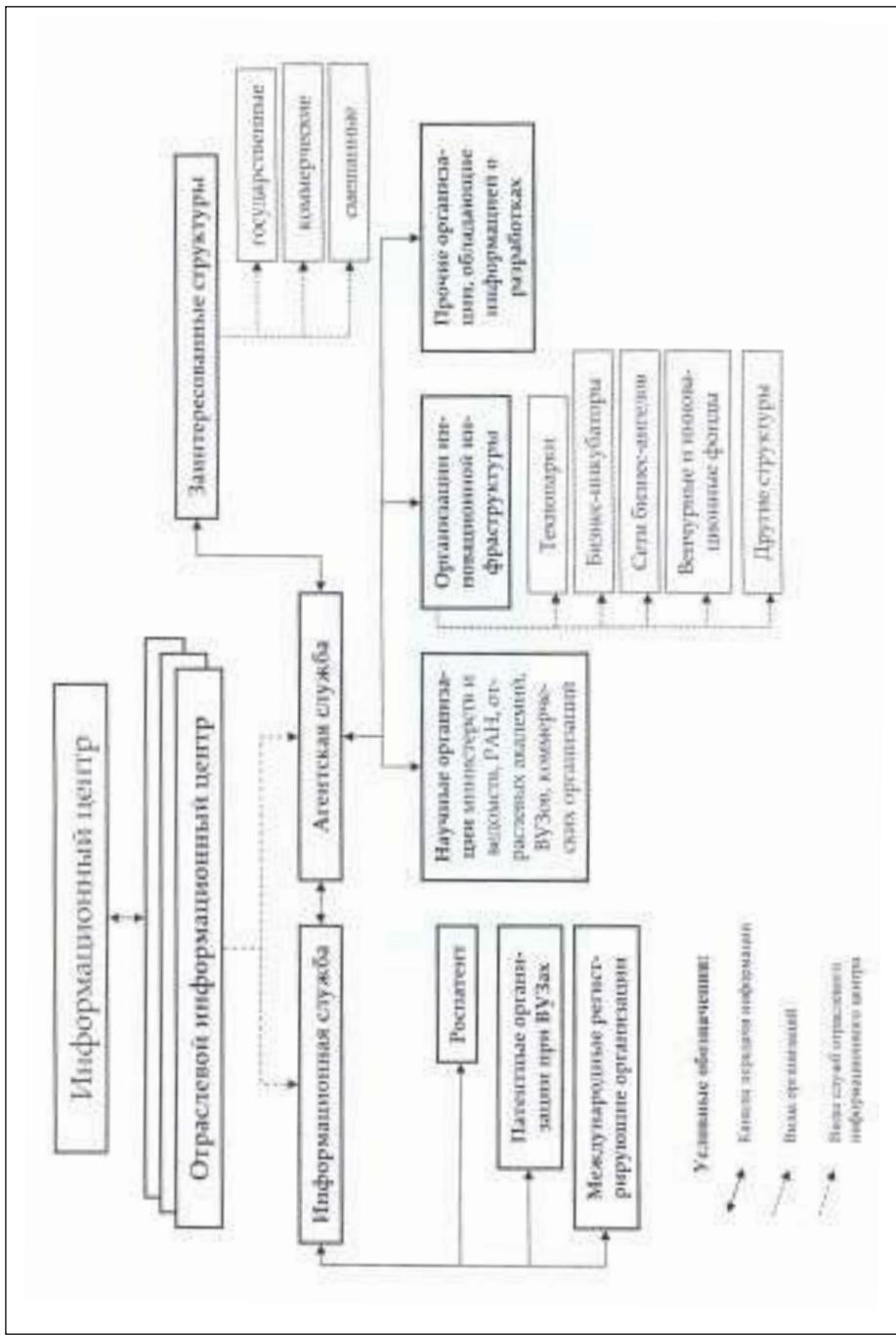

Рис. 1. Информационный центр и его взаимодействие с заинтересованными организациями

дя из принятых законодательных норм, регламентирующих степень доступа к секретной информации. Кроме того, это исключит возможность лоббирования интересов отдельных коммерческих структур в случае наличия у них определенной доли в собственности информационных центров.

Формирование базы данных о разработках в Информационном центре должно основываться на отраслевом принципе, для чего будет образована распределенная система отраслевых информационных центров. Это упростит поиск необходимой информации заинтересованными структурами, но потребует привлечения к работе в информационных центрах работников, специализирующихся в конкретной научной и прикладной областях.

Каждый отраслевой информационный центр будет содержать в себе две структуры:

- Информационную службу, формирующую базу данных о разработках в отрасли;
- Агентскую службу, занимающуюся поиском информации о разработках и структурах, которым данная информация была бы интересна для внедрения (рис. 1).

В Информационную службу информация о научных разработках поступает из следующих источников:

- Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам (Роспатент), международных регистрирующих органов, ВУЗов;

– российских и международных организаций, опосредованно обладающих такой информацией (инновационные и венчурные фонды, сети бизнес-ангелов*, технопарки и бизнес-инкубаторы и другие);

– различных научных организаций (министерств и ведомств, РАН, отраслевых академий, ВУЗов, коммерческих организаций).

Таким образом, если научная разработка имеет охранные документы, то информация о ней может быть получены из регистрирующих органов. Если охранных документов нет – поиском информации занимается Агентская служба, сотрудничаящая с организациями, обладающими такой информацией. Кроме того, в функции Агентской службы должно входить продвижение разработок среди потенциальных инвесторов.

Далее вся имеющаяся информация о разработках в различных областях знаний передается из отраслевых информационных центров в единый Информационный центр.

Наличие единой базы данных позволит исключить дублирование разработок и ускорит их внедрение, а при наличии обратной связи – повысить качество инновационного продукта и как следствие – снизить стоимость и повысить его конкурентоспособность.

Кроме того, для ускорения инновационных процессов необходимо создание специализированных инновационных сетей.

Что представляет собой такая сеть?

* Бизнес-ангелы – это состоятельные люди, инвестирующие собственные средства в частные компании на начальных стадиях развития, обладающие значительным потенциалом роста, как правило, без предоставления какого-либо залога. Характерной особенностью такого способа инвестирования является то, что бизнес-ангел, не являясь бедным человеком, не имеет необходимости извлекать полученную компанией прибыль. (Сайт Национальной сети бизнес-ангелов “Частный капитал” // www.private-capital.ru)

Ее ключевым элементом является предприятие, внедряющее разработки, со всеми своими контрагентами (рис. 2).

Среди контрагентов особую роль играет научная организация, результаты деятельности которой используются

в производственном процессе предприятия. Большой эффект от создания сети будут получать малые и средние предприятия, так как зачастую они не обладают достаточным количеством ресурсов для полной реализации инновационных проектов.

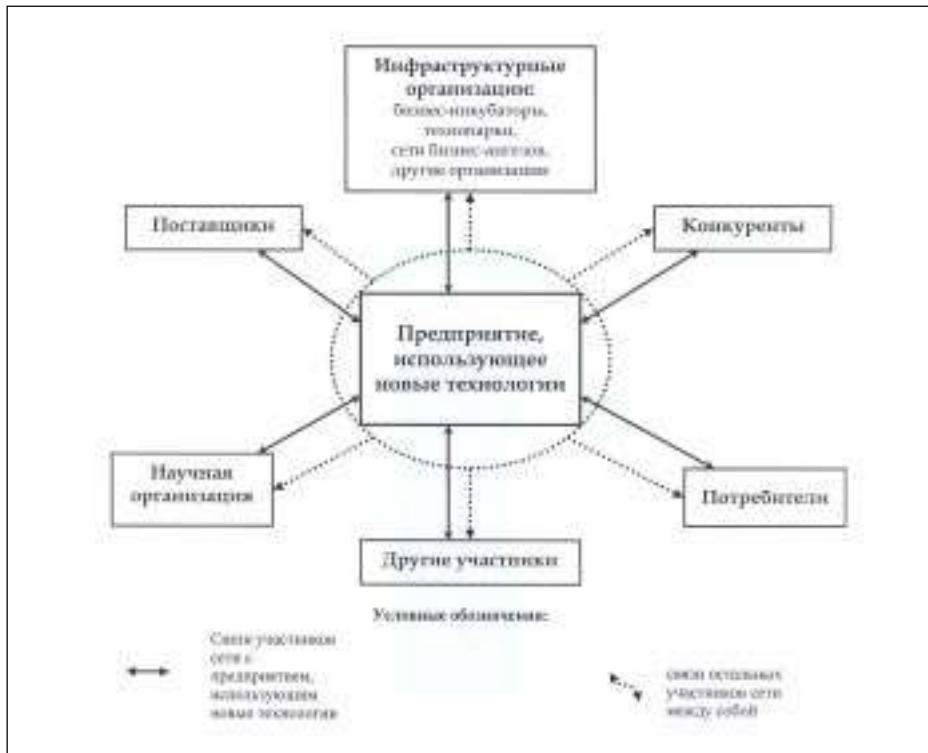

Рис. 2. Взаимосвязи в инновационной сети

Недостаток финансирования НИОКР может покрываться за счет создания стратегических соглашений между предприятиями, производящими схожие виды продукции, то есть являющимися конкурентами за рамками сети. Сложности, связанные с отсутствием необходимых основных производственных фондов, опыта и связей в сфере инноваций, могут быть устранены за счет участия в сети бизнес-инку-

баторов, технопарков и других организаций инновационной инфраструктуры. К основным участникам инновационной сети необходимо также отнести поставщиков материальных ресурсов предприятия, применяющего в производстве инновационные технологии, и потребителей конечной продукции. Кроме основных участников, в сеть могут входить и другие организации, оказывающие ему разнообразные

услуги, например, маркетинговые компании.

Сеть, обеспечивающая инновационное развитие, имеет существенные особенности, а именно:

- каждый ее составной элемент находится в постоянном взаимодействии с другим элементом;
- сеть является инвариантной: каждый ее элемент может быть заменен на другой, выполняющий аналогичные функции.

Каковы преимущества инновационных сетей для развития российской экономики?

Во-первых, данные сети будут способствовать ускорению инновационных процессов, позволяют качественно преобразовать структуру российской экономики, увеличив долю инновационной и высокотехнологичной продукции в ВВП и экспорте.

Сейчас же "вес России в мировом объеме высокотехнологичного экспорта составляет только 0,13%"⁹.

Во-вторых, это получение ряда социальных эффектов: создание новых рабочих мест в результате образования новых предприятий, приостановление оттока кадров из научной сферы, повышение престижности профессии научного работника.

Существуют ли сегодня в России предпосылки для создания инновационных сетей?

В стране имеется высокий научный потенциал. Существуют и в последнее время активно создаются структуры, способствующие развитию малого и среднего инновационного бизнеса: бизнес-инкубаторы, технопарки и др. Имеется также спрос как у отдельных компаний, так и у физических лиц на инновационную продукцию. Однако полноценной деятельности каждой из перечисленных организаций препятствует

явный недостаток предприятий, занимающихся внедрением разработок.

Доля малых предприятий в инновационной сфере сократилась с 4,2% в 2001 г. до 1,4% в 2005 г.¹⁰. Скооперировавшись между собой, организации, заинтересованные в создании инновационной продукции, могли бы либо на базе существующего, либо создавая новое производство, активно использующее инновационные технологии, образовать инновационную сеть. Эффективной работе сети могло бы способствовать наличие у каждого из контрагентов, вошедших в сеть, доли в продукции данного предприятия либо доли в нем самом.

Что будет двигать малыми и средними компаниями к образованию сети?

Создание сети позволит данным компаниям объединить имеющиеся у них ресурсы и упростить процессы взаимодействия между собой, что, в свою очередь, приведет к получению определенных выгод каждым из участников сети, а именно:

- научная организация – возможность коммерциализировать свои разработки, получая таким образом финансовые ресурсы для осуществления своих исследований;
- бизнес-инкубаторы, технопарки – привлечение новых клиентов и идей, следовательно, возможность их развития;
- потребители – получение новых инновационных продуктов и возможность участия в их создании;
- поставщики – расширение рынка сбыта своей продукции.

Взаимодействие различных контрагентов в единой сети позволит получить синергетический эффект от ее деятельности.

Эффективность сети необходимо оценивать на основе системы комп-

лексных показателей по совокупности различных факторов, оказывающих влияние на работу предприятий, входящих в сеть. Затем на базе полученных результатов определить эффективность деятельности каждого предприятия. Общий результат функционирования всей сети будет получен через оценку синергетического эффекта от взаимодействия всех участников сети с помощью *интегрированного показателя эффективности деятельности сети*.

При выборе факторов для расчета интегрированного показателя использованы 2 критерия: степень влияния участников сети на развитие предприятия, применяющего научно-технические разработки, и возможность оценки инновационной составляющей развития остальных предприятий, входящих в сеть. В результате были выбраны следующие наиболее важные показатели:

- показатель эффективности инновационного процесса;
- показатель эффективности вложений капитала в предприятия сети;
- показатель прибыли;
- показатель капитализации сети;
- показатель качества персонала предприятий сети;
- показатель реакции потребителей.

Создание инновационных сетей направлено на стимулирование развития экономики страны за счет интенсивного использования новых технологий в хозяйственной деятельности различных субъектов. Важнейшую роль в успешном функционировании инновационных сетей играет человеческий капитал.

Во многом прогрессивность инновационного продукта зависит от того, какие идеи вносят в его производство и реализацию исследователи, инженеры-технологи и менеджеры, а также

привлеченные эксперты. Эффективность деятельности инновационной сети будет определяться качеством работы данных категорий работников.

Оценку качества всего персонала можно рассчитать на основе *совокупного показателя качества персонала*, в основе которого лежит определение индивидуального показателя качества работы отдельного сотрудника с учетом особенностей выполняемых им функций.

Персональный показатель качества включает в себя следующие компоненты:

- уровень квалификации сотрудника;
- опыт работы в данной сфере деятельности;
- количество ценных идей сотрудника, использованных при реализации инновационного проекта.

Расчет как каждого отдельного элемента, так и совокупного показателя необходимо вести на основе существующих методик по оценке качества персонала, учитывая специфику работы инновационных сетей.

При этом при определении уровня квалификации сотрудника важно учесть уровень и профиль его образования в соответствии со сферой деятельности предприятия, а также степень его полезности при деловом сотрудничестве (знание иностранных языков, коммуникабельность и пр.).

Оценка опыта работы будет основываться на стаже работника в его профессиональной сфере. Однако здесь важно учесть, что профессиональный опыт, вероятнее, будет расти более быстро в начале карьеры сотрудника и менее – с течением времени. Также важную роль при оценке опыта работы будет играть знание сотрудником особенностей делового оборота в отдельной сфере деятельности.

Для определения количества ценных идей сотрудника, использованных при реализации инновационного проекта, необходимо организовать внутренний учет этих данных по отдельным категориям. Тогда для научных работников, инженеров это могут быть в основном идеи, касающиеся научно-исследовательского процесса (улучшение технических характеристик разработки), для менеджеров – это будут скорее управленческие идеи, оптимизирующие инновационный процесс.

После оценки всех трех элементов персонального показателя определяется общий уровень качества работы отдельного сотрудника. На основе этого рассчитывается совокупный показатель качества работы персонала.

Кроме профессионализма персонала, решающее влияние на успешную работу сети будет оказывать эффективность взаимодействия сотрудников всех предприятий сети. Достижение такого взаимодействия возможно только при наличии системы управления внедренческим процессом, соответствующей специфике деятельности сети. *Показатель эффективности инновационного процесса* может быть оценен на основе времени, требуемого для вывода конечного продукта на рынок, так как в инновационной деятельности именно своевременность внедрения продукта часто определяет конечный результат всей работы. Можно судить о повышении эффективности деятельности инновационной сети при наличии тенденции сокращения времени, требуемого для внедрения продукта.

Важно заметить, что в сети каждый из участников является потребителем для одних контрагентов и поставщиком для других, поэтому успешность функционирования всей сети во многом будет определяться тем, насколько

налажены обратные связи всех участников сети. Хорошо наложенные обратные связи позволяют превратить потребителя в соинноватора и использовать его идеи при создании и реализации инновационных продуктов.

Расчет *показателя реакции потребителей* будет строиться на основе количества идей, пришедших от собственных потребителей и нашедших применение на предприятиях сети.

Кроме отклика потребителей, успешность работы сети будет оцениваться доверием к ее предприятиям потенциальных инвесторов. Степень такого доверия будет измеряться на основе суммы инвестированных средств в инновационное развитие предприятий сети за определенный период.

Необходимо отметить, что ни один из приведенных выше показателей сам по себе не описывает все стадии процесса производства инновационной продукции. Данный процесс представляет собой совокупность следующих основных этапов: проведение НИОКР, маркетинговых исследований, получение ресурсов для производства, производство, сбыт, послепродажное обслуживание.

Для оценки всего процесса были выбраны два показателя: показатель капитализации сети и показатель ее прибыли.

Успешный инновационный процесс сопровождается постоянным ростом объектов интеллектуальной собственности в структуре активов предприятий сети. Поэтому важно проводить оценку эффективности инновационных процессов, учитывая величину нематериальных активов. Наиболее объективно ее можно оценить с помощью *показателя капитализации инновационной сети*, который позволяет учитывать рыночную стоимость нематериальных активов.

Также полностью инновационный процесс будет оценивать показатель *совокупной прибыли предприятий сети*, который характеризует конечный экономический эффект от деятельности всех предприятий, входящих в инновационную сеть. Предпочтение отдается именно совокупной чистой прибыли, а не, к примеру, общей выручке сети, так как последняя может включать в себя также внутрисетевые расчеты.

Итак, среди представленных предложений по развитию российской инновационной сферы страны можно выделить три главных аспекта:

- сформулированы идеи по повышению эффективности деятельности научных организаций и компаний, внедряющих инновационные разработки;
- отмечена необходимость создания единой национальной информационной базы научных разработок и представлен механизм информационного обмена между заинтересованными структурами;
- предложена концепция методики оценки деятельности инновационной сети.

Примечания

¹ Постановления Правительства РФ от 21 декабря 2005 г. №№ 779, 780, 781, 783.

² Об открытом акционерном обществе “Российская венчурная компания”. Постановление Правительства РФ от 24 августа 2006 г. № 516.

³ О создании открытого акционерного общества “Российский инвестиционный фонд информационно-коммуникационных технологий”. Постановление Правительства РФ от 9 августа 2006 г. № 476.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 10 марта 2006 г. № 328-р.

⁵ Об особых экономических зонах в Российской Федерации. Закон РФ от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ. Ст. 3.

⁶ Официальный сайт Министерства образования и науки РФ // www.mon.gov.ru

⁷ Российский статистический ежегодник. 2005. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2006. С. 341–342.

⁸ По данным официального сайта ГМК “Норильский Никель” // www.nornik.ru

⁹ По данным сайта агентства экономической информации “ПРАЙМ-ТАСС” // www.prime-tass.ru

¹⁰ По данным сайта ФЦП “Электронная Россия” (www.e-rus.ru).

Таким образом, оценив основные показатели, влияющие на инновационное развитие сети, а также степень влияния каждого отдельного фактора, далее необходимо на их основе определить **интегрированный показатель эффективности деятельности инновационной сети**, расчет которого будет основываться на существующих методиках оценки показателей эффективности деятельности предприятий.

“Имперская идея” как актуальный концепт политической культуры

Людмила Панкова,
доктор философских наук,
Ольга Леонова,
доктор политических наук
(МГУ им. М.В.Ломоносова)

Федеративное устройство России с его характерной федеративной асимметрией, как показала практика, оказалось миной замедленного действия. В полном соответствии с методологией А.С.Панарина “Ответ – вызов”¹ как реакция на геополитические тектонические сдвиги в России вновь становится актуальной было забытая, но оказавшаяся весьма современной и своевременной так называемая “имперская идея”.

В стране наблюдается подтверждаемая социологическими опросами ностальгия по сильному государству с осмысленной и целенаправленной внутренней и внешней политикой, исходящей из национальных интересов. Таким государством в национальном сознании и выступает Российская империя.

Империю можно рассматривать как “всего лишь замыкающее понятие в ряду таких государственных форм, как унитарное государство, федерация, конфедерация”².

Однако империя предполагает такое государственное устройство, которое пронизано стремлением к конструктивности, единению, чувству долга и вытекающих отсюда различных форм служения. Идея империи структурирует многочисленные народы полиэтнического государства в сообщество единомышленников, осознающих общность целей и интересов. При этом каждый народ осознает себя и фактически является равноправным участником властного, правового и управлеченческого процессов.

Империя представляется как нормальное органичное развитие исторического пути России, где в качестве ведущей составляющей “имперской идеи” выступает национальное сознание и мессианская (связующая) роль, предопределенная русскому народу.

В силу этого “имперская идея” реализует себя как общество и государство, организованное на основах целостного национального мировоззренческого сознания.

Aнализ исторического опыта Российской империи, ее имперского наследия позволяет видеть ряд ее специфических признаков, а именно:

- наличие имперского массового сознания и идеологии в виде национально-государственного патриотизма;
- преобладание массового соборного сознания, что создает предпосылки для государства патерналистского типа.

Соборность означает также приоритет интересов и прав коллектива (государства, народа, общины) над частными интересами и правом личности. Она подразумевает осознание своей миссии в истории и особой судьбы, уверенность в своем высоком предназначении. Или, как пишет А.М.Ушков, это есть “тяга к решению наднациональных задач”².

Имперское сознание как отражение “имперской идеи” имеет два уровня (две составляющие).

Первый уровень – “просвещенный национализм” в своеобразной, имперской интерпретации.

В данном контексте он предстает не как символ поклонения, а как средство служения развитию и реализации русской национальной духовности, осуществляя таким путем сакральную миссию данного народа.

Об этом писали такие богословы и философы, как митрополит Филарет, митрополит Платон, митрополит Иоанн, В.И.Киреевский, Л.А.Тихомиров, К.Н.Леонтьев, К.П.Победоносцев, В.С.Соловьев, И.А.Ильин, А.С.Панарин и др.

“Национализм” в этом случае произрастает на животворной нравственной почве мессианского призыва и исполнен религиозного смысла и духа.

Известный богослов и философ о. Иоанн Восторгов считал, что без осознания своего мирового призыва, своей сакральной исторической миссии нация лиша-

ется потенциала будущего развития и обречена на увядание раньше расцвета и плодоношения³.

“Национализм” в таком понимании становится инструментом создания нового качества национальной жизни. Такой национализм отвергает даже намек на шовинизм и представляет собой духовный созидательный акт жизни нации, в котором воплощается творческая мощь и историческая мудрость народа.

Второй уровень – патриотизм. Понятие патриотизма гораздо шире, чем представление о нации. Поэтому в великих полиглоссических государствах, объединяющих многие этносы, оно имеет уже не национальную, а великодержавную окраску.

О.Иоанн Восторгов полагал, что патриотизм наиболее полно выражает себя в понятии Отечества, которое в широком смысле понимается как единство жизни общества и человечества. Но для общества идея Отечества безмерно ценнее идеи человечества, так как именно в Отечестве вырабатывается способность жертвовать частным во имя общего.

В жизни Отечества преследуются и достигаются цели не пресловутой борьбы за реализацию своих экономических выгод, а того разумного и нравственного согласования интересов, того симбиоза, без которого жизнь людей перестает быть общественной.

Это система взаимных услуг и уступок, яркие примеры которых можно найти в истории Российской государства.

Но и здесь без осознания народом своей исторической и сакральной миссии патриотизм может выродиться в языческое животное чувство, а понятие Отечества – в национальный эгоизм.

Если патриотизм и национализм отделяются от нравственной почвы и теряют свой религиозный смысл и сакральное содержание, то они вырожда-

ются. Поэтому расширение границ государства, как это было в Российской империи, во имя высоких идеалов служения, помощи и приобщения желающих присоединиться народов к благам, прежде всего, просвещения и культуры, одухотворенным христианской моралью и нравственностью – имеет огромное созидающее значение.

Таким образом, содержание “имперской идеи” определяется не столько национальными интересами, сколько национальными идеалами, мессианскими целями и духовно ориентированным мировоззренческим содержанием. В традиционно понимаемых национальных интересах, напротив, нередко проявляется конъюнктурное, временное и субъективное начало.

Национальные идеалы, вытекающие из национальных ценностей и духовных традиций, всегда объективны, первичны. Поэтому действительные национальные интересы всегда исходят из национальных идеалов и неразрывно связаны с ними.

Разумеется, нельзя умалять значения geopolитических интересов и факторов, о которых писали И.А.Ильин, К.Н.Леонтьев, Д.И.Менделеев, Э.фон Толль и др.

Сущность “имперской идеи” составляет стремление к нравственному единению народа, созидательному объединению государственного организма на оправдавших себя духовных, нравственных и патриотических основаниях.

“Имперская идея” предполагает понимание значения русского народа в рамках многонационального государства. Его роль проявляется в служении идеи развития небольших и малочисленных народов. Такое служение имеет целью помочь физическому сохранению этих народов, их целостности и самобытности.

Именно в таком служении русский народ обретает высокие и оправданные возможности осуществления себя в соответствии с той конкретной миссией, которую должен реализовать каждый этнос. Идея служения, когда она предметно воплощается в жизни нации и государства, приобретает подлинную ценность для всего полигэтнического и многоконфессионального государства. Мировоззренческая наполненность этой идеи позволяет русскому народу исполнить свой органически присущий ему долг. Такое служение наглядным образом раскрывается в общественной, культурной и государственной деятельности титульной нации России.

Поэтому “имперская идея” есть, по сути, возвращение к высокому духовному идеалу государственного служения. В свою очередь, империя – есть опыт творческой духовно-нравственной организации государства и общества.

“Имперскую идею” сегодня многие рассматривают как некую политическую утопию.

Утопия – сложное и неоднозначное явление, связанное с непреложной верой в возможность построения идеального будущего, порывающего с традицией и резко отличающегося от реальности⁴. Каждое общество создает свои утопические грэзы, свой утопический миф о совершенстве.

Каждый народ имеет ту утопию, которой он достоин и которая отражает глубинные архетипы его культурного самосознания.

Утопии во многом определяют как характер народных ожиданий, так и особенности современной политической культуры, без учета которых невозможна ни одна серьезная социально-политическая программа или инициатива.

Как всякая классическая политическая утопия “имперская идея” со-пряжена, с одной стороны, с созданием в общественном сознании виртуальной (мнимой) реальности, а с другой – она несет в себе потенциал реформирования социальной реальности.

Когда политическая утопия выступает как некая востребованная обществом национальная идея, она обладает несомненной прогностической функцией.

Такие утопии могут быть воплощены в российском социокультурном контексте через поиски и попытки реализации национальной патриотической идеи и народной “мечты” по крайней мере в виртуальном варианте. В данном случае утопическая идея помогает компенсировать ущемленность национального сознания. Поэтому она обладает потенциальной социально-политической значимостью.

“Имперская идея” на данном этапе явно выступает как утопическая. Она нацелена на воссоздание и совершенствование национальной идеологемы, которая соответствовала бы задачам социально-политического и культурного самоопределения России, а также противостояла бы процессам тотальной глобализации и угрозе распада полиглазнического общества.

“Имперская идея” как политическая утопия может быть использована в социально-политической практике России в виде стратегии, нацеленной на создание национальной мобилизационной идеологии. Однако существует опасность, что данная идея как социальный заказ будет реализовываться и внедряться в общественное сознание россиян средствами и методами современных политтехнологов. Иными словами путем манипулирования политическим сознанием и политическим поведением людей.

Политическая утопия, в данном случае “имперская идея”, выступает

как продукт не только политической, но и общественно-духовной деятельности, отражающей специфику социально-экономических, политических и культурных истоков российской государственности.

Политическая утопия имеет две обобщленные стороны: иллюзорную и pragmatischeкую. И обе они отражают как господствующие, так и скрытые ценности национального сознания, особенности политической культуры данного социума. Они также способны определять вектор его политического поведения.

Иллюзорный контекст политической утопии под названием “имперская идея” нацелен на радикальное переустройство печальной социально-политической реальности постперестроечной России.

Прагматическая сторона несет в себе привлекательную и мобилизующую массы национальную патриотическую идею, без которой невозможно национально-государственное возрождение.

“Имперская идея” как политическая утопия выполняет определенные социальные, политические и духовные функции. Ее компенсаторная функция состоит в преодолении социально-экономической и политической несостоинательности некогда великой державы в стремительно изменяющемся мире. Она позволяет изменить ситуацию кризисной реальности и статус страны “третьего мира”, определяя ее сегодняшнее существование и рождая надежду на изменение роли России в XXI в. Данная задача связана с процессом реабилитации ущемленного национального сознания осевого этноса Российской державы. Это предполагает виртуальное моделирование иного, более успешного варианта развития исторических процессов.

“Имперская идея” обусловлена также обновлением традиционных для российского национального сознания установок государственного патернализма и исторического мессианства.

Футурологическая функция политической утопии выражается в создании надежд на будущее, в том числе надежд на чудо, на воскрешение великой державы. Данная функция сопряжена с определенным мировоззрением, идеологией и специфической картиной мира.

“Имперская идея”, пройдя стадию политической утопии, воплощается в актуальную и востребованную политическую идеологему.

В российском обществе на протяжении ряда столетий периодически были актуальными те или иные политические мифы. Динамика их проявления предстает в широком наборе политических, философских, социологических, культурологических и исторических интерпретаций фактов и явлений отечественной истории. Исследование российских социально-политических процессов через анализ содержания политических идеологем представляет собой необходимую составную часть осмыслиения исторического опыта и процесса политического прогнозирования в нашей стране.

Трансформация социально-политических отношений в России порождает необходимость организации и применения национальных идеологических ресурсов, которые могут стать важным средством конструирования устойчивого, правильно воспринимаемого нацией политического пространства.

Сегодня имеется насущная необходимость восстановления и оптимизации традиционных политических идеологем, имеющих потенциал влияния на социально-политическую активность

нации в современной России. Возрождение позитивных идеологем, несущих в себе элементы политического и социального удовлетворения, гордости за страну, связано с апелляцией к исторической памяти, обращением к национальным политическим ценностям.

Такой идеологемой, несомненно, является так называемая “имперская идея”.

“Имперская идея” (или понятие “Великая Россия”) являлась базовой концепцией национальной идеологии на протяжении XIX–XX вв. Будучи устойчивым элементом массового сознания, данная идеологема обеспечивала стабильность конструкции политического пространства Российского государства и помогала реализовывать на практике такие категории как “могущество”, “сила”, “величие”, “влияние”, “авторитет” и т.п.

Особая роль принадлежит политическим идеологемам в преодолении социально-политической дезорганизации в современном развитии общества. В российском традиционном обществе политическая деятельность на всех уровнях власти была направлена на поддержание социально-политических отношений в соответствии с абсолютом, идеалом, который рассматривался как неизменный атрибут политического устройства, имеющий сакральный характер.

Это позволяло массовому сознанию ориентироваться на образцы социально-политических отношений, опираться на освоенный опыт и поддерживать политические решения из числа апробированных в исторической практике.

Например, “имперская идея” и воплощенные в ней идеалы подразумевали сохранение в неизменном состоянии некоего исторически сложившегося формата государственного и политического устройства и

обладали способностью сдерживать негативные процессы в социуме.

“Имперская идея” в качестве актуальной идеологемы способна отражать и создавать социально-политическую реальность, которая отвечает таким признакам, как устойчивость и гармония, полнота жизни и порядок. Процессы разложения могут преодолеваться посредством активного и постоянно-го следования концепции “Великой Державы”.

Политическая идеологема представляет собой особую форму целостного массового понимания социально-политической реальности и истолкования политической действительности. Она является средством передачи, хранения и воспроизведения исторического социально-политического опыта нации, создает возможность его совокупного кодирования и расшифровки.

“Имперская идея”, рассматриваемая как политический миф, сосредотачивается преимущественно в социально-политической сфере. Она представляет собой специфическую форму общественного сознания и является своеобразным способом понимания политической и социальной действительности.

Актуальность и востребованность “имперской идеи” в России объясняется тем, что она применима к современной политической реальности страны. Она может быть реализована как средствами направленного внушения (в основном через СМИ), так и массовым сознанием, стремящимся воспринимать данную идеологему в качестве несомненной исторической истины.

“Имперская идея” как одна из наиболее востребованных политических форм идеологии является важным ин-

струментом для анализа происходящих в России социально-политических изменений. Она задает алгоритм восприятия и описания политической действительности, определяет коренные ценности социума и в перспективе может стать концептуальным обоснованием реальной политики и политического поведения.

Как и всякая идеологема “имперская идея” выполняет жизнеописательную, регулирующую и предсказательную функции. Посредством их реализации она позволяет направлять развитие сознания масс в рамки целостного, упорядоченного представления об окружающем ее социально-политическом устройстве.

Описательно-аналитическая функция “имперской идеи” создает инструментарий политического осмысливания исторического опыта. Она осуществляет формирование целостных и гармоничных представлений исторических фактов и политических явлений современной жизни. Укорененность анализа в политически идеологизированном мышлении имеет ценностный характер и определяет социальную активность нации.

Политическая идеология, рассматриваемая с данных позиций, является механизмом развития современных общественных отношений посредством творческого изучения прошлого.

Регулирующая функция политической идеологемы переводит данный накопленный опыт в практику жизни. Тем самым она направляет энергию людей на воспроизведение исторически востребованного социального действия. Иными словами, она способствует концентрации социальной энергии масс и определяет направление вектора их действий на объекты идеологической модели создаваемой политической реальности.

Таким образом, “имперская идея” обладает несомненным мобилизационным эффектом и выполняет созидательную роль по отношению к структуре политического пространства и направлению вектора развития полити-

ческих процессов и форм политического поведения людей.

Идеологизированное мышление, проявляется себя как способ анализа политических событий и понимания социально-политической реальности. В контексте “имперской идеи” становится актуальным вопрос о механизмах движения данного социума в постоянном политическом процессе и пространстве и подсказывает объекту своего воздействия цель и метод действия и желаемый результат.

Существует определенная зависимость социально-политических изменений от стихийного или осознанного воплощения той или иной политической идеологемы и распространения конкретной идеологии в политическом пространстве. Исторический опыт показывает, что наиболее значительные изменения в социально-политической и идеологической сферах связаны с изменением идеологической концепции.

Давая универсальное представление о прошлой и современной политической реальности, “имперская идея”, как и любая идеологема, помогает прогнозировать будущее по определенному исторически апробированному плану и применять его на основе имеющегося опыта. Поэтому в грядущей политической практике актуальными и востребованными могут стать те лидеры, политические партии, программы и идеи, которые апеллируют к “имперской идеи” или содержат хотя бы упоминание о ней.

При условии успешной реализации данных аспектов “имперской идеи” в сознании нации обеспечивается “связь времен”. Возникают упорядоченные представления о прошлом и настоящем. Когда “имперская идея” как политическая мечта приобретет законченную форму и станет самодостаточной концепцией, тогда она, исходя из

своих внутренних и внешних граней, сможет не только объяснить, но и проектировать политические процессы и определять вектор государственной политики.

Основой фундаментальности “имперской идеи” как целостного, сюжетного, исторического повествования, а также условием ее реализации и воспроизводства являются следующие категории: “могущество”, “сильное государство”, “величие”, “миссия”, “призвание”, “истинный путь”, “порядок” и т.п.

Данные понятия представляют собой содержание конкретной идеологии и вытекающей из него “имперской идеи” и служат концептуальным обоснованием конструируемой социально-политической реальности. Настрой масс на определенную идеологическую волну происходит за счет системы манипулируемой политической информации и вербального контроля над ней, осуществляемого, в основном, через СМИ.

Реализация данных категорий предоставляет людям эмоционально насыщенное знание, помогает решению политических проблем и снятию социального напряжения.

Целенаправленное поддержание приоритетно-ценностных и понятных для сознания людей представлений об окружающем их социально-политическом пространстве является важнейшим условием достижения общественного консенсуса и обеспечения позитивной динамики в развитии социума. “Имперская идея”, отражая реалии исторических эпох и интерпретируя имеющуюся политическую действительность в актуальных для прошлого понятиях, формирует общественно-политический идеал и играет важную объединяющую роль.

Несомненно, “имперская идея” может выступить важным фактором национальной консолидации российского общества.

Возвращение к имперскому самосознанию не означает возрождения политики “экспансии” и возвращения к границам Советского Союза или России 1913 г. Имперское сознание в данных условиях означает сохранение империи в виртуальном и пространственно-временном представлении и подразумевает готовность принять под эгиду ее всех, кто желает остаться.

При этом внешняя и внутренняя политика должна исходить из приоритета существования империи, которая гарантирует необходимую поддержку всем желающим жить в составе исторической Родины. Речь идет о социокультурных установках, которые ориентируются на консолидацию народов на основе общих идеалов, ценностей и традиций национальной политической культуры.

Важнейшими шагами для восстановления имперского пространства могут быть следующие:

Во-первых, определение цивилизационной идентичности России, которое возможно только с опорой на традиции, ценности и мировоззрение национальной культуры и национального сознания.

В настоящее время за рубежом все более актуальной становится проблема “вторичного укоренения” тех народов, которые попали ранее в сферу влияния западной цивилизации. Еще недавно было принято считать, что эти “отсталые” ранее народы стремительно европеизируются и вестернизируются.

Сегодня уже очевидно, что данные надежды идеологов глобализации не оправдались. Народы повсеместно возвращаются к своим истокам, заново

определяя свою идентичность. Актуальным и современным становится обращение к своим традиционным верованиям и ценностям, что рассматривается как декларация социокультурной независимости от Запада.

Такое укоренение осуществляется под лозунгом противостояния вестернизации, которая рассматривается как нравственный релятивизм и методологический индивидуализм.

Проблема социокультурной идентичности, цивилизационного самоопределения становится главной для народов мира. Она является реакцией на глобализацию, которая осуществляется в формах экспансии и социокультурной агрессии США.

Во-вторых, формирование однозначной политики по отношению к русским и русскоязычным соотечественникам, проживающим в независимых государствах СНГ.

Сегодня они вынуждены играть роль национального меньшинства.

По сути, русских и русскоязычных людей, людей русской традиционной культуры ставят перед дилеммой: или выехать в Россию, или добровольно согласиться на ассимиляцию – вначале политическую, а затем неизбежно языковую и культурную.

Поэтому необходима мобилизация всех имеющихся ресурсов для отстаивания прав русского и русскоязычного населения, оказавшихся заложниками распада СССР и ставших сегодня изгоями и людьми второго сорта в этих странах.

В-третьих, эффективно используя как внутренние, так и внешние (международные) ресурсы, необходимо активно противостоять антирусской политике в государствах СНГ, особенно в Прибалтике и на Украине.

Только активное использование норм международного права и общественного мнения, взвешенная и твердая внешняя политика России могут переломить негативные тенденции в тех государствах, где русофobia возведена по-

чи в ранг государственной политики. Уже одно чувство причастности к большому и сильному государству – России может стать важным ресурсом и опорой русских людей, проживающих в ближнем и дальнем зарубежье.

Возвращение к “имперской идеи” отражает актуальную тенденцию национального сознания и общественного бытия, а также перспективы геополитических изменений.

В таком контексте “имперская идея” становится методологией политического и культурного мышления и влияет на постановку и поиски путей решения социально значимых задач.

“Имперская идея” выражается в четко сформированной национальной идеи и в качестве таковой служит преодолению социальных, политических и культурного разломов Российского государства, помогая укрепить национальное единство и духовно-эволюционные связи социально расколотой нации.

На данном этапе, находясь в своей поисковой ипостаси, “имперская идея” отражает возможные варианты стратегем, которые могли бы привести к иному качеству существования России – не просто страны “третьего мира”, а в ее статусе великой державы.

“Имперская идея”, как любая утопия, достаточно четко “отражает процессы, происходящие в сознании российского общества, которое через возврат к утопической традиции пытается нашупать эффективные основания нового идентитета”⁴. Данный проект на будущее потенциально направлен на поиск общих социально-политических и нравственных установок, необходимых для будущей национальной реабилитации и выбора оптимальной стратегической программы развития.

Реализация “имперской идеи” – это длительный исторический процесс организации общежития различных этносов, общественного управления и государственного устройства, осознание ими преемственности исторических задач и созревание готовности к выполнению своей священной миссии и мирового призыва российского народа.

Примечания

¹ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2000.

² Ушков А.М. “Имперская идея” в эпоху глобализации и новый либеральный тоталитаризм // Современный политический анализ и политические технологии. Т. 2. М.: Профиздат, 2005. С. 202, 207.

³ Прот. Восторгов И. Идея Отечества // Православная беседа. 1994. № 1. С. 15–19.

⁴ Пономарева Г.М. Некоторые проблемы утопизации общественного сознания // Современный политический анализ и политические технологии. Т. 2. М.: Профиздат, 2005. С. 52, 59.

Первая волна русской иммиграции в США

Опыт построения диаспоры

Александр Ручкин,
кандидат исторических наук

Российское Зарубежье, возникшее в результате трудовой миграции начала века и революционных событий 1917 г., охватывало практически все континенты и насчитывало миллионы бывших российских подданных. Русская Америка стала одной из наиболее массовых и, в силу определенных геополитических обстоятельств, наиболее стабильной частью русского рассеяния в первой половине прошлого столетия.

Как отмечал Д.Сантаяна, "Американская жизнь – это высокоактивный растворитель... он способен нейтрализовать любой, даже самый стойкий и самый чужеродный интеллектуальный материал и переплавить его в типичные американские качества: благонамеренность, самодовольство, беспечность и оптимизм"¹.

Изучение широкого спектра проблем "вхождения" русских в новую социокультурную среду оказывается сегодня принципиально важным, предопределяя новое звучание культурного наследия русской эмиграции и закладывая основы активного взаимодействия диаспоры и Родины.

Этап становления русской диаспоры относится к 1900–1920 гг.

В 1901–1920 гг. из России в США выехали 2,5 млн. чел.². Собственно "русская иммиграция" становится заметным фактором, начиная со второй декады столетия. Общее количество "русских" в США в 20–40-е годы оценивается в 360–400 тыс.³.

Выходцы из России принадлежали к наиболее урбанизированным группам иммигрантов.

В 1920 г. 88,6% проживало в городах, а в 1930 г. этот показатель вырос до

90,3%. Лидерство прочно удерживал Нью-Йорк, русскоязычное население которого составляло примерно 500 тыс. чел., из которых "чисто русских" насчитывалось 125 тыс.

Русская Православная Церковь долгие годы выступала системообразующим началом жизни русской иммиграции. После революции 1917 г. Церковь лишилась материальной поддержки, выделяемой ежегодно Синодом и самое главное – своего единства. К середине XX столетия Русская Православ-

ная Церковь оказалась расколотой, разделив судьбу многих других иммигрантских организаций. Разное толкование православных канонов, роли Московского Патриарха, отношение к Советской власти, борьба за собственность, влияние и власть в русской колонии – все это стало отражением “необычной, и хотя не всегда здоровой, но активной жизни православных приходов”.

Без поддержки родины и при равнодушном отношении местного сообщества, центр тяжести организационной работы переносится вглубь иммиграционной массы. Общественные и политические функции берут на себя организации, традиционно ориентированные на социальную защиту мигрантов или культурные объединения. Объединение трудовой иммиграции происходит в русских обществах взаимопомощи. Их полуторавековая история опровергает сложившиеся представления о краткосрочности, недолговечности и непрочности русских общественных объединений, их ярком, но непродолжительном и бесплодном существовании.

На 1 января 1944 г. три общества взаимопомощи – Русское Объединенное Общество Взаимопомощи в Америке, Русско-Американское общество взаимопомощи и Русское независимое общество взаимопомощи, созданные в начале века, объединяли 21248 чел., насчитывая 150 отделений⁴.

Стремление скоординировать совместные действия для наиболее полного отражения и представления интересов русской колонии, впервые высказанное еще в 1893 г., оказалось

реализованным под воздействием известий с родины. События 1917 г. всколыхнули колонию. Февральская, а затем и Октябрьская революции способствовали организационному всплеску, появлению новых и оживлению деятельности уже существовавших объединений и групп. В результате политических разногласий в начале 1918 г. в Соединенных Штатах состоялось сразу два съезда представителей русской колонии.

1 февраля в Нью-Йорке под красным и американским флагом открылся Первый русский Общеколониальный съезд, а 9–11 февраля 1918 г. там же состоялся Первый Русский Всегражданский Съезд, собравший представителей 30500 русских иммигрантов, организованных в 37 различных, преимущественно “национально мыслящих” экономических, культурно-просветительских организаций и политических групп. Съезд положил начало существованию Федерации Русских организаций в Америке (*Federation of Russian Organizations in America*).

Возникшие после съезда организации оказались недолговечными*.

К сожалению, несмотря на благородные цели, в силу определенных финансовых и организационных причин период существования подобных объединений был кратким, а лепта, внесенная в дело объединения русской колонии – малой.

Спустя десятилетие период 1917–1918 гг. будут вспоминать как время упущеных возможностей и самый благоприятный момент для организационного строительства в русской колонии.

Наибольшие потрясения русской колонии в первой половине столетия

* Примером является деятельность Федерации Русских организаций в Америке, изученная автором по материалам коллекции Отдела рукописей и архивных документов Нью-йоркской публичной библиотеки (Нью-Йорк, США) New York Public Library. Manuscripts and Archive Division (NY).

были связаны с периодом “красной угрозы”.

В ноябре-декабре 1919 г. были арестованы сотни членов Союза русских рабочих, из которых 249 были вскоре отправлены в Советский Союз. 2 января 1920 г. в 70 городах США был проведен рейд Палмера, в ходе которого было задержано около 3 тыс. чел., из них 556 (большинство из которых русские) были позже высланы из страны.

Общественная жизнь колонии оказалась парализованной.

Второй этап развития диаспоры приходится на 1920–1933 гг. Русская Америка 20-х годов – это миллионы трудовых мигрантов и небольшое, но заметное представительство высших слоев прежнего российского общества, творческой интеллигенции, военных, судебного корпуса.

После Первой мировой войны в связи с событиями на родине и с изменением иммиграционного законодательства США приток русских значительно сократился.

В 1923 г. в страну въехало 4346 чел. (по сравнению с 48,5 тыс., прибывшими в США в 1913 г.).

После введения квотной системы выдачи виз (в зависимости от страны иммигранта) получить визу русским беженцам в Европе становится крайне трудно.

В 1925 г. американские консулы информировали Вашингтон, что при выделенном количестве виз для полного удовлетворения спроса всех обратившихся потребуется: для Венгрии – 100 лет, России и Италии – 70 лет, Румынии – 50 лет и для Чехословакии, Польши и Греции – 10 лет⁵.

Представители постреволюционной иммиграции селились в тех же городах, но на значительном расстоянии от “старой колонии”. Известный в эмиграции журналист М. Железнов сетовал, что крестьяне с самого начала

были враждебно настроены к политической эмиграции, прибывшей в США. Во многом постреволюционная эмиграция представляла те классы и группы, от власти и преследований которых русские мужики и бежали за океан. Некоторые из вновь прибывших пытались вступать в организации и объединения, созданные старой иммиграцией, но не приживались там. По замечанию современника, “в общественной жизни одни по-прежнему оставались аристократами, а другие – мужиками⁶.

Дипломатическое признание Советской России США 16 ноября 1933 г. де-юре закрепило существование русской иммиграции без родины, без права официального представительства своей страны. Длительный период непризнания способствовал поддержанию иллюзий о нелегитимности Советской власти и временности пребывания в Америке. После установления дипломатических отношений с точки зрения адаптационных процессов доминирующим становится представление о неизбежности и желательности дальнейшей интеграции группы в локальное сообщество. Многими иммигрантами принимается окончательное решение о получении американского гражданства.

90–95% русских иммигрантов, прибывавших в США, начинали свою деятельность с неквалифицированного труда. У иммигранта, не имевшего соответствующих “бумаг”, не было доступа к 3 из 5 возможных вакансий, равно как двери 4 из 5 профсоюзов оставались для него закрытыми.

Согласно данным опроса, 3600 обратившихся за получением гражданства в 1932 г. на вопрос о мотивации их выбора, 29% отметили необходимость сохранения или получения работы⁷.

К этому моменту иммигрант, по мнению американских патриотических организаций, должен был осознавать, что у него

нет и не может быть двух родин. "Соединенные Штаты не заставляют вас забыть вашу родину, но у вас не может быть двух отечеств. Америка говорит, что раз вы стали американским гражданином, вы должны помнить, что с этих пор у вас имеется одно ОТЕЧЕСТВО и это отчество – Америка"⁸.

Вынужденный характер принятия гражданства отмечался в русской прессе.

Однако спустя годы многие могли бы согласиться с М. Вишняком, что "поступили неправильно, сменив свое многолетнее "бесподданство" на привилегированное состояние американца. Ощущение внутренней неловкости от обретенной привилегии сопровождалось крепнувшим убеждением, что для эмигранта-политика, внутренне не порвавшего со своей родиной, перемена гражданства допустима лишь в условиях крайней необходимости, под давлением исключительных обстоятельств"⁹.

В 1938 г. две самые значительные колонии русских в США (в Сиэтле и Нью-Йорке), насчитывавшие соответственно 2500 и 6000 чел., на 90% состояли из американских граждан.

Русские иммигранты, находясь на 17-м месте по продолжительности пребывания в США, тем не менее, занимали 10-е место по уровню натурализации. На этой стадии в сознании иммигрантов происходит отказ от возможности реэмиграции в пользу перспектив развития в инонациональной среде.

С начала 40-х годов наступает третий период – упадка диаспоры. На этой стадии диаспора уже не удерживала соотечественников в орбите своего влияния. Волны общественного энтузиазма разбивались о политику изоляционизма и подозрительности по отношению ко всему русскому и потому, возможно, советскому и коммунистическому.

Исключением стал период Великой Отечественной войны. После нападения фашистской Германии на Совет-

ский Союз для русской диаспоры в Соединенных Штатах наступил момент "этнической мобилизации", то есть острого осознания своей национальной принадлежности. Многотысячные митинги собирали представителей различных слоев русской колонии в Нью-Йорке, Чикаго, Детройте, Сан-Франциско, Филадельфии.

"...Редкое единодушие проявили все русские и карпаторусские, светские и церковные газеты; все союзы, братства и приходы, все низшее духовенство, огромное большинство русских военных с оружием в руках боровшихся против большевиков в гражданскую войну" все интеллигентские и политические группировки; друзья русской культуры, монархисты, младороссы, кадеты, прогрессисты, социалисты и, к их чести, многие представители дома Романовых"¹⁰.

Диаспора вела активный сбор средств для оказания медицинской и продовольственной помощи русскому народу, которая осуществлялась через специально созданный Фонд помощи Русскому народу, средства которого расходовались через Красный Крест или по его указаниям.

Послевоенные дебаты о будущем России в полной мере выявили различия между американской и европейской ветвями русской эмиграции, накопившиеся за прошедшие годы. Американская правовая защищенность русского беженства воспринималась многими эмигрантами как предательство российских интересов.

Как отмечал Н. Вакар, "русский американец, развязанный от своих обязательств к России, не имеет право судить тех, кто чувствует себя связанными как раз этими и только этими обязательствами"¹¹.

Оставаясь на непримиримых позициях по отношению к Советской власти, Я. И. Лисицын, член Союза русской присяжной адвокатуры, писал: "Я их не осуждаю, не зная условий... Я только жалею их. Мы с вами дав-

но уже не беженцы. Мы получили гражданство, имеем дом, живем в благословенной Америке со всеми правами человека... А они остались бездомными беженцами, и при том во Франции, где их притесняли до войны, а теперь и подавно...".

На "непримиримых" позициях оставались немногие. Сама "непримиримость" теряла свои абсолютные характеристики периода гражданской войны, и все больше обрастала условиями и компромиссами.

Новая волна русских выходцев докатывается до Америки сразу после окончания Второй мировой войны. Как и прежде, русские беженцы прибывали в Америку с двух сторон: на Атлантическое побережье – из освобожденной Европы и на Тихоокеанское – из Китая и Юго-Восточной Азии. Временные рамки этого этапа русской иммиграции ограничены окончанием боевых действий и прекращением деятельности международных организаций по осуществлению массовой депатриации в начале 50-х годов.

По данным управления по депатриации (на 1 января 1952 г.) в США из Европы прибыло 35251 выходцев из СССР, из которых 1910 русских, 10630 украинцев, 101 белорус, 66 латышей, 7799 литовцев, 4271 эстонцев и т.д.¹².

Новая иммиграция оказалась совсем не той, о которой мечтали старожилы. У Р.Гуля мы находим описание "новых людей", отнюдь не готовых сразу включиться в дело освобождения родины. Соединения традиций и политического опыта одних и знания "правды жизни" других в деятельности общественных объединений не получилось. Как и в межвоенные годы орбиты старой и новой иммиграции не пересекались.

Диаспора, не получавшая "пополнения", неуклонно старела.

Для выходцев из России средний возраст в 1920 г. составлял 34 года (на 6 лет меньше среднего значения по иммигрантскому населению в целом), 41,6 год в 1930 г. (на 2,4 года меньше среднего значения), 49,4 в 1940 г. (меньше среднего значения на 1 год и 6 месяцев) и 57,5 в 1950 г. (что уже превысило среднее значение на 1 год и 7 месяцев).

К рубежу 50-х годов после непролongительной эйфории послевоенных надежд на "русское пришествие" в Америку иммигрантская жизнь все больше пронизывалась ощущением "безвоздушного пространства", когда интеллектуальные силы иммиграции, по выражению М.Вишняка, были вынуждены творить в "физически неизменно убывающей среде" без возможности ее расширения за счет российского читателя или слушателя.

Каковы же отличительные черты русской диаспоры в США в первой половине прошлого столетия? Являлась ли русская диаспора единой?

Безусловно, нет.

Русская диаспора первой половины XX столетия – это соединение несодинимого, то есть широкого спектра социальных групп и сословий, оказавшихся за пределами родины в разное время и в силу разных причин. Представление о родине применительно к русской диаспоре становится мощным разделяющим фактором, препятствующим созданию общеколониальных организаций. Право на собственную Россию и признание ее единственno верной предопределило феномен русской политической эмиграции, ее роли как политического проекта и особой жизненной ситуации.

В большей степени трактовка эмиграции как миссии характерна для общественных дискуссий в европейских центрах русского рассеяния. В Русском

Берлине или Русском Париже к политической часто относили всю эмиграцию, а не только ее авангард.

В условиях Америки многомиллионная масса выходцев из России имела собственные представления об оставленной родине и не разделяла привнесенную в начале 20-х годов миссию ее спасения и возрождения как цели своего существования на чужбине.

Русская Америка пережила ряд моментов в своей истории, в полной мере испытав воздействие идеологии, политики, культурных традиций и общественных институтов, принимающей стороны. В тоже время многим русским в Америке удалось реализовать творческий, научный и культурный потенциал, а диаспоре в целом вести в определенные периоды творческую и насыщенную жизнь.

Русские американцы остались яркий след в науке, культуре, образовании новой родины. Жизнь диаспоры освещалась на страницах русской прессы.

К середине XX в. в США выходило на русском языке 5 ежедневных газет и 14 еженедельных, ежемесячных и ежеквартальных изданий, многие из которых выпускались на очень высоком уровне.

Таким образом, в своем развитии русская диаспора в США прошла этапы становления, развития и упадка.

В условиях прекращения иммиграционного движения из России диаспора была обречена на постепенное растворение в американской жизни.

Тем не менее, на протяжении первой половины столетия русские иммигранты сумели создать обширную сеть общественных организаций, призванных способствовать социальной, культурной и правовой адаптации к условиям Америки и воспитанию новых поколений в традициях русской культуры.

Отличительной особенностью диаспоры стало явно выраженное деление организаций и объединений по волновому признаку, что в значительной степени определялось событиями на родине и подчеркивало тесную связь иммиграции со страной исхода. Опыт развития русской диаспоры в США, имеющий почти вековую историю, представляет несомненный общественный интерес с точки зрения изучения процессов правовой, социально-экономической и социокультурной адапта-

Каждая из волн была вынуждена трансплантировать, поддерживать и развивать собственные сети социального взаимодействия в привычной и понятной для себя форме.

История диаспоры – это история развития и укрепления таких связей, попыток приобщить к ним новые поколения русских американцев.

Представители разных волн иммиграции по иному выстраивали границы своих сообществ. Критерии членства в организациях, как и принципы отбора существенно менялись по мере смены поколений. Идеологическая жесткость и нетерпимость иммигрантов первого поколения, часто стремившихся сохранить чистоту рядов своих союзов, в большинстве случаев сменялась организационной целесообразностью последующих поколений.

На протяжении первой половины XX в. русская диаспора предстает как яркое отражение российской действительности, сколок нации, казалось, временно перенесенный на чужую почву со всем спектром российских социально-политических экономических и культурных характеристик.

ции значительных иммигантских групп в новой среде под воздействием миграционной политики, способствующей максимальному использованию потенциала прибывающих мигрантов во внутри- и внешнеполитических интересах страны их пребывания.

Примечания

- ¹ Санчаяна Д. Характер и мировоззрение американцев. М., 2003. С. 45.
- ² Кабузан В. Русские в мире. Динамика численности расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С 30.
- ³ Govorchin G. From Russia to America with Love: A study of the Russian Immigrants in the United States. Kingston, 1990. P. 49.
- ⁴ One America. The history, contribution and present problems of our racial and national minorities. N.Y., 1946. P. 125.
- ⁵ The Interpreter. Vol. IV. № 8. October 1925. P. 6.
- ⁶ Jeleznov M. Moscow-on-the-Hudson. N.Y., 1948. P. 153.
- ⁷ Hassell J.E. Russian refugees in France and the United States between the world wars. Philadelphia, 1991. P. 37.
- ⁸ Памятная книжка Соединенных Штатов для сведения иммигрантов и иностранцев. 1923. С. 24
- ⁹ Вишняк М. Годы эмиграции 1919–1969. СПб.: Формат, 2005. С. 376.
- ¹⁰ Новое русское слово. 1941. 22 ноября.
- ¹¹ Вакар Н. Эмиграция и Советская власть // Новый журнал. 1945. № 10. С. 345.
- ¹² Эмиграция и депатриация в России. М., 2001. С. 80.

Ядерное нацеливание: первые 60 лет

Арджун Макхиджани,
директор Вашингтонского института
проблем окружающей среды и энергетики

5 мая 1943 г. состоялось первое заседание Военно-политического комитета Манхэттенского проекта, посвященное обсуждению потенциальных целей для готовящейся атомной бомбы. До этого ученые, принимавшие участие в Манхэттенском проекте, работали над бомбой только для того, чтобы опередить Гитлера. Но эта встреча стала первым официальным сигналом о том, что правительство рассматривает проект в гораздо более широком плане – это оружие могло быть использовано не только для сдерживания фашизма, но и для установления и поддержания нового мирового порядка после окончания войны, который диктовали бы США. Демонстрация этой власти 6 августа 1945 г. привела к чудовищным военным, политическим, социальным, моральным и юридическим последствиям, природу которых мы только теперь начинаем понимать.

Вместо обеспечения долгосрочного мира бомба создала иллюзию безграничной власти и еще больше подхлестнула рост насилия, нарушений прав человека. Погоня за обладанием и распоряжением ею едва не привела к уничтожению всего мира. И все же формула:

“атомная бомба = полный контроль”

до сих пор существует, и, учитывая наблюдающееся в последнее время ослабление контроля над вооружениями, опасность такого подхода будет только расти.

Непредвиденные для мировой политики последствия Манхэттенского проекта превзошли все ожидания. Например, Гарольд Юри, ведущий ученый проекта, считал, что если Гитлер получит атомную бомбу, то “война будет окончена за две недели”. Во время победоносного шествия по всей Европе Гитлеру просто нельзя было позволить единолично завладеть атомной бомбой.

Вопросы, связанные с созданием атомной бомбы, начали втайне рассматривать только после 5 мая 1943 г. Атомная бомба стала основой особой стратегической политики, сосредоточенной на ядерных материалах и их возможностях.

На заседании Военно-политического комитета Манхэттенского проекта

пять его членов (директор Отдела по научным исследованиям и развитию Ванневар Буш, председатель Национального комитета по оборонным исследованиям Джеймс Конант, адмирал У.Р.Парнелл, генерал Вильгельм Стайер и руководитель Манхэттенского проекта генерал Лесли Гровс) решили не наносить первый удар по Германии.

Они исходили из тех соображений, что если бомба случайно не взорвётся, то в этой стране с ее большими научными возможностями сохранившийся ядерный материал будет использован для создания собственной бомбы. Поэтому они решили сбросить бомбу на японский флот, базировавшийся в районе о-ва Трук в Тихом океане, чтобы в случае неудачи невзорвавшаяся бомба затонула на дне океана¹.

На этом историческом совещании присутствовали только официальные участники Манхэттенского проекта. Военачальники Второй мировой войны на него приглашены не были. Никто из них не входил в состав Военно-политического комитета, и нет никаких свидетельств, что с кем-нибудь из них консультировались. На самом деле, когда принималось решение о выборе первой цели для нанесения удара, ни генерал Дуайт Эйзенхауэр, ни генерал Дуглас Маккартур даже не знали о существовании Манхэттенского проекта. Более того, даже ученые, принимавшие участие в Манхэттенском проекте, например, эмигранты Ганс Бете и Лео Сцилард, не были посвящены в эту тайну и продолжали работать с мыслью о том, что надо помешать Гитлеру первым получить ядерное оружие.

В течение 1944 г. атомная разведка США собрала достаточно убедительных доказательств того, что в Германии не было сколько-нибудь действенной программы по созданию атомной бомбы. К началу декабря 1944 г., когда американские войска заняли часть Германии, в этом уже не было сомнений.

К январю 1945 г. участникам Манхэттенского проекта стало ясно, что Гитлер может быть разгромлен до того, как атомная бомба будет создана. Только тогда ученые поняли, что целью станет Япония. Некоторые из них пытались предотвратить бомбардировку городов, но большинство молчало.

Тогда Джозеф Ротблат, польский учёный-эмигрант, работавший в Лос-Аламосе, вышел из этого проекта – единственный из всех его участников.

Программа по созданию атомной бомбы стала самоцелью. Эту бомбу надо было применить только потому, что ее уже изготовили. Огромные расходы необходимо было оправдать чем-то большим, чем простыми мерами сдерживания, предпринятыми из предосторожности. Результаты научной и инженерной работы надо было продемонстрировать проведением ядерных испытаний. Ответы на технические вопросы о разрушительной силе атомных бомб можно было получить только при бомбардировке городов. Силу бомбы надо было показать всему миру, в особенности, Советскому Союзу.

Идея о том, что Соединенные Штаты могли бы воспользоваться монополией на атомную бомбу, чтобы перестроить мир по-своему формально была высказана Генри Л. Стимсоном, военным министром во время Второй мировой. После смерти президента США Ф.Д.Рузвельта в обязанности Стимсона входило информирование президента США Гарри Трумэна о работе над Манхэттенским проектом.

25 апреля 1945 г. Стимсон сказал Трумэну: “Если проблема правильного использования этого оружия будет решена, мы получим шанс устроить мир таким образом, чтобы спасти его и всю нашу цивилизацию”.

Первыми экспериментами по “правильному использованию” стали бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Быстрое окончание войны после этих бомбардировок создало вокруг Соединенных Штатов ауру полного военного успеха. Этот успех затмил собой и ту роль, которую сыграло в капитуляции Японии объявление ей войны Советским Союзом (8 августа 1945 г.), и тот факт, что японцы были готовы к капитуляции уже в июле.

Массированные воздушные бомбардировки зажигательными бомбами,

обратившие в пепел японские города в начале 1945 г., теперь предполагалось заменить устрашающим действием единственной атомной бомбы, сброшенной с одного самолета. Это должно было также стать демонстрацией силы для Советов. И Сталин понял это. После Хиросимы по его приказу работы по созданию атомной бомбы стали вестись с головокружительной быстротой.

Вместо того, чтобы объявить об успешном завершении и закрытии Манхэттенского проекта, генерал Гровс развернул его еще шире. Он настаивал на том, чтобы бомба была создана в назначенные сроки и применена против Японии, которая, как он заявил в апреле 1945 г., “всегда” была целью.

Официальные послевоенные заявления об огромном количестве спасенных американских жизней были преувеличены и не имели отношения к официальным оценкам потерь американских войск в ходе конфликта. Но американцы, почувствовавшие облегчение от того, что жестокая война заканчивается, поверили им. Так наряду с ужасом бомбардировок появилась и привлекательная сторона в использовании монстризма атомной бомбы.

Спустя 60 лет после того, как антифашистская направленность Манхэттенского проекта сменилась деструктивными целями, популярность представления о том, что атомная бомба – реальное средство осуществления власти, продолжает расти.

Спустя десятилетие после окончания “холодной” войны северная Корея угрожает ядерной.

Осама бен Ладен, публично заявляя о своих ядерных амбициях, обосновал свою решимость пожертвовать невинными людьми, напоминанием о Хиросиме.

Индия и Пакистан угрожают друг другу ядерным оружием, а их войска стоят друг против друга по обе стороны гористой замерзшей границы, обуреваемые религиозными и националистическими страстиами.

Россия и Соединенные Штаты вместе имеют на вооружении 4000 боеголовок в состоянии полной боевой готовности, которые в течение минут могут быть запущены. Это держит мир на грани взаимоуничтожения. Обе страны настаивают на необходимости такого арсенала, несмотря на то, что “холодная” война уже давно закончилась.

В январе 1995 г. из-за ошибочных расчетов за несколько минут мир оказался на грани полномасштабной ядерной войны – исследовательская ракета, запущенная из Норвегии, была принята Россией за настоящую американскую ядерную.

Сегодня перед миром встает очень конкретный вопрос: победит ли воля тех, кто обладает разрушительной силой, стоит над властью закона и правосудием. Кто отвергает права человека, демократию, законы войны, охрану окружающей среды и даже здравый смысл, выступающий против усугубления риска ядерного терроризма и случайной ядерной войны?

Во имя национальной безопасности ядерный истеблишмент ниспрроверг власть закона и демократии, в которой существовал сам.

В 1989 г., в конце “холодной” войны, заместитель министра энергетики США У.Хенсон Моор подверг критике предыдущие администрации за то, что они строили отношения с ядерным истеблишментом “на основе секретности, а не на основе подчинения закону”. Он сказал, что правительство и его подрядчики управляли заводами по производству оружия исходя из принципа: “Это наше дело, это вопрос национальной безопасности, и все остальные в это не должны вмешиваться”¹². Под “всеми

остальными", конечно, имелись в виду граждане Соединенных Штатов.

Правительства ядерных держав подвергали риску собственных рабочих, граждан и солдат. Например, Комиссия США по атомной энергии и ее подрядчики скрывали от рабочих, что их труд сопряжен с большой опасностью. Частично это делалось и для того, чтобы не выплачивать рабочим надбавки за вредность. В Советском Союзе многие рабочие на реакторах и заводах по выделению плутония получили очень высокие дозы облучения.

Правительства ядерных держав облучали людей, живущих с подветренной стороны от испытательных полигонов и ядерных производств. Они скрывали это.

В результате атмосферных испытаний в Неваде и Казахстане ядерные державы нанесли ущерб здоровью своих людей, утверждая, что радиоактивные осадки не причинят им вреда. (Эта ложь называлась "переобучением", направленным на преодоление "истерических и панических настроений, столь распространенных в настоящее время". Так выразился один из американских военных офицеров, участвовавших в этих испытаниях).

Уверяя людей в том, что ядерные испытания не представляют радиационной опасности, военные продумывали возможность использования радиоактивного заражения как боевого средства после ядерного взрыва.

Объединенный комитет начальников штабов представил очень выразительное описание испытаний 1946 г. на о-ве Бикини*: "Мы даже не можем в полной мере представить себе все бедствия, которые обрушатся на современный город в результате взрыва одной или нескольких бомб и выпадения радиоактивных осадков. Из тех, кто сразу не погибнет от взрыва бомбы, одни умрут от лучевой болезни через несколько часов, другие – через несколько дней, третьи – через несколько

лет. ... Пережив ужас взрыва, тысячи людей в страхе будут ждать смерти, не зная, когда она их настигнет"³.

В период максимального атомного производства в 50-х годах США производили около 10 плутониевых зарядов в день на предприятии Роки-Флэйтс, что в 16 милях с противоветренной стороны от Денвера. Максимальный размер американских арсеналов достигал почти 32000 бомб.

Один из американских стратегических военных ядерных планов в середине 50-х годов предусматривал использование примерно 750 атомных бомб. Считалось, что этого количества будет достаточно, чтобы превратить Россию в "груду дымящихся, радиоактивных развалин в течение двух часов"⁴. Советы побили этот "рекорд" – их максимальный арсенал составлял более 40000 бомб.

Широкомасштабная ядерная программа была начата в США как часть пропаганды "холодной" войны⁵. В результате гонки вооружений, ядерных арсеналов было накоплено больше, чем их требовалось для разрушения всех городов мира. Продолжалась также своеобразная гонка, чтобы придать атому миротворческий имидж.

В результате мы теперь имеем около 2000 т плутония, из которого можно сделать примерно 400000 атомных бомб, а при использовании высокоеффективных технологий – намного больше.

Примерно четверть этого количества составляет обогащенный плутоний, уже готовый для производства бомб. Остальной плутоний можно обогатить с помощью химической переработки. Именно этим сейчас и занимается Северная Корея, выдавая свою программу по созданию ядерного оружия за программу создания атомных станций.

Соединенные Штаты и Россия извлекают плутоний в рамках своих программ по

* Операция "Перекресток" была проведена в июле 1946 г. на атолле Бикини с целью осуществления первого ядерного испытания после окончания Второй мировой войны.

переработке ядерных отходов. Великобритания, Франция, Япония и Индия занимаются этим ради коммерческой выгоды, хотя один ведущий японский политик заметил, что Япония могла бы изготовить из своего коммерческого плутония несколько тысяч бомб.

Решимость великих держав обладать ядерным оружием по-прежнему неизменна. В качестве потенциальных целей ядерного удара Соединенные Штаты назвали семь стран, в том числе Северную Корею. Включение Северной Кореи в этот список, приведенный в “Обзоре ядерной политики США” (*The Nuclear Posture Review*), было прямым нарушением американо-северокорейского пакта 1994 г., согласно которому США обязались “предоставить КНДР формальные гарантии того, что они не прибегнут к угрозе или применению ядерного оружия”.

Со своей стороны, Северная Корея также нарушила свои обязательства.

Пять основных ядерных держав являются также постоянными членами Совета Безопасности ООН, где они решают судьбы миллиардов людей. Все они нарушают свои обязательства по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), направленные на то, чтобы ликвидировать ядерное оружие, предприняв для этого необходимые шаги. Мало того, что они нарушают свои обязательства по Договору, удерживая мир на грани ядерной пропасти, они хотят еще быть арбитрами для всех других. Правда, некоторые ядерные государства делают это с большим усердием, может быть из-за реальной конкуренции между ними.

С тех пор, когда 5 мая 1943 г. была выбрана первая ядерная цель, в истории появилось множество ложных утверждений о том, что ядерное оружие

может обеспечить мир и безопасность в силу своей абсолютной мощи.

Соединенные Штаты и Советский Союз едва не уничтожили друг друга и весь мир во время кубинского ядерного кризиса. Но после короткого периода надежд, которые дал миру Договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, они продолжили расширять свои арсеналы.

Ядерное оружие часто использовалось для запугивания неядерных государств.

Ядерные бомбардировщики США были приведены в состояние боевой готовности и посланы в Никарагуа накануне организованного переворота в Гватемале в 1954 г., который в конечном итоге привел к гибели более 200 тыс. чел.

Ядерные угрозы играли свою роль в нефтяной политике, включая Ирако-Ливанский кризис 1958 г. Нефть и ядерное оружие являются сегодня “гримучей смесью” в центре мирового кризиса.

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний США задвинули в дальний ящик, нарушив свои давние обещания. Ядерная бюрократия, пережив окончание “холодной” войны, нашла себе место в новой неопределенной и более общей войне. Теперь, по-видимому, она намерена испытывать или даже применять ядерное оружие в военное время. И это не взирая на то, что огромные количества ядерных материалов, накопленных в мире, могут привести к катастрофическим последствиям.

Многочисленные ядерные кризисы, включая потенциальные конфликты Индия-Пакистан, Северная Корея – США – Китай, а также инспирированный индуцированный терроризм, по-видимому, грозят поставить крест на ДНЯО. Ближний Восток, где растет беззаконие, насилие и озлобление, где не утихает Израильско-Палестинский

кризис, а Израиль располагает ядерным оружием, вскоре вполне может стать еще одной ядерной горячей точкой.

Мы никогда не сможем получить точную информацию о том, где находятся все ядерные материалы, пригодные для изготовления оружия. Например, в США Национальная лаборатория Лос-Аламос и Министерство энергетики расходятся в оценке содержания плутония в ее радиоактивных отходах. По оценкам лаборатории Лос-Аламосс получается на 765 кг больше (это соответствует примерно 150 боеголовкам), чем по расчетам Министерства энергетики. Эта разница была замечена в 1996 г., но вопрос до сих пор не решен.

О точности учета оружейного плутония в России приходится только догадываться.

Вместо одного ядерного бомбардировщика над городом сегодня мы оказались перед угрозой получить в каждом грузовом контейнере ядерную бомбу, способную стереть город с лица земли

Но даже если мы бесповоротно уничтожим все запасы ядерного оружия – что и желательно, и технически возможно – все-таки технические знания, полученные во время испытаний, и чувство опасности останутся.

Иллюзорно полагать, что терроризм можно сдержать орудиями террора. Подобного рода оружие часто провоцирует желание обладать им. Политика сдерживания является главным двигателем ядерного распространения. Страх перед немецкой бомбой привел к созданию американской бомбы, которая, в свою очередь, привела к созданию советской и китайской бомб. Больше половины всего населения мира проживает сейчас в странах, обладающих ядерным оружием или являющихся со-

юзниками ядерной державы. В настоящее время 44 страны имеют техническую возможность создания атомной бомбы.

Когда прежнего премьер-министра Китая Чжоу Энь Лая спросили, что он думает об историческом значении Французской революции, он ответил: “Об этом еще слишком рано говорить”.

Махатма Ганди был не столь сдержан в высказываниях о Манхэттенском проекте и его последствиях в виде бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.

Осуждая “злодеяния” и “непомерные амбиции” японского имперализма, Ганди предсказывал, что Соединенные Штаты однажды и сами могут столкнуться с ядерной угрозой: “Еще рано судить, что произошло с душой нации, совершившей эти разрушения ... Рабовладелец не может держать раба, не заходя сам или не послав своего помощника в клетку, где содержится раб”.

Гигантская ядерная пропасть “холодной” войны сохраняется. К тому же, всемирный ядерный ландшафт обнажает обширные ледниковые расщелины.

Предложение Генри Стимсона о “правильном применении” атомной бомбы было ошибочным. Нет таких рук, в которых атомная бомба могла бы считаться безопасной. Сохраняется реальная опасность того, что в результате ошибки Соединенных Штатов или России значительная часть Земли за 15 мин. превратится в груду радиоактивных развалин.

Индия и Пакистан могут испепелить города друг друга – у них есть 5 мин., или даже меньше, для принятия решения.

В результате северокорейско-американской конфронтации ядерные взрывы снова могут прогреметь в Восточной Азии. Возрастает и угроза утечки ядерных материалов.

"Может быть, как это ни парадоксально, мы достигли такого состояния, когда безопасность будет здоровым ребенком террора, а выживание – близнецом взаимоуничтожения", прокомментировал Уинстон Черчиль в марте 1955 г. во время дискуссии о водородной бомбе.

Но это с трудом можно определить как "безопасность". Тем более ее нельзя назвать "здоровым ребенком" ядерного террора, в каком бы масштабе – глобальном или региональном – мы не рассматривали этот вопрос.

В так называемых марионеточных войнах погибли миллионы людей. Для них ядерный век принес смерть, а не безопасность, частично по той причине, что европейцы были слишком напуганы, чтобы сно-

ва воевать друг с другом. А насилие в марионеточных войнах продолжается. Конечно, проблема международного терроризма, который угрожает стать ядерным, это прямой результат некоторых из этих войн.

Представление о том, что атомные бомбы решают все, перекочевало из столиц цивилизации в пещеры Афганистана.

Со времен Хиросимы Манхэттенский проект стал символом блестящего успеха. Особенно это подчеркивается в Соединенных Штатах, где он воспринимается как технический триумф, объединивший в себе человеческий гений, административный опыт, денежные средства и неуклонное движение к цели.

Теперь часто можно услышать ставшее афоризмом высказывание: "Чтобы решить (здесь приводится формулировка сложной проблемы), нам надо организовать Манхэттенский проект". И все же научный триумф – это еще не все. Без морального или политического видения, без перспективы для бушующих поколений, он может привести к хаосу, насилию, а в случае с ядерным оружием и к уничтожению.

Страны, обладающие оружием террора – это не ответ на проблему террора.

Только всемирное движение за демократию, вдохновленное такими лидерами, как Ганди или Мартин Лютер Кинг, способно преодолеть насильтственные и разрушающие основы ядерной эры.

Альберт Эйнштейн отметил необходимость изменений в человеческом мышлении, чтобы общество могло справиться с последствиями создания атомной бомбы.

Ганди показал, каким образом можно этого добиться: "Мы сами должны измениться так, как хотим, чтобы изменился мир".

Примечания

¹ Makhijani A. "Always" the Target? Bulletin of the Atomic Scientists. May/June 1995. PP. 23–27.

² Reid T.R. Health, Safety Given Priority at Arms Plants. Energy Department Puts Production 2nd // Washington Post. 1989. June 17.

³ U.S. Joint Chiefs of Staff. The Evaluation of the Atomic Bomb as a Military Weapon. The Final Report of the Joint Chiefs of Staff Evaluation Board for Operation Crossroads (30 June 1947). Document number JCS/1691/7, Record Group 218, Modern Military Branch, National Archives, Washington, D.C.

⁴ Strategic Air Command, nuclear war briefing. March 18, 1954. Цит. по: David Alan Rosenberg. A Smoking Radiating Ruin at the End of Two Hours. Documents on American Plans for Nuclear War with the Soviet Union, 1954-55. International Security 6, no. 3, (winter 1981/1982). PP. 3–38.

⁵ Makhijani A., Saleska S. Nuclear Power Deception. New York: Apex Press, 2000.

Военная безопасность России в современных условиях

Юрий Скуратов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Вышла в свет монография “Правовое обеспечение военной безопасности России”. Её автор – профессиональный военный полковник юстиции М.Ф.Гацко, заместитель начальника центрального НИИ Минобороны России, кандидат философских наук – осуществил политico-правовое исследование сущности и современного состояния правового обеспечения военной безопасности России.

Появление книги содержащей комплексный анализ сущности и состояния военной безопасности современной России, исследование национальных интересов в военной сфере, оценку существующих, а также потенциальных военных угроз и опасностей, представляется чрезвычайно актуальным и весьма своевременным.

В современных условиях, когда США в гипертроированном стремлении к реализации концепции однополярного мира и обеспечении своего глобального лидерства в нём, явно культивируют применение военной силы в международных делах, Российская Федерация вынуждена особое внимание уделять вопросам обеспечения своей военной безопасности.

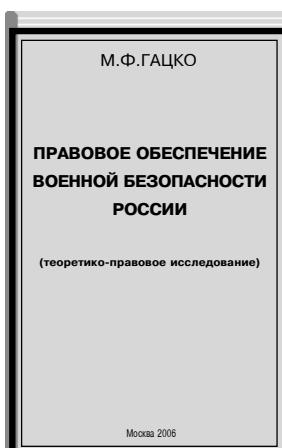
Автор убедительно показывает, что с распадом советского геополитического пространства, утратой прежних “двойных” границ, продвижением бло-

ка НАТО непосредственно к границе России, втягиванием в указанный альянс ряда государств СНГ и формированием из их числа буферных организаций (ГУАМ), произошло явное снижение уровня национальной безопасности страны, в том числе и её военной составляющей.

Значительное место в монографии занимает анализ характера и источников угроз военной безопасности государства, а также исследование подходов к их типологии и выработка на этой основе рекомендаций по правовой регламентации внешних, внутренних и трансграничных угроз военной безопасности современной России.

В монографии показано, что на постсоветском пространстве, в зоне жизненно важных интересов России

происходит эскалация энергетических конфликтов, в разрешении которых всё большая роль отводится военной силе. Указанная автором тенденция расширения востребованности военной силы для обеспечения экономических интересов государств НАТО подтверждена на рижском саммите НАТО 2006 г., где заявлено о необходимости нормативно-правового закрепления в уставе НАТО возможности применения военной силы для защиты энергетических и иных экономических интересов государств альянса.

В книге обосновывается тенденция изменения характера и источников угроз военной безопасности современной России.

По мнению автора, закреплённые в Российской Федерации на концептуальном уровне выводы о том, что основные угрозы национальной безопасности страны носят преимущественно внутренний характер, нуждаются в серьёзной корректировке, в том числе и в нормативно-правовом плане.

Автор монографии приходит к выводу, что в современных условиях многие внешние и внутренние угрозы военной безопасности России интегрируются и принимают трансграничный характер. В их числе:

- деятельность международных террористических организаций;
- трансграничная преступность в масштабах, угрожающих военно-политической безопасности государства и стабильности общества;
- деятельность прямо или косвенно поддерживающихся из-за рубежа противоправных сепаратистских, национальных или религиозных экстремистских организаций и группировок, направленная на подрыв конституционного строя России и создающая угрозу территориальной целостности государства, и другие.

Проведенный автором анализ действующих нормативных правовых актов и концептуальных документов в сфере обеспечения национальной и военной безопасности России свидетельствует об отсутствии в них указаний на трансграничные угрозы, а также об определенном несовпадении Концепции национальной безопасности и Военной доктрины Российской Федерации в подходах к типологии угроз безопасности. В этой связи М.Ф.Гацко аргументировано обосновывает целесообразность

переработки Закона РФ “О безопасности”, а также корректировки ряда положений Концепции национальной безопасности и Военной доктрины Российской Федерации (С. 63).

Достоинством монографии также является то, что её автором раскрыты закономерности возникновения и проявления угроз в сфере военной безопасности, обоснована авторская концепция о вызовах, опасностях и угрозах как последовательных фазах эскалации военно-политической напряжённости.

В рецензируемой книге обосновываются теоретико-правовые основы обеспечения военной безопасности современной России.

Так, М.Ф.Гацко детально анализирует сущность категорий “военная безопасность” и “оборонная безопасность”, разграничивает указанные понятия по их сущности и обосновывает, что подмена категории “военная безопасность” термином “оборонная безопасность” недопустима, поскольку обеспечение военной безопасности включает не только осуществление оборонной функции государства, состоящей в предотвращении военной агрессии, но и нейтрализацию внутренних угроз военного характера (терроризм, вооружённый экстремизм, попытки насилиственного изменения конституционного строя и т. д.).

Исследуя состояние урегулированности в отечественном законодательстве правовых основ обеспечения военной безопасности, автор констатирует, что до настоящего времени содержание понятия “военная безопасность” ещё не нашло своего закрепления в отечественных нормативных актах, что диктует необходимость внесения изменений в Военную доктрину РФ, а так-

же в Федеральный закон “Об обороне”. По мнению автора, в указанных выше нормативных актах целесообразно закрепить определение: “*Военная безопасность – составная часть системы национальной безопасности Российской Федерации, представляющая собой состояние достаточной защищённости жизненно важных интересов государства, общества и личности в военной сфере от внешних, внутренних и трансграничных угроз*” (С. 22).

Трудно не согласиться с автором, что система обеспечения военной безопасности нашего государства, которая была создана и эффективно функционировала в эпоху сдерживания внешних военных угроз, оказалась не готовой к упреждению и гарантированной нейтрализации проявлений международного терроризма, трансграничной преступности, национальной нетерпимости, сепаратизма и иного подрыва стабильности конституционного строя, а также иных трансграничных и внутренних угроз.

Значительное место в книге занимает исследование правовых основ деятельности современной военной организации страны.

Анализируя систему правового обеспечения военной безопасности в России, автор приходит к выводу, что в указанной сфере отечественное законодательство частично устарело, кроме того, оно содержит серьёзные пробелы, что в таком важном деле, как обеспечение военной безопасности, недопустимо. Так, до настоящего времени не приняты Федеральные законы “О военной реформе в Российской Федерации”, “О военном бюджете Российской Федерации”, “О гражданском контроле и управлении военной организацией и деятельностью в Российской Федера-

ции”, которые бы способствовали совершенствованию правового регулирования деятельности по строительству современной армии и контроля над ней (С. 114).

Значительный интерес представляют подходы автора к **проблеме правовой регламентации вопросов гражданского контроля над Вооружёнными Силами и другими силовыми структурами**.

Заслуживают внимания предложения М.Ф.Гацко о введении в Российской Федерации института парламентского уполномоченного по делам военнослужащих, а также по расширению роли общественных организаций в осуществлении гражданского контроля над военной организацией государства (С. 144).

Автором детально анализируются правовой статус Вооружённых Сил Российской Федерации как государственной военной организации, а также **особенности правового регулирования их применения** как по предназначению, так и не по их предназначению.

М.Ф.Гацко констатирует, что действующее законодательство России нечётко разграничивает случаи применения Вооружённых Сил Российской Федерации не по предназначению с вооружением и без такового, в этой связи он обосновывает необходимость закрепления порядка применения Вооружённых Сил Российской Федерации не по предназначению с вооружением и без такового Федеральным законом “О Вооружённых Силах Российской Федерации”, который так и не был принят, несмотря на имевшиеся указания ч. 5 ст. 10 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ “Об обороне” (в ред. федеральных законов от 30.12.1999 № 223-ФЗ, от 30.06.2003 № 86-ФЗ, от 11.11.2003 № 141-ФЗ).

В исследовании М.Ф.Гацко также содержится серьёзный анализ специфики использования военных структур в борьбе с терроризмом, что придаёт рассматриваемой работе особую актуальность.

Автор прослеживает динамику изменений отечественного антитеррористического законодательства, вскрывает сильные и слабые стороны нормативных правовых актов, регламентирующих борьбу с терроризмом и экстремизмом, обосновывает необходимость более чёткого законодательного разграничения указанных понятий и явлений (С. 225).

В работе детально рассматривается проблема правовых основ использования спецподразделений Вооружённых Сил РФ для нанесения превентивных ударов по террористам, в том числе находящимся за пределами России.

Автор даёт характеристику правовых основ концепции ядерного сдерживания и его роли в обеспечении военной безопасности России. Также М.Ф.Гацко представляет сравнительно-правовой анализ международных договоров об ограничении стратегических наступательных вооружений, достигнутых между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки (договоров ОСВ-1, ОСВ-2, по ПРО, о РСМД, СНВ-1, СНВ-2, о СНП и др.). При этом автор четко демонстрирует сложившуюся во внешней политике США тенденцию к достижению односторонних преимуществ в переговорном процессе в ущерб интересам стратегической стабильности и военной безопасности России.

Особое внимание автора сосредоточено на проблемах правового регулирования статуса Стратегических сил сдерживания и Стратегических ядерных сил России.

Доказывается, что деятельность по их строительству в Российской Федерации ещё не нашла надлежащего закрепления на законодательном уровне. Допущенные просчёты при объединении, а затем разъединении таких компонентов ССС и СЯС, как РВСН и Космические войска, по мнению автора, наглядно свидетельствует о необходимости разработки и принятия специального Федерального закона "О Стратегических силах сдерживания".

Новизна рецензируемой работы состоит в обосновании сущности угроз интересам военной безопасности России на современном этапе, выявлении источников угроз и механизма их возникновения, особенностей проявления в сфере военной безопасности государства, обосновании роли и места военной силы в их сдерживании, а также выработке рекомендаций по совершенствованию системы правового регулирования обеспечения военной безопасности современной России.

Отдельные читатели, возможно, упрекнут М.Ф.Гацко в том, что он, доказывая в своей работе важность укрепления военной безопасности государства, теоретически обосновывает необходимость милитаризации Российской Федерации и осуществления курса на конфронтацию с Западом.

Видимо это не так. Следует признать, что если мы хотим, чтобы за рубежом бесспорно признавали и уважали национальные интересы России, а также считали её великой державой, она должна иметь современную и сильную военную организацию. В этом убеждает книга М.Ф.Гацко.

М.Ф.Гацко. Правовое обеспечение военной безопасности России (теоретико-правовое исследование). М., 2006. – 344 с.

Неравнодушные заметки о перестройке

Александр Берков

Заметки К.Н.Брутенца действительно неравнодушные, да они и не могли бы быть иными. Ведь мне до сих пор памятно, как мы вместе с автором восторженно внимали речам М.С.Горбачева или его пророка А.Н.Яковлева. В должности первого заместителя заведующего Международным отделом ЦК, а затем и советника президента СССР, автор был как бы внутри происходивших событий, близко соприкасался с “архитектурами перестройки”. Результатом является очень личное, неравнодушное отношение к событиям, проблемам, людям недавнего прошлого, соединенное со стремлением это прошлое понять, опираясь не только на эмоции, но, прежде всего, на серьезное и объективное исследование.

Книга К.Н.Брутенца носит историко-мемуарный и одновременно аналитический характер. В ней прослеживается процесс “перестройки” – пролог, начало и развитие, различные этапы и, наконец, финал – поражение. Автор при этом стремится ответить на основополагающие вопросы: были ли реформы неизбежны; осознавало ли это советское руководство (или только Горбачев); существовала ли у М.С. – инициатора и руководителя “перестройки” – концепция реформ, их стратегия; имел ли он в виду глубокие

преобразования со сменой существующего строя или, скорее, переналаживание его механизма; какие факторы определяли развитие “перестройки”, смену ее этапов; неотвратимо ли было ее поражение; роль субъективных и объективных факторов, в том числе и соперничества между Горбачевым и Ельциным вместе с характеристикой личностных качеств обоих, имея в виду большое влияние этого момента на развитие событий.

Редкой среди мемуарной литературы и весьма ценной, на мой взгляд, особенностью книги является то, что автор не становится в позу провидца, которому уже тогда все было ясно, который видел допускаемые ошибки и

знал как надо действовать.

Напротив, он честно признает, что разделял большую часть иллюзий и ложных представлений, владевших руководством. Более того, он признает и долю ответственности – свою и своих коллег – за то, что “не сбылось”.

На поставленные вопросы автор отвечает не общими словами и эмоциями, а обстоятельно, с множеством фактов и подробностей. На читателя обрушивается целая лавина неординарной информации. Но в этом отношении К.Н.Брутенц далеко не типичный мемуарист: его свидетельства можно проверить, каждое из них подтверждается документами или источниками. Причем в оборот вводится множество практически неизвестных материалов, включающих как выдержки из бесед Горбачева с руководителями других стран, его выступлений на Политбюро и заседаниях ЦК, так и из

документов внутрицоковского хождения. Это, со своей стороны, открывает путь к небанальным суждениям о внутренней и международной политике СССР в 70–80-е годы.

Работа в целом выдержана в исторической последовательности, но в рамках глав мысль автора не следует за хронологией “перестройки”, а может, по мере необходимости, обращаться и к более далекому прошлому и оценивать проблему, событие с позиций сегодняшних опыта и понимания. Собственно, так ведет себя всякая живая мысль, и поэтому книгу не только захватывающе интересно, но легко читать.

Продвигаясь вместе с читателем в потоке тех бурных лет, автор стремится, а это бесспорное достоинство книги, уяснить и одновременно объяснить читателю причины постигшей “перестройку” судьбы.

Начавшаяся с захватывавших дух ожиданий, бурного порыва общества к свободе и обновлению она, принеся демократические преобразования, за кончилась крушением государства.

К.Н.Брутенц убедительно доказывает неизбежность смены строя, приводит факты, свидетельствующие о том, как крепчал генерационный, интеллектуальный и нравственный “маразм” руководства страны, как нарастал идеологический, психологический и нравственный кризис в обществе, усиливавшийся его “усталость”.

По его мнению, к началу 80-х годов, а для части политической верхушки, пожалуй, даже раньше, настоятельная необходимость серьезных реформ – разумеется не столь масштабных, как проведенные при Горбачёве – стала очевидной. Даже Брежнев – об этом свидетельствует автор – в неофициальных беседах признавал назревший характер изменений, нужду в них, но до-

бавляя “этим займется после меня, попробуете, испытаете уже без меня, после меня”.

Причем, это К.Н.Брутенц подчеркивает особо, ввиду деидеологизации большей части руководства – марксистко-ленинские клише служили лишь оболочкой для речей и документов – речь шла об укреплении державности, о закреплении положения супердержавы. Именно этой идеологической выхолощенностью и мимикией автор справедливо объясняет странный на первый взгляд факт: своих лидеров и руководящие кадры система, сменившая социалистическую, получила от прежней, казалось бы, политически и идеологически противоположной.

Этим, а не только нравственным коэффициентом соответствующих персонажей, пишет автор, объясняется удивительное, вполне кафкианское зрелище: недавние члены политбюро ЦК КПСС, все – люди не первой молодости, еще вчера произносившие “марксистко-ленинские” речи, безудержно славившие Брежнева и поочередно других генеральных секретарей, гонители церкви, вдруг без малейшего смущения принялись обличать “коммунистическую демагогию” (Ельцин) бездуховность, фанатизм и антинациональную направленность коммунистической идеологии (Каримов), запрещать компартии (Алиев, Каримов, Назарбаев), истово бить себя во внезапно обретенную религиозную грудь (Ельцин, Алиев, Шеварднадзе).

Говоря о том, что в руководстве уже было понимание неизбежности реформ, автор выделяет фигуру Андропова, который во многом остается “темной лошадкой” для западных и российских исследователей.

На основе нескольких личных встреч, выступлений Андропова, высказываний крупных зарубежных деятелей и другой информации К.Н.Брутенц передает свое впечатление о нем. Он особо выделяет его незаурядный интеллект, утраченную советскими вождями аскетичность, нацеленность на реформы, рожденную уже тем, что Андропов более чем кто-либо

был осведомлен о прогрессирующем захвачивании системы. Вместе с тем, автор считает невозможным предугадать ни направленность, ни глубину вероятных андроповских реформ.

Представляется справедливым авторский вывод о том, что “брежневская эпоха”, на первый взгляд патерналистски успокоительная, обернулась одной из самых мрачных глав нашей новейшей истории. Не только сама эта “эпоха” явилась полосой стагнации, но слишком живучими оказались последствия “застоя”, она отбросила гнетущую тень на последующие годы, во многом способствуя неуспеху “перестройки”.

К.Н.Брутенц обстоятельно рассматривает различные стороны “перестройки”: политическую, идеологическую, экономическую, внешнеполитическую. Касаясь так называемого ускорения, он, привлекая статистические данные, доказывает, что наряду с инерцией, даже сопротивлением реформам в обществе (причем и руководителей, и трудящихся) и особенно противодействием консервативных сил, в том, что ускорение как экономический рывок не удалось, первостепенную роль сыграла нереалистичность поставленных задач.

Так, планировалось к концу 12 пятилетки довести промышленное производство до 90% от уровня Соединенных Штатов, хотя оно в то время составляло лишь 62% оного.

Но если не говорить об объективной стороне дела, неудача ускорения, доказывается в книге, была вызвана, прежде всего, отсутствием хорошо продуманной, внутренне цельной концепции – что, верно и в отношении “перестройки” в целом. Концепции, которая тщательно учитывала бы реальные возможности страны, неспособность жестко централизованной си-

стемы управления производством обеспечить “ускорение” без коренной реконструкции ее звеньев на всех уровнях. Хотя по инициативе и под руководством Горбачева был дан старт целой серии крупных организационных мер (немало из них отличал новаторский дух), нововведения во многом были волюнтаристского и импровизационного свойства. Они часто сводились к попыткам директивным путем ввести экономические методы хозяйствования.

Своими нестандартными оценками и обобщениями автор характеризует судьбоносный октябрьский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС. Не скрывая своего резко отрицательного отношения к Ельцину, он, тем не менее, признает, что тот в лучшие, пусть и редкие, минуты своей биографии выступал как крупный политический деятель. Какими бы мотивами не руководствовался Ельцин, его выступление на Пленуме было поступком. По существу он посягнул на “святое”, на то, что служило опорой и оправданием иерархической структуры КПСС, ее деятельности и морали.

Выступление с критикой Горбачева было своего рода историческим рубежом в жизни КПСС и страны. Дело было даже не столько в содержании выступления, сколько в самом его факте: на Пленуме ЦК публично оппонируют Генеральному секретарю, критикуют деятельность верхушки КПСС – такого партия не знала в течение десятилетий. Многие, однако, замечает автор, рассматривали и рассматривают происшедшее лишь в плоскости столкновения лиц, и поэтому оно недооценывается до сих пор.

Констатируя, что от октябрьского пленума берет начало противостояние между Горбачевым и Ельциным, автор приходит к выводу, что это противостояние и неспособность сторон подняться над своими эмоциями и личными устремлениями, стали по сути дела, трагическими для страны, послужив

одним из главных факторов разрушения Советского Союза и разорения России.

Это противостояние оказалось шекспировским по масштабам причиненного вреда, но отнюдь не по масштабу его героев. К.Н.Брутенц, видимо, прав, считая, что между Горбачевым и Ельциным существует нерасторжимая связь. Не только в том смысле, что один является в значительной степени порождением другого. Ельцин продолжил некоторые начавшиеся еще при предшественнике процессы – особенно негативные, которые возникли на закате “перестройки”. И оба останутся в истории не как антиподы, но как люди, политики друг другу близкие и неразрывно связанные.

Подробному разбору подвергается “новое мышление”, его, по выражению автора, “сладкие и горькие плоды”. Автор отмечает, что содерявшийся в нем новый взгляд на мир, точно определенное Горбачевым магистральное направление действий – покончить с “холодной” войной – позволили добиться впечатляющих успехов, особенно на первых порах.

Был возобновлен диалог с Соединенными Штатами и постепенно рассеивалась конфронтационная атмосфера в отношениях, резко сократилась угроза глобального ядерного конфликта. Был достигнут прогресс на переговорах по стратегическим вооружениям. Наконец, были выведены войска из Афганистана, улучшены отношения с Китаем, углубилось сотрудничество с Индией.

Вместе с тем, “новое мышление” послужило красивым прикрытием и своего рода идеально-политическим ключом для беспрецедентного в истории одностороннего демонтажа международных позиций великой державы. “Новое мышление” фактически не только преувеличивало значение общечеловеческих интересов за счет интересов государственных, национальных,

социальных, религиозных, и иных, которые продолжают управлять жизнью народов. На деле же предлагаемое как программа для мира, “новое мышление” оказалось полностью оторванным от его реальностей и его законов, слишком прекраснодушным и даже утопичным. Оно абсолютизировалось и даже выдавалось за основу реальной политики государств.

“Новое мышление” включало в себя ряд положений пересматривавших основы традиционной политики, исходящей из геополитических интересов, и заменяло их моральными принципами. Именно оно создавало Горбачеву на Западе среди общественности, но не среди политиков, ореол великого реформатора, призванного спасти мир от конфронтации, от “холодной” и “горячей” войн. Обласканный Западом и ослабленный благодаря растущему хаосу в стране, Горбачев пошел на очень крупные внешнеполитические уступки. Он игнорировал тот факт, что Вашингтон, хоть и заинтересован в демократической реформации в нашей стране, прежде всего, добивается ослабления и ограничения ее влияния.

Нараставшие экономические неудачи – плановые показатели были провалены, начался спад производства, возникли трудности с энергией и топливом, со снабжением продовольствием, в магазинах красовались пустые полки – были, по мнению автора, главным фактором, толкавшим в сторону демократических преобразований. Руководство связывало неудачу “ускорения” исключительно с “сопротивлением” аппарата (которое, разумеется, было реальным фактором, но не единственным) и рассчитывало, что политическая реформа сдвинет экономику с мертвой точки. Началась полоса демократических преобразований, которые

воспринимались обществом “на ура”. К.Н.Брутенц эмоционально описывает политическое пробуждение, которое нарастало в стране, то напряженное внимание, с которым общество следило за работой XIX партийной конференции КПСС, давшей мощный толчок демократическим тенденциям в обществе, расширившей пространство гласности. Но обращается внимание и на то, что сосредоточение на политических вопросах сопровождалась фактическим отстранением от серьезно обострившихся национальных и экономических проблем.

Касаясь КПСС, автор выдвигает положение, которое многие считают спорным или даже неверным: он считает, что имелись реальные шансы на успешное реформирование партии, на проведение ее через “очистительное горнило демократизации”, что подготовило бы ее к тому, чтобы существовать и действовать в демократическом обществе, и даже стать лидером “перестройки”. Предпосылками такой реформы, по мнению автора, могли быть демократическая “перестройка” деятельности руководства партии (где продолжало царить единовластие генсека, украшенное многоговорением), привычка к партийной дисциплине и начавшаяся политическая раскачка основной массы членов КПСС и, наконец, конформистски пластичное нутро большей части партноменклатуры вместе с присутствием в ней и реформистского, хоть и слабого, крыла.

В книге проводится мысль, что, несмотря на обильную риторику на этот счет, к реформе партии фактически и не приступали. Автор подвергает сомнению высказывания Горбачева и некоторых его соратников – кстати, более поздние – о том, что М.С. якобы целенаправленно вел линию на разрушение

КПСС. Более того, как показывает К.Н.Брутенц, в кризисные минуты Горбачев не раз – и чуть ли не до самого “конца” – хватался вновь за партийные рычаги, впрочем, уже малодейственные.

Верно другое: логика его политики вела именно к такому результату – деинтеграции КПСС, что оказалось разрушительным актом в отношении государства и страны.

В книге приводятся высказывания самого М.С. о том, что “ломка этой структуры, ломка партии означала уничтожение страны”. Ведь КПСС давно перестала быть партией, а скорее была огосударствленной организацией и служила скелетом государства, скрепой огромной страны с чрезвычайно разнообразными социальными и национальными условиями. Это, несомненно, было своего рода аномалией, но уход партии с политической арены в обстоятельствах, когда ничто и никто ее в этой функции не заменил, не мог не привести к потере управляемости страной.

Обращаясь к национальному вопросу, К.Н.Брутенц признает, что он усложнялся по всем азимутам в доперестроечные времена, и это было частью кризиса системы. “Перестройка” с ее демократией и гласностью, с общественной ломкой и стрессами, с экономическими трудностями открывала шлюзы для выброса общественного недовольства, для резкого оживления интереса к “национальному вопросу”.

Архитекторам “перестройки”, которые нанесли сокрушительный удар по двум столпам проводившейся до тех пор национальной политики – мощи Центра и идеологическому освящению системы – предстояло столкнуться с весьма усложнившейся взрывоопасной национальной проблематикой. Однако,

доказывает К.Н.Брутенц, руководители “перестройки” начали ее как бы игнорируя национальный вопрос. Хотя речь шла о радикальных преобразованиях в многонациональной стране, реформаторские намерения в этой области отсутствовали. Пленум ЦК по национальному вопросу откладывался трижды и состоялся только в сентябре 1989 г., когда уже на некоторых национальных окраинах загорелось пламя национальных движений. Автор обстоятельно анализирует и другие причины фиаско Горбачева и его соратников в национальном вопросе, приведшие к развалу СССР.

Автор опровергает мнение, что развал Советского Союза (а его разваливали!) вызван путчем, который организовали некоторые фигуры из окружения Горбачева. В создавшихся условиях, когда Горбачев уже выронил руль управления, а Ельцин сотоварищи наращивали свои разрушительные действия, судьба Союза была, по мнению автора, решена.

Из затронутых проблем позднеперестроечной внешней политики наибольший интерес представляет раздел, посвященный событиям в Заливе (1991 г.).

Автор обстоятельно – на базе массивного документального материала – отслеживает их развитие на различных стадиях так называемой “Бури в пустыне”, анализирует линии Москвы и Вашингтона, как совпадающие по политической задаче, объявленной и легитимизированной мировым сообществом, но противоположные в установках на методы ее реализации. Как абсолютно обоснованный характеризуется советский курс на пресечение агрессии и наказание агрессора невоенными способами.

Но утверждается, что проводился он недостаточно последовательно, использовались не все наличные “козыри” и делались поспешные уступки Соединенным

Штатам. Впрочем, как подчеркивает сам автор, США, еще до окончательного разрыва Советского Союза уже ставшие единственной сверхдержавой, твердо взяли курс на развязывание военных действий, чтобы продемонстрировать – в расчете и на глобальный резонанс – свою военную мощь и обеспечить себе доминирующее положение в регионе.

Американская дипломатия до поры до времени маскировала эти намерения и, действуя продуманно и изощренно, полностью переиграла советскую сторону.

В книге подчеркивается, что за такие масштабные преобразования, как переход от существовавшей в Советском Союзе системы к демократии, к рыночной экономике неизбежно пришлось бы, по крайней мере первоначально, платить определенную экономическую и социальную “цену”. Но, во всяком случае, не столь чудовищную, какую заплатила Россия – и этим она обязана как Ельцину, так и Горбачеву. Наконец, автор касается некоторых личностных особенностей М.С. поскольку они оказались на многих событиях периода “перестройки” и на самих ее судьбах. Он отмечает (вслед за помощником Горбачева Г.Шахназаровым), что М.С. – не стратег, а тактик. Более того, у Горбачева тактика становится стратегией, а нерешительность рождает тенденцию “играть”, находясь одновременно на обеих сторонах “шахматной доски”, чтобы избежать проигрыша. К.Н.Брутенц также констатирует сомнительную роль, которую сыграл Горбачев в связи с событиями в Вильнюсе и Риге. Вопросы остаются и по поводу Форосского заключения.

“Перестройка”, подчеркивает в заключение К.Н.Брутенц, представляла собой крупнейший созидательный, политический, социально-экономический проект второй половины XX в. Она имела

общемировое значение, также как ее провал, повлекший за собой серьезные последствия для всего человечества.

Завершая разговор о рецензируемой книге нельзя не отметить еще одно ее несомненное достоинство – не только хороший литературный язык, отмеченный стилевым своеобразием, авторской индивидуальностью.

Книга К.Н.Брутенца одна из лучших книг, если не лучшая, из книг, по-

священных “перестройке”, и благодаря информированности и объективности автора, и благодаря глубине, и разносторонности анализа. Ее интересно прочитать, чтобы лучше понять, что и как с нами приключилось, извлечь некоторые уроки на будущее.

Брутенц К.Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М.: Международные отношения, 2005. – 656 с.

Виталий Безрук

* * *

Грядет зима, докучные заботы.
Дымком осенним молодость бежит.
Растаяли за дальним поворотом
Бред юности и детства миражи.

И что ни год, то холодней и суще,
Но надо соответствовать судьбе
И жить с людьми, и привыкать их слушать,
И слышать тишину в себе.

Стыда тревожа ржавые иголки,
Перебирать ушедшие года
И с грустью думать, что из книг на полке
Ты многих не раскроешь никогда.

Зато теперь значительно спокойней
Обозревать свой чахлый огород.
Трава увяла, обнажились корни,
И явственней откуда что растет.

Рассчитывать на собственные силы,
Знать: ни один прямым не будет путь.
Зато теперь все девушки красивы,
Но не настолько, чтобы не уснуть.

Забудешься... возникнут чередою
Места и люди, образы и сны.
Товарищи, которых нет с тобою,
Вернулись все, и лица так ясны

Сквозь первый снег, что порошит на память,
На старину,
На яблоню, что отросла ветвями
В ту сторону.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель–Observer”

Статьи представляются на дискете в программе Word вместе с распечаткой.

Распечатка статьидается Кт. 14 через 1,5 интервала.

Общий объем статьи не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Текст статьи должен быть структурирован.

Ссылки на источники должны даваться только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, причем они должны быть привязаны к тексту с указанием выходных данных и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию на русском языке, отражающую основные идеи материала.

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или TIF.

При пересылке материала по E-mail требования по форме представления материала сохраняются.

В сопроводительном письме в редакцию необходимо указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, другие звания, должность и контактные телефоны.

Редакция не ведет переписку с авторами.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень вводится в действие с 1 января 2007 года.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель-Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.
ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>
Подписано в печать 16.03.2007. Формат 70x100 1/16. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 995.